

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2014

№ 2 (28)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.

Журнал входит в "Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук", Высшей аттестационной комиссии

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) – зам.
главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) – зам.
главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв.
секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

*Editorial Board of the
Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Editor-
in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) – Deputy Edi-
tor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) – Deputy
Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive
Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) – Deputy
Executive Editor
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)
А.С. Янушкевич (Томск, Россия)

*Editorial Council of the
Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, United States)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
M.N. Lipovetsky (Boulder, United States)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, United States)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)
A.S. Yanushkevch (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Абдуллина Г.Р. Усечение производящей основы как регулярное морфонологическое явление в словообразовательной системе башкирского языка.....	5
Дронова Л.П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку. Статья вторая.....	16
Ибрагим В.Ф., Дарвиш Р.Э. Национально-культурные истоки прецедентных имён в российской и египетской прессе.....	25
Лаппо М.А. Прагматический потенциал лексем, обозначающих лиц по роду занятий: динамический аспект (на примере лексемы «учитель»).....	37
Мехеда М.И. О некоторых параметрах информативности субстандартных лексических единиц (на материале русского и английского языков).....	50
Нагель О.В. Семантика производного имени как активатор метаязыкового сознания носителя русского языка.....	63
Пушкарева И.А. Контексты со словом «правда» в современном медиадискурсе (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий»).....	72

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валова О.М. «Святая блудница» Оскара Уайльда: путь к вере.....	85
Жилякова Э.М. Роман В. Скотта «Приключения Найджела» и проза М.Ю. Лермонтова. Статья первая.....	94
Плеханова И.И. О редукции психологизма в новейшей прозе.....	109
Суханова С.Ю., Цыпилёва П.А. Функции античного претекста в лирике А. Кушнера.....	126
Шпилевая Г.А. «Язык бала» и «музыка жизни» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина».....	142
Шунков А.В. «Чин погребения мирских человек» (XVI в.) и его традиция в поэтическом творчестве Г.Р. Державина.....	151

ЖУРНАЛИСТИКА

Жилякова Н.В. «И смех, и горе»: неизвестный сатирический журнал Томска периода Первой русской революции.....	160
Пугачев В.В. Провинциальный читатель в Российской империи.....	169

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Дубровская С.А. «Обманчивая ясность» смыслов А.С. Пушкина. Рец. на книгу: Гуревич А.М. Сокровенные смыслы. Статьи о Пушкине (1984–2011).....	180
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	185

CONTENTS

LINGUISTICS

Abdullina G.R. Derivational base clipping as a regular morphonological phenomenon in Bashkir word formation	5
Dronova L.P. Technique of diachronic research and cognitive approach to language. Article II	16
Ibrahim W.F., Darweesh R.E. National origins of precedent names in Russian and Egyptian press	25
Lappo M.A. Pragmatic potential of lexemes designating persons by professions: the dynamic aspect (by example of the lexeme <i>teacher</i>)	37
Mekheda M.I. On some parameters of informativeness of Russian and English substandard lexical units	50
Nagel O.V. Semantics of a derivative name as an activator of Russian speaker metalinguistic cognition	63
Pushkareva I.A. Contexts with the word <i>truth</i> in modern media discourse (on the material of the city newspaper <i>Kuznetsky rabochy</i>)	72

LITERATURE STUDIES

Valova O.M. <i>La Sainte Courtisane</i> by Oscar Wilde: the path to faith	85
Zhilyakova E.M. <i>The Fortunes of Nigel</i> by W. Scott and prose works by M.Yu. Lermontov. Article One	94
Plekhanova I.I. On the reduction of psychological aspect in contemporary prose	109
Sukhanova S.Yu., Tsypilyova P.A. Functions of the antique pre-text in the lyrics by A. Kushner	126
Shpilevaya G.A. "The language of the ball" and "music of life" in L.N. Tolstoy's <i>Anna Karenina</i>	142
Shunkov A.V. "Burial ceremony of mundane people" (XVI century) and its tradition in the poetry of G.R. Derzhavin	151

JOURNALISM

Zhiliakova N.V. <i>I smekh, i gore</i> : an unknown satirical Tomsk magazine during the first Russian Revolution	160
Pugachev V.V. The provincial reader in the Russian Empire	169

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Dubrovskaya S.A. "Deceptive clarity" of meanings by A.S. Pushkin. A book review: Gurevich A.M. <i>Sokrovennyye smysly. Stat'i o Pushkine (1984–2011)</i> [Hidden meanings. Articles on Pushkin (1984–2011)]	180
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	185
--	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.366.512.141

DOI 10.17223/19986645/28/1

Г.Р. Абдуллина

УСЕЧЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ОСНОВЫ КАК РЕГУЛЯРНОЕ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Усечение основы в башкирском языке считается регулярным морфонологическим явлением. В данной статье рассмотрены особенности вышеуказанного морфонологического явления в словообразовательной системе башкирского языка, выделены типы усечений по позиции в морфемной структуре слова, а также по фонемному составу. В словообразовательном процессе производящие основы подвергаются усечению при образовании слов посредством аффиксации, словосложения, редупликации и аббревиации. Усечение башкирских основ может быть финальным и срединным. Во многих производных данный процесс не учитывается орфографическими правилами башкирского языка, и он соблюдается только в устной речи. В процессе словообразования традиционно выделяют усечение отдельных фонем и усечение фонемных комплексов. Ключевые слова: башкирский язык, морфонология, словообразование, усечение производящей основы.

В башкирском языке в области словообразования наблюдаются следующие морфонологические явления: усечение производящих основ, наращение морфем, наложение фонем, чередование фонем. Среди них усечение производящих основ занимает особое место благодаря регулярному использованию.

Данное морфонологическое явление получило достаточное освещение в исследованиях О.С. Ахмановой, Е.А. Земской, В.Б. Касевич, Е.С. Кубряковой, В.В. Лопатина, М.В. Панова, А.А. Реформатского, С.М. Толстой, Н.С. Трубецкого, И.С. Улуханова и др. В тюркологии явлению усечения основ посвящены известные труды Н.З. Башировой, Ф.А. Джапилова, М.З. Закиева, Н.Х. Ольмесо́ва, И.П. Павлова, Т. Садыкова, Д.А. Салиховой, Т.Х. Смаилова.

Относительно башкирского языка можно отметить, что в Академической грамматике [1. С. 79–87] А.А. Юлдашевым подробно описывается случай выпадения конечных фонем при аффиксации, также анализируются виды преобразований при словосложении и редупликации. Классификация морфонологических явлений (в том числе и усечение производящей основы) в области словообразования башкирского языка впервые была осуществлена К.Г. Ишбаевым [2] и подвергнута комплексному анализу Г.Р. Абдуллиной [3]. Тем не менее некоторые вопросы, касающиеся типов усечения основ по позиции в морфемной структуре слова, а также по фонемному составу, требуют дальнейшей конкретизации.

В словообразовательном процессе башкирского языка производящие основы подвергаются усечению при образовании слов посредством аффикса-

ции, словосложения, редупликации и аббревиации. Усечение башкирских основ может быть: а) финальным: *һалпы* 'обвислый, отвислый' + *-ай* = *һалпай* 'повисать, обвисать' [ы-Ø]; *кәкре* 'кривой' + *-әй* = 'кривиться, искривляться' [е-Ø]; б) срединным: *ирек* 'воля, свобода' + *-ен* = *иркен* 'просторный, свободный'; *күрек* 'вид' + *-әм* = *күркәм* 'привлекательный' [е-Ø].

Усечение финальной гласной считается регулярным морфонологическим процессом. В большинстве случаев из основы выпадают фонемы [ы], [е] как наиболее слабые и более подверженные редукции. Сравнительно реже усекаются основы на гласные [о], [ə], [ə]: *йоко* 'сон' + *-ла* = *йокла* 'спать' [о-Ø], *көмрө* 'горбатый' + *-әй* = *көмрәй* 'горбиться' [ə-Ø], *Йәһүзә* (мужское имя) + *-ин* = *Йәһүзин* (фамилия) [ə-Ø] и т.д.

Выпадение срединных гласных происходит, как правило, между двумя согласными, которые чаще всего являются сонантами, щелевыми, а также смычными, взрывными задне- и среднеязычными [к] и [к]: *уйын* 'игра' + *-а* = *уйна* 'играть' [ы-Ø], *кисек* 'отрезок' + *-ен* = *кискен* 'резкий' [е-Ø].

Правда, во многих производных данный процесс не учитывается орфографическими правилами башкирского языка, и он соблюдается только в устной речи. Эти дериваты имеют два (полный и редуцированный) варианта произнесения: *һуҡыр* 'слепой' – *һуҡырай*-, *һуҡрай*-'ослепнуть', *исер*-'опьянеть' – *исерек*, *исрек* 'пьяный', *төкөр*-'плюнуть' – *төкөрөк*, *төкрөк* 'плевок', *ялтыр* 'блестящий' – *ялтыра*-, *ялтра*-'блестеть'.

Привлекает внимание случай выпадения срединных гласных [ы], [е] в следующих парах слов: *шиғыр* 'стих' – *шиғри* 'поэтический', *шәхес* 'личность' – *шәхси* 'личный, индивидуальный', *сихыр* 'чародейство' – *сихри* 'чарующий', *енес* 'пол' – *енси* (*тәрбиә*) 'половое (воспитание)', *синиф* 'класс' – *синфи* (*көрәш*) 'классовая (борьба)' и т.д.

История появления указанных пар слов в башкирском языке уходит корнями в далекое прошлое: в языке-источнике исходное существительное (например, *шиғыр*) было односложным, оканчивающимся на две согласные фонемы. Башкирский язык, наряду с другими тюркскими языками (см: [4. С. 57]), переняв и производящее слово, и дериват из арабского, адаптировал их согласно своим фонетическим законам, по которым в конце слова не может находиться скопление согласных.

Но по истечении времени эта пара слов начала восприниматься как слова, находящиеся в отношениях словообразовательной производности. Существительное *шиғыр* берется за исходное слово, а другое, прилагательное *шиғри*, маркированное аффиксом *-и* и усечением основы, считается производным словом. Тем более выпадение безударных гласных [ы], [е] перед словообразовательным аффиксом полностью соответствует продуктивному в башкирском языке и характерному для многих исконных слов морфонологическому процессу усечения исходных основ при аффиксации.

В процессе словообразования традиционно выделяют усечение отдельных фонем и усечение фонемных комплексов.

Усечение отдельных фонем. При *аффиксальном словообразовании* усечение, как правило, происходит в производящих основах, состоящих из имен существительных, прилагательных, числительных, глаголов, наречий (см. также: [2. С. 199; 3. С. 32]).

Выпадают гласные конечного слога [a], [ə], [o], [ы], [e] в названиях мужских имен при образовании башкирских фамилий с помощью русского фамилиеобразующего суффикса -ин(а): Хэйрулла – Хэйруллин(а), Мортаза – Мортазин(а) [a–Ø], Йәнтүрә – Йәнтүрин(а), Йәһүзә – Йәһүзин(а) [ə–Ø], Юлғотло – Юлғотлин(а), Байғотло – Байғотлин(а) [o–Ø], Йәнһары – Йәнһарин(а), Ураксы – Ураксин(а) [ы–Ø], Ишбирзе – Ишбирзин(а), Амангилде – Амангилдин(а) [e–Ø].

Усечение основы за счет гласной [a] имеет место в ряде случаев образования отчества от названия мужских имен посредством суффиксов -ич, -ович, -овна: Сафа – Сафич, Вафа – Вафич, Сәйфулла – Сәйфуллович, Ғиндулла – Ғиндуллович, Хизбулла – Хизбулловна, Кәлимулла – Кәлимулловна.

Отсекаются гласные [ы], [e], [o], [ə], [ə] при образовании глаголов от имен существительных присоединением аффиксов -а/-ə, -ла/-лә: йыйын 'собрание' – йыйна- 'собирать, созвать' [ы–Ø], уйын 'игра' – уйна- 'играть' [ы–Ø], йәшен 'молния' – йәшнә- 'сверкать' [e–Ø], йоко 'сон' – йокла- 'спать' [o–Ø], тейән 'узел' – тейнә- 'завязывать' [ə–Ø], терек 'подставка, опора' – теркә- 'присоединять' [ə–Ø].

При образовании глаголов от некоторых иноязычных существительных подвергается усечению конечная гласная [a]: награда – наградла- 'награждать', гравюра – гравюрла- 'гравировать', гранула – гранулла- 'гранулировать'.

Встречаются также немногочисленные примеры усечения при образовании имен прилагательных от имен существительных: ирек 'свобода, воля' – иркен 'свободный, вольный' [e–Ø], кискә 'отрезок' – кискен 'резкий' [e–Ø], бөзөр 'рябь' – бөзрә 'кудрявый, курчавый' [ə–Ø].

Утрачиваются гласные конечного слога [ы], [e], [o], [ə] в основах имен прилагательных при образовании от них глаголов с помощью аффикса -ай/-әй: һары (др.-тюрк. сарыг) 'желтый' – һарғай 'желтеть', кәкре 'кривой' – кәкрәй- 'искривляться', олоғ (др.-тюрк. олуғ) 'большой, пожилой, старый' – олғай- /орф. олоғай- 'стареть, становиться пожилым', көмрә 'горбатый, изогнутый' – көмрәй- 'горбиться, сутулиться'.

В основе отдельных имен числительных (в частности, в словах *алты*, *ете* при присоединении к ним сложного форманта -мыш/-меш со значением множественности) выпадают конечные гласные [ы], [e]: алты 'шесть' – алтмыш 'шестьдесят', ете 'семь' – етмеш 'семьдесят'; Алты йәшәр сәфәрзән кайтһа, алтмыш йәшәр күрә килер, ти (Мәкәл) 'Если шестилетний вернулся из поездки, то шестидесятилетний навещает его'. Егет кешегә етмеш төрлө һөнәр зә аз (Мәкәл) 'Джигиту и семьдесят ремесел мало'.

Подвергаются усечению конечные гласные фонемы глагольных основ при образовании от них имен существительных: талкы- 'дробить' – талкан 'толокно', у(л)тыр- 'сидеть' – утрау 'остров', баһыр- 'придавливать' – баһрау 'гнет, слега', һула- 'дышать' – һулыш 'дыхание', йөрө- 'ходить, двигаться' – йөргөнсә 'ходок, путник'.

Как видно из вышеприведенных примеров, в данном случае наблюдается усечение как конечных (һула-, талкы-, йөрө-), так и срединных гласных (ултыр-, баһыр-).

Изредка встречается усечение наречных словообразующих основ в следующих случаях: а) перед аффиксом **-ғы/-ге**, образующим имена прилагательные: **юғары** 'высоко' – **юғарғы** 'верхний', **элғәре** 'раньше, прежде' – **элғәрге** 'бывший, прежний'; б) перед аффиксом **-лы/-ле**, посредством которого образуются единичные наречия: **ары-бире** 'туда-сюда' – **арлы-бирле** 'кое-как'.

В башкирских сложных основах усечению может подвергаться как первая, так и вторая основа: **һары + ут = һарут** 'луговое растение' (усечена первая основа), **ни + эшлә- = нишлә-** 'что делать' (усечена вторая основа).

Как правило, в башкирском языке при словосложении опускаются маргинальные формы, если на стыке основ оказываются две гласные: **алты + а[йя]к = алта[йя]к**, **күзле + ут = күзлут**, **йүкә + ағас = йүкағас**.

Также следует обратить внимание на то, что при быстрой речи внутри словосочетаний и предложений на стыках отдельных слов часто происходит опущение и гласных, и согласных фонем: а) **кара уны** – **караны**, **кара әле** – **карәле**; б) **шул кеше** – **шугеше**, **шул тиклем** – **шутиклем**, **шул саклы** – **шусаклы**, **шул хәтле** – **шухәтле**. Правда, в этом случае нужно отметить, что слово *шул* в древнетюркском языке звучало как [шу].

Принимая во внимание данный факт, можно было бы отнести указанное явление к автоматическим фонологическим. Однако в некоторых сложных словах выпадение фонем и фонемных комплексов происходит несмотря на то, что это не выходит за рамки правил башкирской фонотактики; допустим, когда на морфемном шве не образуется хиатус: **кырык + аяк = кырғаяк**, **һары + бай = һарбай**, **киле + һап = киһап** и т.д.

Известно, что усечение основ при словосложении наблюдалось и в более ранние периоды истории развития башкирского языка: **кузғалак** 'щавель' < **кузы колак** досл. 'ухо овна /ягненка/', **ярғанат** 'летучая мышь' < **яры канат** досл. 'перепончатые крылья', **умырзая** 'первоцвет' < **ғүмере зая** досл. '(его) жизнь (прожитая) зря', **Оморзак** антроп. 'Умурзак' < **ғүмере озак** досл. '(его) жизнь долгая', **беләзек** 'браслет' < **беләк йөзөгө** досл. 'перстень для руки', **йәйғор** 'радуга' < **йәй коро** досл. 'время /пора/ лета'.

Разнообразие типов усечения производящих основ при словосложении в определенной степени связано с существованием в башкирском языке большого пласта своеобразных сложных слов, относящихся к области терминологии (по ботанике, зоологии, географии и т.д.). Компонентами таких сложных слов выступают чаще всего имена существительные, прилагательные, числительные, реже – глаголы и наречия (см. также: [2. С. 202–204]):

а) в изафетных словосочетаниях типа «существительное в неопределенно-притяжательном падеже + существительное с аффиксом принадлежности»:

– в основе второго компонента утрачивается аффикс принадлежности **-ы/-е/-о/-ө**: **һабан туйы** досл. 'праздник плуга' – **һабантуй** 'сабантуй', **әнә буры** досл. 'воровка иголок' – **әнәбур** диал. 'стрекоза', **әбей сәсе** досл. 'волосы старухи' – **әбейсәс** диал. 'ковыль', **иләк йондозо** досл. 'звезда-решето' – **Иләкйондоз** 'Стожары', **карға мороно** досл. 'клюв вороны' – **карғаморон** 'плоскогубцы', **кендек сөйө** досл. 'гвоздь стержня, сердечника' – **кендексөй**

диал. 'ось телеги', кайын гөлө досл. 'цветок березы' – кайынгөл диал. 'недотрога'.

В диалектных словах урын ашы досл. 'еда местная' – урнаш 'вечеринка' и урын ағасы досл. 'палка местная' – урнағас 'ткацкий станок' наблюдается еще и выпадение срединной гласной первого компонента;

– при наличии в конце второго компонента чередований [к–ғ], [к–г], [п–б] вместе с утратой конечных гласных восстанавливается исходная форма основы: куян колағы досл. 'ухо зайца' – куянколак диал. 'лесная свербига', киле набы досл. 'рукоятка ступы' – киһап диал. 'толкуша', күмер сүлмәге досл. 'горшок для угля' – күмерсүлмәк диал. 'угольница', икмәк силәге досл. 'ведро для хлеба' – икмәксиләк 'квашня', базар ойого досл. 'базарные чулки' – базаройок диал. 'хлопчатобумажные чулки', яға төбө досл. 'дно, глубь воротника' – яға төп диал. 'ожерелье из монет';

– при стечении двух гласных фонем на стыке основ утрачивается конечная гласная первого компонента: тары уты досл. 'трава проса' – тарут 'бор развесистый', күрше әбейе досл. 'соседская старуха' – күршәбей диал. 'почтительное обращение к пожилым женщинам-односельчанкам', таба икмәге досл. 'хлеб из сковороды' – табикмәк 'лепешка из дрожжевого теста', бәпкә үләне досл. 'трава цыпленка' – бәпкүлән диал. 'травка-муравка', бейә үләне досл. 'трава кобылы' – бейүлән 'жеруха болотная';

– при наличии на стыке двух основ /в конце первого или начале второго компонента/ согласных [к] и [к] перед гласными или после них, а также после согласных [v], [ж], [з], [з], [й], [л], [м], [н], [ң], [р], кроме усечения, они чередуются со своими звонкими парами [ғ] и [г]: бал калағы досл. 'ложка для меда' – балғалак 'чайная ложка', кәкүк уты досл. 'трава кукушки' – кәкүгут диал. 'Венерин башмачок', таба күмәсе досл. 'лепешка из сковородки' – табагүмәс 'лепешка', аксарлак үләне досл. 'трава чайки' – аксарлагүлән диал. 'чемерица', аяк осо досл. 'кончики ног' – аяғос диал. 'задворки';

б) при образовании некоторых сложных личных имен выпадают срединные или конечные гласные первого компонента: ғилем + нур = Филминур, бәхет + йәр = Бәхтийәр, шәйех + ислам = Шәйхислам, миңле + ислам = Миңлислам, котло + Әхмәт = Котләхмәт, хужа + Әхмәт = Хужәхмәт;

в) в сложных словах, образованных в результате сращения в одну лексему словосочетаний типа "имя существительное с аффиксом принадлежности + имя прилагательное", если прилагательное начинается на гласную фонему, то происходит утрата конечной гласной первого компонента (см. также: [5. С. 61]): муйыны ак досл. 'шея (его) белая' – Муйнак (кликча собаки), һырты ак досл. 'хребет (его) белый' – һыртақ 'с белой полоской вдоль спины (о скоте)', тазы кара досл. 'парша (голова) его черная' – тазғара 'черный гриф', биле ала досл. 'пояс (его) белый' – билала 'луны пегий', эсе керле досл. 'нутро (его) грязное' – эскерле (кеше) 'зловредный (человек)', эсе керһез досл. 'нутро (его) чистое /хорошее/' – эскерһез досл. 'искренний, простодушный человек', бейөрә ак досл. 'бока (его) белые' – бейрәк 'белобокая (о корове)';

г) при образовании имен существительных из словосочетаний типа "прилагательное + существительное" усекается конечная гласная фонема в соста-

ве имени прилагательного, находящаяся перед начальной гласной имени существительного: **һалмалы** ит досл. 'мясо с лапшой' – **һалмалит** диал. 'бишбармак', **азаулы айғыр** досл. 'жеребец с коренным зубом' – **азаулайғыр** диал. 'жеребец 6–7 лет', **кары урман** досл. 'старый лес' – **карурман** 'дремучий лес', **энәле ағас** досл. 'дерево с колючками' – **эналағас** диал. 'боярышник', **тере ут** досл. 'живой огонь' – **терут** диал. 'горячие угли', **кара үпкә** досл. 'черные легкие' – **карупкә** диал. 'чахотка'.

Названное явление имеет место и при образовании некоторых географических названий: **яңы ауыл** досл. 'новая деревня' – **Яңауыл** (топоним), **кара изел** досл. 'черная река' – **Каризел** (топоним), **коро әйләнмә** досл. 'сухой изгиб' – **Корәйләнмә** (топоним);

д) в основах имен числительных усечение конечных гласных наблюдается:

– при образовании сложных числительных: **туғыз** /др.-тюрк. токуз/ 'девять' + **ун** /др.-тюрк. он, ан/ 'десять' = **тукһан** 'девяносто', **һигез** /др.-тюрк. секиз/ 'восемь' + **ун** /др.-тюрк. он, ан/ 'десять' = **һикһән** 'восемьдесят';

– при образовании сложных существительных типа "имя числительное + имя существительное", "имя числительное + глагол", когда конечная гласная числительного оказывается перед начальной гласной следующей основы: **алты ауыз** досл. 'шесть ртов' – **алтауыз** диал. 'сплетник', **алты атар** досл. 'шесть (раз) выстрелит' – **алтатар** 'шестистрелка', **ике алыш** досл. 'два боя' – **икалыш** 'двоеборье', **ете ырыу** досл. 'семь родов' – **етырыу** 'семь родов', **ете атар** досл. 'семь (раз) выстрелит' – **етатар** 'семистрелка';

е) усечение глагольных и наречных основ происходит в следующих случаях:

– усечению подвергается начальная согласная фонема в основе глагола, когда она оказывается за сонорой согласной [й]; наблюдается единичный пример: **буйһондор-** /буй һондор-/ 'подчинять, покорять' – **бойондорокло** 'зависимый, подневольный';

– в разговорной речи выпадает инициальная гласная вспомогательного глагола при образовании составных глаголов по схемам: "вопросительное местоимение **кайһылай** + вспомогательный глагол ит-" = **кайһылайт-**, "определительные местоимения **улай, былай, шулай, ошолай, тегеләй** + вспомогательный глагол ит-" **улайт-, былайт-, шулайт-, ошолайт-, тегеләйт-** и т.д.;

– интересен пример усечения основы при образовании составных форм глаголов, когда на стыке встречаются два компонента, первый из которых оканчивается, а второй начинается на гласный; в разговорной речи происходит усечение одной из гласных: **килә** + **ала** = **киләла** 'может прийти, подойти', **бирә** + **ала** = **бирәла** 'может дать, отдать'. Разумеется, здесь следует отметить одну особенность: такое усечение возможно лишь при условии, когда на морфемном шве встречаются гласные, различающиеся только по ряду (например, [а] и [ә]).

– устраняется конечная гласная фонема в основах наречий, если непосредственно за ней следует сонорная согласная [й] в начале второй основы: **ары як** 'дальняя сторона' – **аръяк** 'противоположная сторона', **бире як** 'ближняя сторона' – **бирьяк** 'близлежащая сторона'.

При образовании слов *способом редупликации* явление усечения основ наблюдается в форме своеобразного приема: производящая основа теряет свою начальную фонему и начинает выступать в роли первого компонента сложного слова как “эхо” главного компонента: **зык** – **ыфы-зыфы** ‘суматоха’, **соңфор** – **оңфор-соңфор** ‘неровный (о дороге)’, **сикһез** – **икһез-сикһез** ‘бесконечный’, **сыбыр** – **ыбыр-сыбыр** ‘мелкота, мелюзга’, **шыңғыр** – **ыңғыр-шыңғыр** (йөрөү) ‘кряхтеть (от болезни, старости)’, **төләф** – **әләф-төләф** (булыу) ‘растратиться’.

Усечение фонемных комплексов. При *аффиксальном словообразовании* усечение фонемного комплекса наблюдается, как правило, в финальной позиции основы. Отсекаемый сегмент может иметь вид:

а) Г + С (гласный + согласный); данный тип фонемных комплексов встречается обычно при образовании слов по модели “имя прилагательное + -ай/-әй = глагол”: **йәмшек** ‘сплюснутый’ – **йәмшәй** ‘сплющиваться’;

б) С + Г; эта структура отсекается при модели “имя прилагательное + -лан/-лән = глагол”: **якшы атлы** досл. ‘с добрым именем’ – **якшатлан** ‘лебезить’, **яман атлы** досл. ‘с дурной славой’ – **яманатлан** ‘позориться’, **кара эсле** досл. ‘с темным нутром’ – **кареслән** ‘вредить исподтишка’.

Причиной утраты морфемы -лы/-ле в именах прилагательных, образованных на базе фразеологических единиц, при присоединении к ним глаголообразующего аффикса -лан/-лән является, видимо, стремление избежать сосредоточения труднопроизносимых морфем -лы + -лан/-ле + -лән;

в) С + Г + С; при образовании целой группы русских прилагательных, образованных на базе интернациональных слов (см.: [6. С. 13-14; 2. С. 200–202]), отсекается конечная часть -ный /флексия -ый и конечная фонема [н] словообразующего суффикса/ в именах прилагательных с суффиксами:

-абельн: коммуникабельный (человек) – **коммуникабель** (кеше), рентабельная (продукция) – **рентабель** (продукция);

-альн: музыкальное (образование) – **музыкаль** (белем), документальная (повесть) – **документаль** (повесть);

-арн: элементарное (понятие) – **элементар** (төшөнсә), фрагментарное (произведение) – **фрагментар** (әсәр);

-ивн: оперативное (действие) – **оператив** (хәрәкәт), субъективная (оценка) – **субъектив** (баһа);

-н: вульгарная (речь) – **вульгар** (телмәр), актуальная (проблема) – **актуаль** (проблема);

-ональн: профессиональное (образование) – **профессиональ** (белем);

-онн: революционное (движение) – **революцион** (хәрәкәт), реакционные (силы) – **реакцион** (көстәр);

-орн: рефлекторная (дуга) – **рефлектор** (дуға);

-уальн: индивидуальная (работа) – **индивидуаль** (эш), текстуальный (перевод) – **текстуаль** (тәржемә);

-ичн: фанатичный (человек) – **фанатик** (кеше), архаичный (взгляд) – **архаик** (караш);

г) Г + С + С + Г + С; подвергается усечению конечная часть -еский /флексия и комплекс фонем [еск] в составе суффикса/ в заимствованных именах прилагательных с суффиксом -ическ, при этом происходит также преоб-

разование в -ик оставшейся части суффикса -ич: этнический состав – **ЭТНИК** состав, техническое (оснащение) – **ТЕХНИК** (йыһазландырыу), эстетический (вкус) – **ЭСТЕТИК** (зауыҡ).

В процессе **словосложения** усечение фонемных комплексов имеет место в основном в разговорной речи и диалектных словах.

В сложных словах, образованных сращением в одну лексему словосочетаний типа “имя существительное в неопределенно-притяжательном падеже + имя существительное с аффиксом принадлежности” в основе второго компонента утрачивается аффикс принадлежности -һы/-һе/-һо/-һө: ауыл санаһы досл. ‘деревенские сани’ – ауылсана ‘кошевка’, айыу арбаһы досл. ‘медвежья телега’ – айыуарба диал. ‘двухколесная телега’, өй кешеһе досл. ‘домашний человек’ – өйгеше диал. ‘женщина’, бүре йүкәһе досл. ‘волчья липа’ – бүрейүкә диал. ‘бересклет’, күз көзгөһе досл. ‘зеркало для глаз’ – күзкөзгө диал. ‘очки’ и т.д.

При образовании сложных глаголов с первым компонентом *алып* происходит усечение данного компонента на комплекс фонем [лы]: алып + кил- = апкил/эпкил ‘принеси’, ... + куй- = апкуй ‘убери’, ... + кайт- = апкайт ‘привези’, ... + кал- = апкал ‘оставь’, ... + кит- = апкит/эпкит ‘увези’, ... + сыҡ- = апсыҡ ‘вынеси’, ... + бир- = апир/эпир ‘подай’, ... + бар- = апар ‘понеси, увези’.

Хотя вследствие изменения своей формы лексема *алып* некоторыми лингвистами воспринимается не как самостоятельное слово, а как префиксоид, мы в данной статье придерживаемся мнения, что *алып* является частью сложного слова, поскольку указанное явление больше характерно для быстрой разговорной речи и не зафиксировано в правилах орфографии башкирского языка.

В сложных словах типа “имя прилагательное + имя существительное = имя существительное” подвергается усечению конечная часть первого компонента: майлы аш досл. ‘масляная еда’ – майлаш диал. ‘баурсак’, канатлы сана досл. ‘сани с крыльями’ – канатсана диал. ‘сани-лежанки’, тамсылы гөл досл. ‘цветок-капелька’ – тамсыгөл ‘фуксия’, бесемле ката ‘легкая обувь, украшенная разноцветной вышивкой и аппликациями’ – бесемғата диал. ‘вид женской обуви’, коротло һалма досл. ‘лапша с курутом’ – кортһалма диал. ‘суп-лапша, заправленный курутом’.

Наблюдается опущение фонемного комплекса [һы] в быстрой разговорной речи при образовании некоторых сложных слов, первым компонентом которых выступает слово *кайһы*: кайһы ерзә – ка[йе]рзә ‘где, на каком месте’, кайһы якта – ка[йа]кта ‘на какой стороне’ и т.д.

При образовании сложных имен существительных по модели “имя существительное в направительном падеже + имя действия” также изредка встречается явление усечения: көнгә бағыш – көнбағыш ‘подсолнух’, айға бағыр – айбағыр диал. ‘подсолнух’.

Утрачиваются фонемные комплексы второго компонента в сложных именах существительных, образованных по схеме “существительное в неопределенно-притяжательном падеже + существительное с аффиксом принадлежности”: күтәрмә алды досл. ‘передняя часть крыльца’ – күтәрмал диал. ‘двор’, казан асты досл. ‘нижняя часть котла’ – казанаҫ диал. ‘очаг’, итәк өстө

досл. 'верхняя часть оборки' – итәгәс диал. 'оборки на талии платья', түбә капкасы досл. 'теменная крышка' – түбәкас диал. 'макушка'.

Своеобразным типом усечения основ [1. С. 115; 7. С. 77] считается отсечение отдельных частей сочетающихся основ *при аббревиации*. Способ аббревиации в башкирском языке включает в себя: а) сокращение слов; б) сокращение словосочетаний.

При сокращении слов образуются сокращенные слова /или аббревиатуры/. Они в свою очередь делятся на графические и лексические сокращения.

Графические сокращения употребляются лишь в письме, а в башкирской разговорной речи традиционно сохраняются варианты с полным произношением. Лексические аббревиатуры в башкирском языке подразделяются на стилистические сокращения и сложносокращенные слова.

Стилистические сокращения представляют собой сокращенный стилистический вариант словосочетаний слов, относящихся к нейтральной лексике: Стәрле < Стәрлетамак 'Стерлитамак', мафон < магнитофон 'магнитофон', "Укытыусы" < "Башкортостан укытыусыһы" журналы 'журнал "Учитель Башкортостана"'.

В сложносокращенных словах наблюдаются следующие типы усечения основ:

- усечение до начальной фонемы основы: БЙИ – Башкорт йәштәре иттифағы 'Союз башкирской молодежи', БМО – Берләшкән Милләттәр Ойошмаһы 'Организация Объединенных Наций';

- усечение до начальной буквы основы: БР (Бэ-эР) – Башкортостан Республикаһы 'Республика Башкортостан', БДУ (Бэ-Дэ-У) – Башкорт дәүләт университеты 'Башкирский государственный университет';

- усечение до начальной части основ: филфак – филология факультеты 'филологический факультет', профком – профсоз комитеты 'профсоюзный комитет';

- усеченный до начальной части первый компонент + второй компонент: драмтүңәрәк – драматик түңәрәк 'драматический кружок', мотобыскы – моторлы быскы 'моторная пила';

- усечение до начальной части первого слова и основы второго слова: педколледж – педагогия колледжы 'педагогический колледж', телекомпания – телевизион компания 'телевизионная компания';

- усечения инициального характера:

- а) образования из сочетаний начального звука фамилии с целым именем: Ғ. Сәләм – Ғәлимов Сәләм 'Г. Саям', М. Хәй – Мөхәмәтйәров Хәй 'М. Хай';

- б) образования из сочетаний начального звука имени с усеченной фамилией: М. Тажи – Мөхөтдин Тажи 'М. Тажи', Н. Нәжми – Назар Нәжметдинов 'Н. Наджми';

- в) образования из сочетаний усеченного имени и фамилии с частичным изменением первого: Мостай Кәрим – Мустафа Каримов 'М. Карим';

- г) образования из сочетаний целого имени с усеченной фамилией: Тимер Йосоп – Тимер Йосопов 'Тимер Юсуп', Әхмәр Үтәбай – Әхмәр Үтәбаев 'Ахмер Утябай';

д) образования из сочетаний целого имени с усеченной и измененной фамилией: Рәшит Нигмәти – Рәшит Нигмәтуллин 'Рашит Нигмати', Мәжит Ғафури – Мәжит Ғафуров 'Мажит Гафури'.

Итак, обобщая вышесказанное, можно отметить следующее:

1. В процессе словообразования башкирского языка усечение производящих основ может быть как финальным, так и срединным.
2. Имеют место усечения отдельных фонем и фонемных комплексов. Усечению подвергаются чаще всего гласные [ы], [е], [а], [ә], реже – [о], [ө] и согласные фонемы [з], [с], [ш].
3. Усечение основ наблюдается при аффиксальном словообразовании, словосложении, редупликации и аббревиации.
4. Усекаются как исконно башкирские слова, так и заимствования.
5. Усекаемые основы могут употребляться и в письменной речи, и в разговорном языке.

Литература

1. *Грамматика* современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 495 с.
2. *Ишбаев К.Ф.* Башкорт теленең һүзьяһалышы. Өфө: РҒА Ғилми үзәге, СДПИ, 1994. 284 б.
3. *Абдуллина Г.Р.* Башкирский язык: Морфонология. Уфа: Гилем, 2004. 128 с.
4. *Баширова Н.З.* Морфонологические процессы, сопровождающие словообразование в английском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. Казань, 1994. 26 с.
5. *Ишбердин Э.Ф.* Историческое развитие лексики башкирского языка. М.: Наука, 1986. 152 с.
6. *Гарипов Т.М.* Башкирское именное словообразование. Уфа: БФ АН СССР, 1959. 224 с.
7. *Немченко В.Н.* Современный русский язык: Словообразование. М.: Высш. шк., 1984. 255 с.

DERIVATIONAL BASE CLIPPING AS A REGULAR MORPHONOLOGICAL PHENOMENON IN BASHKIR WORD FORMATION.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 5–15. DOI 10.17223/19986645/28/1

Abdullina Gulmira R., Sterlitamak Branch of Bashkir State University (Sterlitamak, Russian Federation). E-mail: abguri@yandex.ru

Keywords: Bashkir language, morphonology, word formation, derivational base clipping.

Clipping of the basis of the Bashkir language is treated as a regular morphonological phenomenon. This article considers its features in the system of the Bashkir language, clipping types by the position in the morphemic structure of the word and its phonemic composition. Clipping is regular when coining words by affixation, composition, reduplication, and abbreviation. Clipping can be back and middle. In the process of word formation clipping traditionally concerns deleting single phonemes or phoneme complexes.

In affixation single phonemes are generally clipped in derivational bases of nouns, adjectives, numerals, verbs, adverbs. In compound bases any part can be clipped.

In composition marginal forms are clipped when the first base ends in a vowel and the second begins with a vowel. In phrases and sentences vowels and consonants are clipped between the words. In some compound words phonemes and phonemic complexes are clipped even when hiatus is not formed. The variety of types of derivational base clipping in composition is connected with a large number of unique compound words related to the field of terminology (botany, zoology, geography, etc.) in the Bashkir language.

When forming verb compounds, if the first base ends in a vowel and the second begins with a vowel, colloquial speech traditionally clips one of the vowels. Reduplication also uses clipping: the derivational bases loses its initial phoneme and becomes the first component of the compound as an echo of the main component.

Affixation uses clipping in the final position of the base. Composition uses clipping mainly in colloquial and dialectal words. In noun clusters "noun in the indefinite possessive case + noun with an affix of belonging" the second word loses its affix. In noun clusters "adjective + noun = noun" the final part of the first word is clipped. Abbreviation also uses a different type of clipping.

References

1. *Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of modern Bashkir literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 495 p.
2. Ishbaev K.G. *Slovoobrazovanie bashkirskogo yazyka* [Bashkir language word formation]. Ufa, UNTS RAN, Print Publ., 1994. 284 p.
3. Abdullina G.R. *Bashkirskiy yazyk. Morfonologiya* [Bashkir language. Morphophonology]. Ufa, Gilem Publ., 2004. 128 p.
4. Bashirova N.Z. *Morfonologicheskie protsessy, soprovozhdayushchie slovoobrazovanie v angliyskom i tatarskom yazykakh. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Morphonological processes accompanying word-formation in English and Tatar languages. Abstract of Philol. Cand. Diss.]. Kazan, 1994. 26 p.
5. Ishberdin E.F. *Istoricheskoe razvitie leksiki bashkirskogo yazyka* [Historical development of the Bashkir language vocabulary]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 152 p.
6. Garipov T.M. *Bashkirskoe imennoe slovoobrazovanie* [Bashkir nominal derivation]. Ufa, BF AN SSSR Publ., 1959. 224 p.
7. Nemchenko V.N. *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Derivation]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1984. 255 p.

УДК 81-112

DOI 10.17223/19986645/28/2

Л.П. Дронова

МЕТОДИКА ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ. СТАТЬЯ 2

Статья посвящена вопросам методики исторического анализа языка. Методику, опирающуюся на принципы современного диахронического исследования (системность, междисциплинарность исследования, ареальная характеристика анализируемых фактов, комплексность методов), мы рассматриваем с точки зрения обязательных этапов исторического исследования. Приведенные принципы и последовательность этапов историко-лексикологического и этимологического рассмотрения фактов языка позволяют системно и разноаспектно, используя приемы разных методов (описательного, структурного, сравнительно-исторического, ареального, типологического), показать факты языка в их эволюции и перейти ко второй, лингвокогнитивной, части исследования – генерализации спектра мотивационных моделей, представляющих определенную когнитивную модель.

Ключевые слова: методика, диахроническое исследование, компаративистика, этапы сравнительно-исторического анализа языка и их последовательность.

В предыдущей статье с таким же названием [1] мы обращались к проблеме возможностей и ограничений в использовании методики сравнительно-исторического исследования в практике концептуального анализа. Обсуждение вопроса: «Что мешает эффективному использованию методики современной лингвистической компаративистики при когнитивно-ориентированном подходе к фактам языка?» – приводит к выводу, что причина помехи кроется прежде всего в неактуализированности в современном образовательном пространстве необходимости знания специфики исторического и историко-этимологического анализа, специфики его источников, особенностей современного диахронного анализа. Анализируемая проблема была показана с точки зрения отдельных аспектов несоотнесенности значимых понятий компаративистики и лингвокогнитивистики.

В настоящей статье мы привлекаем внимание к другому аспекту рассмотренной ранее проблемы: неправомерность и отрицательные последствия отсутствия в базовой части программы подготовки филологов дисциплины «Историческая лексикология». Традиционно в программе есть только «Историческая грамматика русского языка». Если и читается этот курс, то как специальный и не во всех вузах. Так сложилось традиционно, поскольку историческая грамматика как научная лингвистическая дисциплина сформировалась раньше. Младограмматический подход в языкознании был ориентирован на детальное рассмотрение единиц языка разных уровней вне их связей, следствием этого в лексикологии явились многочисленные работы по истории отдельных слов. И в структурной лингвистике долго обсуждался вопрос о системности лексического уровня языка, специфике этой системности. Тем не менее лексикология, в частности русского языка, историческая лексикология совместно с лексикографией достигли значительных практических и теоре-

тических результатов, особенно за последние полсотни лет. Успехи эти связаны с именами таких известных отечественных лексикологов, лексикографов и историков языка, как В.В. Виноградов, Ф.П. Филин, Б.А. Ларин, О.Н. Трубачев, Ю.С. Сорокин, В.В. Веселитский и др. Кроме практических исследований, в их работах мы находим обсуждение и решение прежде всего таких теоретических вопросов, которые определяют методологическую основу лексикологии как лингвистической дисциплины (цели, задачи, их изменение в связи с изменением представления о природе языка, системный анализ в лексике и его специфика, историческая изменчивость/стабильность словарного состава, взаимодействие слов и понятий как важная проблема лексикологии, лексикографии, семасиологии при исследовании семантического строения словарного состава языка и др.). Большого внимания заслуживает, по нашему мнению, вопрос о методике современного исторического анализа. Этот вопрос актуализировался в связи с решением задач, которые ставит перед собой когнитивная лингвистика, интерпретативная по своему характеру, иначе говоря, актуальность этого вопроса обусловлена обращением широкого круга занимающихся когнитивной лингвистикой к историческому аспекту языка и необходимостью подготовки студентов, ориентирующихся в историческом анализе языка.

Методику исторического исследования языка, опирающуюся на принципы современного диахронического исследования (системность, междисциплинарность исследования, ареальная характеристика анализируемых фактов, комплексность методов), мы рассматриваем с точки зрения обязательных этапов исторического исследования и их последовательности. Сразу оговорим, что мы следуем за тем направлением в лингвистике, которое не противопоставляет историческую лексикологию и этимологию. Как отметил еще в начале 1990-х гг. О.Н. Трубачев, «противопоставление исторической лексикологии и этимологии в значительной степени – терминологическая избыточность (и этимология давно интересуется не одним корнем, а всем словом, его употреблением, семантическим и словообразовательным развитием)» [2. С. 539]. Историко-лексикологический анализ – это наиболее трудоемкая и объемная часть исследования на пути к глубинной семантике, когнитивным моделям, выявляемым в языковой репрезентации, и предполагает этот путь целый ряд последовательных этапов в сравнительно-историческом анализе фактов языка.

1-й этап – на материале всех вариантов национального языка определяются статус анализируемых лексических единиц, их семантическая структура, отношения лексико-семантических вариантов в ней. Разграничение литературного и диалектного относится уже к позднему периоду истории народа, для исторической лексикологии с ее установкой на полную инвентаризацию важно, чтобы стратиграфия вертикальная (собственно историческая) дополнялась стратиграфией горизонтальной (разнодиалектной): «Концепция исторической лексикологии одного лишь литературного языка излишне стерильна и нежизненна» [2. С. 558]. Лексические единицы в большинстве случаев многозначны, имеют неодинаковую степень прозрачности отношений между лексико-семантическими вариантами. Чаще всего применяемые компонентный и дефиниционный анализ позволяют с разной степенью уверенности оп-

ределить отношения в семантической структуре слова (производящее – производное, прямое – переносное значение). Может обнаружиться и не один семантический центр в лексеме. Хорошим пособием по анализу семантики слова является работа Е.Г. Беляевской «Семантика слова» [3] с аргументированным определением семантического центра слова (по сравнению с менее удачными терминами «общее значение», «семантический инвариант» и под.), с рассмотрением вариантов взаимодействия семантического центра как ядра семантики слова с его периферией, с подробным разбором примеров различного структурирования семантики слова и возможных исторических изменений в этом структурировании. Выводы по этому этапу анализа сопоставляются (уточняются, корректируются) с данными, которые получаем на следующих, исторических, этапах рассмотрения системных отношений.

2-й этап – анализ системных отношений (деривационных, синтагматических, парадигматических) на уровне современного русского языка. Выясняем, производна или не производна рассматриваемая лексема, формальные и семантические отношения в словообразовательном гнезде, особенности отношений однокорневых слов. Учитываем, что не всегда совпадает направление формальной и семантической деривации: иногда более архаичное производящее значение обнаруживается у производного слова, а структурно более простая однокорневая лексема его уже утратила (результат определенной автономности развития значения слова на фоне развития его словообразовательной структуры). Сохранение более старых значений в связанном виде (в производных, сложениях) – явление известное, ставящее под сомнение принцип изоморфизма уровней языка. Об этом не раз писал О.Н. Трубачев [4. С. 66–69; 5. С. 487–489 и др.]. Особенности лексической сочетаемости (синтагматика), синонимических и антонимических отношений также показательны для определения семантического объема и структуры анализируемой лексемы, они помогают определить направления смысловой филиации как отдельной лексемы, так и всего словообразовательного гнезда, что в результате позволяет судить о ясности/проблемности этих отношений в формально-содержательном плане. Значимость анализа системных отношений лексемы применительно к историко-этимологическому исследованию впервые на широком материале показал Э. Бенвенист в «Словаре индоевропейских социальных терминов» [6]. Так, например, исследуя контексты, синтагматику лексемы κῦδος и ее предполагаемого синонима у Гомера (начиная с несовпадения определений: κῦδος ‘слава’ – ‘великая, высочайшая’, а синоним κλέος ‘слава’ – ‘добрая, великая, широкая, неугасимая, неувядаемая’), он приходит к выводу, что современные словари неточно подают значение κῦδος как ‘слава’, что κῦδος – «это талисман, вручаемый вследствие божественного расположения царю, вождю, мощному воину», который «во всех обстоятельствах обеспечивает первенство, а при случае приносит им победу» и, соответственно, славу [6. С. 281]. Э. Бенвенист еще не отметил тот поразительный факт, что эта почти стершаяся особенность семантики древнегреческого слова сохраняется через тысячелетия в английском заимствовании, где существительное kudos имеет значения «выгода, преимущество, привилегия, преференция».

3-й этап членится на две процедуры. Во-первых, анализ системных отношений рассматриваемых лексических единиц в составе определенных лексико-семантических полей (ЛСП) и словообразовательно-этимологических гнезд на разных хронологических уровнях истории языка письменного периода (внутренняя реконструкция). Требование анализа системных отношений исследуемых единиц языка по отношению к историческому исследованию имеет, конечно же, свою специфику в силу разной степени документированности разных этапов письменной истории языка. Но и там, где доступна только внешняя реконструкция по данным родственных языков (где для внутренней реконструкции уже нет материала), сохраняется требование по возможности системного представления генетически близкой лексики (т.е. учет деривационных, сочетаемостных, синонимо-антонимических особенностей). При работе с историческими словарями следует помнить, что если слово отмечено в текстах XII в., то это не значит, что оно возникло, образовано в это время, и время первой фиксации в словаре не означает, что этой языковой единицы не было раньше (особенно если уже зафиксировано производное). Здесь на помощь историку языка приходят косвенные данные: распространенность и особенности функционирования языковой единицы в языке носителей традиционной культуры (в диалектах), в близкородственных языках (например, для лексемы русского языка наличие ее соответствий в других славянских языках), историко-культурная обусловленность (на каком историко-культурном этапе было востребовано понятие, выраженное данной единицей языка, судя по данным смежных наук). Особенностью же подачи материала в этимологических словарях является тот факт, что в них не предполагается представление полной семантической структуры многозначного слова. И почти все этимологические словари созданы до эры семантики! Кроме того, нельзя упускать из виду, что при сравнительно-историческом подходе сравниваются минимальные значимые единицы – морфемы, их закономерные фонетические варианты в родственных языках, морфемы нельзя произвольно членить (например, корневую морфему *люб-* нельзя рассматривать как *л-люб!*), нельзя не учитывать результаты более чем столетних исследований структурного варьирования «строительных» элементов – морфем – слова в индоевропейских языках.

Во-вторых, учитывая специфику материала, требуется выявить соответствия (генетически близкую лексику) сначала в близкородственных (в случае русского – в других славянских) языках, затем в исторически тесно взаимодействовавших языках. Так, О.Н. Трубачев, опираясь на свой опыт многолетней работы над «Этимологическим словарем славянских языков», очерчивает праславянскую территорию внутри контактной зоны (меняющей свои границы) праславян с балтами, германцами, иллиро-венетами, иранцами (скифами, сарматами), кельтами [5. С. 12–53]. То есть при анализе истории и происхождения славянской лексики следует прежде всего обращать внимание на выявление и характеристику славяно-балтийских и славяно-германских параллелей (при ограниченности материала по раннеисторическим контактам славян с иллиро-венетами, иранцами, кельтами). И затем уже смотреть соответствия для славянских лексем в других индоевропейских языках.

В результате этих двух процедур появляется возможность определить историческую глубину формирования представления о предмете, явлении по его отрефлексированности в языке (древнерусский, праславянский, индоевропейский уровень). Глубина исторического анализа обуславливается исконным или заимствованным характером лексики и ее принадлежностью к предметной (натурфакты – артефакты) или абстрактной лексике (на особенностях современного этимологического анализа мы останавливались в предшествующей статье). Выяснив генетические связи анализируемой лексики, логично обратиться к ареалу ее распространения.

4-й этап – историко-ареальная характеристика ядра и периферии ЛСП (ареально-хронологическая стратификация – этапы формально-семантической эволюции рассматриваемой лексики в определяемом пространстве). Подчеркнем значимость определения ареальной характеристики исследуемого явления как для собственно лингвистических выводов, так и для историко-культурных интерпретаций отношений между этносами. Яркий пример такой значимости в лингвистическом аспекте – развенчание мифа, широко распространенного мнения о родстве лексем *врач* и *врать*: выяснилось, что «*врать* – только великорусское слово, в то время как *врач* – исключительно южнославянское слово, в восточнославянском – пришлый элемент» [8. С. 789–790]. Соотнесенность широко известного в древнегерманских языках имени в значении ‘долг, вина’ (гот. *skuldo* ‘долг’, др.-англ. *scyld*, др.-в.-нем. *sculd(a)* ‘долг, вина’ при совр. англ. *should* ‘должный’, нем. *Schuld* ‘долг, обязательство, вина’) с генетически близкими производными в балтийских языках (*s-mobile* и без него: лит. *skelėti* ‘быть должным, виноватым’, *skolà* ‘долг’, *kaltè* ‘вина’, *skolingas* ‘должен’, др.-прус. *skellānts* ‘должный, виноватый’, *skallīsnan* ‘долг, обязанность’ [9. S. 313; 10. S. 1247, 1306]) выступает серьезным аргументом в определении характера балто-славянских отношений (в славянских языках нет родственных образований, обозначенная корреляция базовых понятий «долг» ~ «вина» – древняя балто-германская изоглосса). Не менее значима и типологическая верификация. В каких-то случаях она может оказаться решающим аргументом, как это случилось с принятой ранее этимологией слова *немцы*, признаваемого производным от *немой*. Эта версия происхождения слова *немцы* была давно и широко распространена, несмотря на то, что этноним с подобным мотивировочным признаком не известен (‘бормочущий, непонятно говорящий’ – такая характеристика чужого народа понятна, но ‘немой’?!). Типологически обоснованной является другая версия происхождения слова *немцы*, соотносящая его с наименованием крупной племенной группировки на Рейне – *неметы*.

5-й этап – определение историко-культурной детерминации состава и содержания единиц ЛСП на разных исторических уровнях языка и этноса. Так, например, внутренняя форма слова *изобилие*, производного от *обилие*, обнаруживает явную привязку к земледельческой лексике (ср. др.-рус. *обилие* ‘изобилие, богатство’ и ‘хлеб на корню или немолоченый хлеб в снопах’, диал. ‘хлеб на корню, хлеб в зерне’ и т.п. [11. С. 103–104]), что согласуется с хозяйственным укладом славян. Примером отсутствия историко-культурной обусловленности, полагаем, можно считать получившее распространение предположение о том, что русское *плохой* генетически связано с чеш. *plachý*

‘плоский’ (праслав. **plохъ* как вариант к **ploskъ* ‘плоский’; если старшее значение русского прилагательного было ‘однообразный’, ‘неглубокий’, ‘скудный’, ‘пошлый’) [12. С. 43–44; 11. С. 8]. В данном случае возникает вопрос: где, в какой языковой системе и при какой историко-культурной детерминированности могло возникнуть значение общей отрицательной оценки, если русское прилагательное *плохой* имеет столь позднюю фиксацию в памятниках письменности (XV–XVI вв.)? Мог ли признак ‘плоский’ стать формирующим модель общеотрицательной оценки в великорусский период? Эти вопросы не снимает предполагаемое «пошаговое», «градуальное» изменение значения (‘плоский, ровный, открытый, незащищенный, плохо, без присмотра лежащий, плохой’) [13. С. 8]. Значения ‘плоский’, ‘ровный’ развили оценочные значения отрицательного характера ‘рядовой’, ‘посредственный’, ‘ничем не выделяющийся’ поздно, в связи с секуляризацией культуры, петровскими социальными реформами. Ранней истории русского языка неизвестны примеры нейтрализации значений ‘плоский’ и ‘плохой’ (позднее выражение *плоская шутка*, вероятно, семантическая калька с французского *plat* ‘плоский, ровный’ и ‘пошлый, заурядный’) [14. С. 149–157].

6-й этап – определение мотивировочного признака и внутренней формы (образа), исторических изменений внутренней формы единиц ЛСП, мотивационных моделей их образования, динамики мотивационных моделей.

Мотивация как причина выбора того или иного основания (признака) номинации и, соответственно, выбора лексической единицы как деривационной базы номинации (или мотивирующей основы в словообразовательном смысле) лежит уже вне компетенции (плоскости) языка, в сфере ментальных представлений и, следовательно, имеет более прямое отношение к тому, что называется картиной мира. При таком подходе следует помнить о диахроническом аспекте языковой картины мира, о том, что в семантике слов запечатлены разновременные особенности восприятия, толкования предметов, явлений, отношений, получающие иногда противоречивые характеристики [15. С. 343–344]. Кроме хронологической разнородности, мотивационные модели не только несут в себе выражение ономаσιологических предпочтений носителей языка определенного времени, но они могут быть результатом как формально-семантических изменений в этимологических гнездах, так и внутриполевых изменений, межполевых взаимодействий. Поэтому актуальной задачей лексикологических исследований представляется комплексный анализ взаимосвязанных лексико-семантических полей и этимологических гнезд [14. С. 85]. Вследствие сложности формирования не для всех мотивационных моделей нужно предполагать непосредственное отражение ментальных процессов (представлений этноса о связях реалий окружающего мира или понятий), необходимо учитывать возможность собственно языкового порождения мотивационных моделей – вторичных – на базе преобразований в этимологических гнездах, питающих лексико-семантические поля. Различение первичных (непосредственно отражающих представления этноса о связях реалий) и вторичных мотивационных моделей необходимо: вторичные модели, как обусловленные языковыми преобразованиями, наименее свидетельствуют о специфике картины мира этноса [16. С. 93–94].

Приведенный ряд и последовательность этапов историко-лексикологического и этимологического рассмотрения фактов языка позволяют системно и разноаспектно, используя приемы разных методов (описательного, структурного, сравнительно-исторического, ареального, типологического), представить факты языка в их эволюции и перейти ко второй, лингвокогнитивной, части исследования – генерализации спектра мотивационных моделей, представляющих определенную когнитивную модель.

Литература

1. Дронова Л.П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 2 (22). С. 22–39.
2. Трубаев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописменного периода // Трубаев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004. С. 538–560.
3. Беляевская Е.Г. Семантика слова. М.: Высш. шк., 1987. 126 с.
4. Трубаев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // О.Н. Трубаев Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004. С. 64–98.
5. Трубаев О.Н. Этимологическая лексикография и история культуры // О.Н. Трубаев. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004. С. 483–492.
6. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр. М.: Прогресс-Универс, 1995. – 453 с.
7. Трубаев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / [отв. ред. Н.И. Толстой]. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2002. 489 с.
8. Трубаев О.Н. Заметки по старославянской этимологии: *боляринъ, врачъ* // Трубаев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004. С. 789–793.
9. Lehmann W.P. A gothic etymological dictionary. Leiden: E.J. Brill, 1986. 413 s.
10. *Etymologisches Wörterbuch der Deutschen* / W. Pfeifer etc. 1–2 Bde. Berlin, 1993. Bd. 2.
11. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Вып. 26 (**novouky(jь)* – **obgorditi*) / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 1999. 237 с.
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1994. Т. 2. 560 с.
13. Трубаев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 3–14.
14. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 256 с.
15. Варбот Ж.Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф., Москва, 8–10 июня 2002 г. М., 2003. С. 343–347.
16. Варбот Ж.Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. М., 2008. С. 84–95.

TECHNIQUE OF DIACHRONIC RESEARCH AND COGNITIVE APPROACH TO LANGUAGE. ARTICLE II.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 16–23. DOI 10.17223/19986645/28/2

Dronova Lyubov P., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lpdronova@mail.ru

Keywords: technique, diachronic research, comparative studies, stages of comparative and historical analysis of language and their sequence.

The article is devoted to the methods of historical analysis of language. The technique based on the principles of modern diachronic studies (systematicity, interdisciplinary studies, areal description of the analyzed facts, complexity of methods) is described in terms of mandatory stages of historical research.

Stage 1. The status of the lexical units under analysis, their semantic structure as well as the interrelations of their lexical semantic variants are determined on the basis of all variants of the national

language. The differentiation between the literary and the dialect refers to a later period of the national history. The historical lexicology with its orientation to the full inventory requires vertical (historical) stratigraphy to be supported by horizontal stratigraphy (that of various dialects).

Stage 2. The analysis of system relations (derivational, syntagmatic, paradigmatic) at the level of the modern Russian language is carried out to describe formal and semantic relationships in the derivational nest, the peculiarities of relations of same-root words and to determine whether the lexical unit under analysis is derivative or non-derivative.

Stage 3. This stage is divided into two procedures. The first procedure implies the analysis of system relations of the analyzed lexical units comprising certain lexical-semantic fields (LSF) and derivational-etymological nests at different chronological levels of history of the written language (the inner reconstruction). The second procedure aims at determining correspondent lexical units (genetically related vocabulary) first in closely related languages (the Slavic languages are the case for Russian), then in historically interconnected languages (the outer reconstruction).

Stage 4. This stage implies historical and areal description of the core and periphery of the LSF (the areal and chronological stratification, i.e. the stages of formal semantic evolution of the vocabulary under analysis in the designated space).

Stage 5. This stage implies the definition of historical and cultural determination of the LSF composition and content at different historical levels of language and ethnicity.

Stage 6. This stage determines the motivational feature, the inner form (image) and its historical changes for the LSF units as well as the motivational models of the LSF unit formation and their dynamics.

The stages and sequence of historical, lexicological and etymological analysis of the language facts allow the systematic and diverse representation of the language facts in their evolution, using various techniques (descriptive, structural, comparative and historical, areal, typological). Then comes the linguo-cognitive research that implies generalization of the scope of motivational models representing a certain cognitive model.

References

1. Dronova L.P. Metodika diakhronicheskogo issledovaniya i kognitivnyy podkhod k yazyku [Technique of diachronic research and cognitive approach to language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 2 (22), pp. 22–39.
2. Trubachev O.N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on etymology. Word. History. Culture]. Vol. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 538–560.
3. Belyaevskaya E.G. *Semantika slova* [Word semantics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 126 p.
4. Trubachev O.N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on etymology. Word. History. Culture]. Vol. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 64–98.
5. Trubachev O.N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on etymology. Word. History. Culture]. Vol. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 483–492.
6. Benveniste E. *Indo-European language and society*. Faber & Faber, 1973. 580 p. (Russ.ed.: Benveniste E. *Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov*. Moscow, Progress-Univers Publ., 1995. 453 p.).
7. Trubachev O.N. *Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan: Lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and culture of ancient Slavs: Linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 489 p.
8. Trubachev O.N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on etymology. Word. History. Culture]. Vol. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 789–793.
9. Lehmann W.P. *A gothic etymological dictionary*. Leiden, E.J. Brill, 1986. 413 p.
10. Brown W., Pfeifer W. *Etymologisches Wörterbuch der Deutschen*. Vol. 2. Berlin, Akademie-Verlag, 1993.
11. *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskij leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of the Slavic languages: Proto-Slavic vocabulary]. Issue 26 (*novouk'(j') – *obgorditi). Moscow, Nauka Publ., 1999. 237 p.
12. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of modern Russian]. In 2 vols. Moscow, Russkiy yazyk, Publ. 1994, Vol. 2. 560 p.

13. Trubachev O.N. *Rekonstruktsiya slov i ikh znacheniy* [Reconstruction of words and their meanings]. *Voprosy yazykoznavaniya – Problems of Linguistics*, 1980, no. 3, pp. 3–14.
14. Dronova L.P. *Stanovlenie i evolyutsiya modal'no-otsenочноy leksiki russkogo yazyka: etnolingvisticheskiy aspekt* [Formation and evolution of modal evaluation of the Russian lexicon: the ethno-linguistic aspect]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2006. 256 p.
15. Varbort Zh.Zh. [Diachronic aspect of the problem of the language picture of the world]. *Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy. Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Russian studies in the XXI Century: Problems and Prospects. Proc. of the International Research Conference]. Moscow, 2003, pp. 343–347. (In Russian).
16. Varbort Zh.Zh. [Etymological nests and lexical-semantic fields in synchrony and diachrony]. *Slavyanskoe yazykoznavanie. XIV Mezhdunarodnyy s"ezd slavistov* [Slavic linguistics. 14th Int. Congr. of Slavists]. Moscow, 2008, pp. 84–95.

УДК 81'42

DOI 10.17223/19986645/28/3

В.Ф. Ибрагим, Р.Э. Дарвиш

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН В РОССИЙСКОЙ И ЕГИПЕТСКОЙ ПРЕССЕ

Статья посвящена сопоставительному изучению национально-культурных истоков прецедентных имён, используемых в российской и египетской прессе, для определения общих закономерностей и специфических черт, присущих фоновым знаниям адресатов прессы России и Египта и определения степени знания реалий других культур. Анализ показал высшую степень проницаемости российской культуры по сравнению с египетской, её подверженности влиянию со стороны других, главным образом американской и европейской, культур.

Ключевые слова: СМИ, язык прессы, прецедентные феномены, прецедентное имя, национальный исток.

В последние годы наблюдается возрастающий интерес к употреблению прецедентных имён в современной прессе, язык которой имеет исключительное влияние на литературный язык и культуру в целом. Для определения границ культурологического фонда языка можно использовать язык современной прессы, которая ориентируется на массового читателя. Существенным вкладом прессы в современную культуру является создание нового, точнее, обновленного языка.

Прецедентное имя – это «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин, Стаханов). Это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии – референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [1. С. 17].

Материалом исследования послужили газетные тексты из центральных российских газет: «Комсомольская правда», «Независимая газета», «Труд», «Известия», «Советский спорт», «РБК Daily» и центральных египетских газет: الأهرام («Аль-Ахрам» – «Пирамиды»), الشروق («Алшорук» – «Восход»), الدستور («Алдостур» – «Конституция»), المصرى اليوم («Алмасри алиом» – «Египтянин сегодня»), اليوم السابع («Алиом алсаб» – «Седьмой день»), الفجر («Аль-Фагр» – «Рассвет») за 2003–2012 гг. Общий объём выборки составляет 2476 российских и египетских газетных статей (1424 и 1052 соответственно).

Классификация прецедентных имён по национальным истокам позволит, «во-первых, описать ту часть «своего» для каждой лингвокультуры фонда знаний и представлений, которая регулярно актуализируется; во-вторых, выявить этническую принадлежность эталонов» [2. С. 93]. Наряду с этим данная классификация «позволяет выявить как национально-культурную идентичность нации, так и фоновые знания в области культур других стран» [3. С. 11]. Классификация прецедентных имён по национальным истокам имеет

целью определить степень отождествления культуры с её представителями и степень знания реалий других культур.

В качестве основы нашей классификации предлагаем дихотомию «свое» – «чужое», которая является одной из базовых в человеческом сознании. Данный принцип пронизывает всю культуру в разных ее видах и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения [4. С. 42]. Критерии, на основании которых осуществляется распределение прецедентных имён: страна, где родился человек или создан прецедент с его участием, произошло событие или написан текст. Но здесь следует отметить, что в этой классификации мы не будем учитывать прецедентные имена со сферой-источником «Религия», потому что религия не представляет собой специфически национальную систему воззрений, не связана с внешними проявлениями национальной самобытности.

Анализ собранного материала показал, что наибольший процент прецедентных имён, используемых в текстах российской прессы, принадлежит русской культуре (43,61%), что доказывает принцип национального детерминизма при отборе прецедентных феноменов (см. также [2, 5]).

В результате анализа корпуса исследуемых единиц русского материала выявлено 33 источника иностранного происхождения, которые мы рассмотрим подробно ниже.

Второе место по частотности (41,32%) занимают прецедентные имена европейского происхождения. Они в основном относятся к сферам-источникам «Художественная литература» и «История и политика». Частая апелляция к европейским прецедентным именам сферы-источника «Художественная литература» можно объяснить эрудированностью и просвещённостью русского народа, а также культурными связями России и стран Европы, существующими на протяжении столетий. Востребованность европейских прецедентных имён со сферой-источником «История и политика» можно связать с большим опытом стран Европы в области демократии. Кроме того, по объективным историческим и географическим причинам история России тесно связана с историей Европы. Россия также за время первого срока президентских полномочий В.В. Путина установила новые экономические связи и укрепила политические отношения со странами Европы.

Наибольший процент прецедентных имён европейского происхождения принадлежит Великобритании, доля которой составляет 8,97% общего числа прецедентных имён, и 22,11% прецедентных имён европейского происхождения. Данному высокому проценту способствовала авторитетная английская литература, которой принадлежит 76,19% прецедентных имён, относящихся к Великобритании. Персонажи произведений У. Шекспира составляют 40,62% прецедентных имён, восходящих к английской литературе. К сфере-источнику «История и политика» относятся четыре прецедентных имени *Диана, Маргарет Тэтчер, Ричард Львиное сердце, Черчилль*, что составляет 9,09% общего числа прецедентных имён, относящихся к Великобритании.

Прецедентные имена, имеющие своим национальным источником культуру Франции, составляют 8,72% общего числа прецедентных имён и 19,10 % прецедентных имён европейского происхождения. Французская культура представлена прецедентными именами сфер-источников «Художественная

литература» (*Квзимодо, Атос, Гаврош, д'Артаньян, Альфонс* и др.), «Киноискусство» (*Ален Делон, Брижит Бардо, Марсель Марсо* и др.), «История и политика» (*Жанна д'Арк, Мария-Антуанетта, Наполеон, Шарль де Голль* и др.), «Наука» (*Вольтер, Руссо, Нострадамус*), «Комиксы» (*Астерикс, Обеликс*).

Благодаря своей древней мифологии Греция занимает третье место по количеству прецедентных имён европейского происхождения (17,59%). Прецедентные имена, имеющие своим национальным источником культуру Греции, составляют 7,22% общего числа прецедентных имён. Большинство прецедентных имён греческой культуры (87, 88%) относится к сфере-источнику «Мифология», что объясняется универсальностью древнегреческих мифов (*Афродита, Ахилл, Геракл*). Мало представлены и сферы-источники «Наука» (*Платон, Сократ*), «История и политика» (*Демосфен*), «Художественная литература» (*Грек Зорба*), «Экономика» (*Онассис*), «Музыка» (*Мария Каллас*).

Четвёртое место по количеству прецедентных имён европейского происхождения (11,83%) занимает Италия. Прецедентные имена, имеющие своим национальным источником культуру Италии, составляют 5% общего числа прецедентных имён. Культура Италии наиболее представлена прецедентными именами сферы-источника (45,45%) «История и политика» (*Цезарь, Нерон, Муссолини, Калигула* и др.). Итальянская культура в российской прессе представлена и сферами-источниками «Музыка» (*Паваротти, Паганини, Сальери*), «Живопись» (*Леонардо да Винчи, Джоконда, Мона Лиза*), «Художественная литература» (*Казанова, Катулл, Пиноккио*), «Мифология» (*Фурия, Янус*), «История и политика» (*Меценат*) и «Наука» (*Макиавелли*).

Прецедентные имена, имеющие своим национальным источником культуру Германии, составляют 3,80% общего числа прецедентных имён и 8,54% прецедентных имён европейского происхождения. Почти треть (31,82%) прецедентных имён немецкой культуры относится к сфере-источнику «Художественная литература» (*Белоснежка, братья Гримм, Мефистофель, Рапунцель, Фауст* и др.). В российской прессе культура Германии представлена также сферами-источниками «История и политика» (*Гёббельс, Гитлер, Эйхман, Мюнхгаузен*), «Музыка» (*Бах, Бетховен, Моцарт*), «Наука» (*Ницше, Карл Маркс, Эйнштейн*), «Экономика» (*Ротшильд*) и «Спорт» (*Шумахер*).

Культура Испании (1,66%) выражена в сферах-источниках «Художественная литература» (*Дон Жуан, Дон Кихот, Дульсинея, Санчо Панса*), «История и политика» (*Франко*) и «Живопись» (*Сальвадор Дали, Пикассо*).

Благодаря персонажам детских произведений Г.Х. Андерсена (*Принцесса на горошине, Снежная королева, Стойкий оловянный солдатик, Гадкий утёнок, Дюймовочка*) датская культура (1,56%) находит своё отражение в российской прессе. Она также представлена сферой-источником «Киноискусство» (*Пат, Паташон*).

Низкочастотными являются прецедентные имена, относящиеся к следующим европейским странам: Украине (1,04%), Австрии (0,42%), Швеции (0,42%), Шотландии (0,42%), Нидерландам (0,63%), Ирландии (0,21%), Чехии (0,21%), Польше (0,21%), Албании (0,21%), Португалии (0,21%), Югославии (0,21%) (указан процент от общего числа прецедентных имён).

По количеству прецедентных имён третье место после России и Европы занимают США, которым принадлежит 10,44% обнаруженных в российской прессе прецедентных имён. По нашему мнению, данный процент вполне закономерен в силу активной позиции США на мировой арене во всех областях. Почти половина (46,94%) прецедентных имён американского происхождения относится к сфере-источнику «Киноискусство» (*Индиана Джонс, Кинг Конг, Ганнибал Лектер, Грязный Гарри, Дарт Вейдер* и др.). Такие данные были вполне прогнозируемы, так как киноиндустрия в Соединённых Штатах очень развита и интенсивно импортирует свою продукцию во все страны мира, в том числе в Россию. В российской прессе также зафиксированы апелляции к сферам-источникам «История и политика» (*Моника Левински, Джордж Буш, дядя Сэм*), «Художественная литература» (*Лолита, Тарзан, Скарлетт О'Хара, Фенимор Купер*), «Музыка» (*Майкл Джексон, Элвис Пресли*), «Комиксы» (*Бэтмен, Супермен, Человек-паук, Черепашки ниндзя*), «Криминал» (*Аль Капоне, Бонни, Клайд*), «Экономика» (*Билл Гейтс, Рокфеллер*), «Мультипликация» (*Микки-Маус*), «Телевидение и радио» (*Коломбо, Няня Вики*), «Игры» (*Барби*), «Спорт» (*Бобби Фишер*).

Далее по частотности употреблений следуют прецедентные имена, генетически восходящие к странам Азии (2,31%). Прецедентные имена, национальный источник которых Китай (0,63%), принадлежат сферам-источникам «Наука» (*Конфуций*) и «История и политика» (*Дэн Сяопин, Мао Цзэдун*). Культура древней Монголии (0,42%) представлена сферой-источником «История и политика» (*Тохтамыш, Чингисхан*). Прецедентные имена, национальный источник которых Иран и Персия (0,42%), принадлежат сферам-источникам «Художественная литература» (*Омар Хайям*) и «История и политика» (*Хомейни*). Культура Индии (0,21%) нашла отражение в прецедентном имени *Ганди*, которое принадлежит сфере-источнику «История и политика». Культура Ирака (0,21%) представлена прецедентным именем *Саддам*, относящимся к сфере-источнику «История и политика». Культура Саудовской Аравии (0,21%) нашла отражение в прецедентном имени *Бен Ладен*, которое принадлежит сфере-источнику «История и политика». Культура Гонконга (0,21%) представлена прецедентным именем *Джеки Чан*, относящимся к сфере-источнику «Киноискусство».

Мы включили имена персонажей «1001 ночь» *Аладдин, Али-Баба, Джинн, Шехерезада* в особую подгруппу «Ближний Восток» (0,84%), так как есть много версий о том, что некоторые сказки этого сборника написаны в Иране, другие в Багдаде, а также его события, которые происходят в разных странах.

Апелляции к культурам стран Латинской Америки встречаются в российской прессе значительно реже. Культура Аргентины (0,42 %) представлена прецедентными именами *Марадона, Месси*, относящимися к сфере-источнику «Спорт». Прецедентные имена, национальный источник которых Бразилия (0,63%), принадлежат сферам-источникам «Спорт» (*Пеле, Рональдо*) и «Телевидение и радио» (*Рабыня Изаура*). Культура Чили (0,21%) нашла отражение в прецедентном имени *Пиночет*, которое принадлежит сфере-источнику «История и политика». Культура Кубы (0,21%) представлена прецедентным именем *Че Гевара*, также относящимся к сфере-источнику «История и политика».

Последними по частотности употреблений являются прецедентные имена, генетически восходящие к странам Африки (0,42%). Сюда включаются только два прецедентных имени *Клеопатра* и *Нефертити*, относящиеся к культуре Египта.

А теперь приведём некоторые примеры из российской прессы, в которых используются прецедентные имена разных культур.

Оказывается то Чичиковым, то Мефистофелем, то Карамазовым, а то Гамлетом (Независимая газета. 11.02.2010).

Если бы 15 лет назад результаты референдума были выполнены, то президентом остался бы Горбачев, а к власти в России пришел бы не Ельцин, а российский Дэн Сяопи. (Труд. 17.03.2006).

Правда, американцы, по мнению местных критиков, слепили-таки его на свой лад, сделав из Цепеша бесстрашного и справедливого "румынского Зорро" (Труд. 10.06.2002).

Там главный римский военачальник со спины - точь-в-точь Дарт Вейдер из "Звездных войн" (Известия. 07.08.2002).

А журналисты даже нарекли его броским прозвищем "русский Джеки Чан" за умение работать на экране руками, ногами и прочими частями тела (Труд. 07.11.2007).

Из ванной я вышла новым человеком, прямо как Афродита из пены морской — красивой, благоухающей и, главное, практически здоровой (Комсомольская правда. 26.01.2002).

165 лет назад родился вологодский купец и предприниматель, известный как русский Альфред Нобель Х. Леденцов (1842–1907) (Труд. 24.07.2007).

Но я не мог бы создать нового Паваротти (Труд. 26.08.2004).

В этом плане я делю людей на две категории: тех, кто после первой рюмки становится Моцартом, и тех, кто Сальери (Труд. 25.05.2005).

Лилля Эдена Хазарда называют "новым Лионелем Месси" (заголовок. Советский спорт. 01.04.2010).

Обобщённые данные анализа национального происхождения прецедентных имён, используемых в текстах российской прессы, представлены в табл. 1.

Хорошо известно, что все арабские страны считаются одной нацией в силу сильных культурных связей, совместной истории и общности языка. Поэтому в нашем анализе мы выделяем прецедентные имена арабского происхождения, а не только египетского, в подгруппу прецедентных имён национального происхождения. Данной подгруппе принадлежит наибольший процент (52,10) прецедентных имён, используемых в текстах египетской прессы, что также доказывает принцип национального детерминизма при отборе прецедентных феноменов.

В результате анализа корпуса исследуемых единиц арабского материала выявлено 29 источников иностранного происхождения, которые мы рассмотрим подробно ниже.

В египетской прессе также второе место по частотности (32,38%) занимают прецедентные имена европейского происхождения. Они в основном относятся к сферам-источникам «Художественная литература» и «История и политика», что не является удивительным в силу высокого развития литературы европейских стран и заметной позиции некоторых европейских стран в

области международной политики. Кроме того, в XIX и XX вв. почти все арабские страны на долгое время были колониями европейских стран, в частности Великобритании, Франции, Италии.

Таблица 1. Национально-культурные истоки прецедентных имён в российской прессе

Страна происхождения прецедентного имени	Количество прецедентных имён, %
Россия	43,61
Европа	
Великобритания	8,97
Франция	8,72
Греция	7,22
Италия	5
Германия	3,80
Испания	1,66
Дания	1,56
Украина	1,04
Нидерланды	0,42
Шотландия	0,42
Швеция	0,42
Австрия	0,42
Ирландия	0,21
Чехия	0,21
Польша	0,21
Португалия	0,21
Албания	0,21
Югославия	0,21
Америка	
США	10,44
Бразилия	0,63
Аргентина	0,42
Чили	0,21
Куба	0,21
Азия	
Китай	0,63
Иран	0,42
Монголия	0,42
Индия	0,21
Ирак	0,21
Гонконг	0,21
Саудовская Аравия	0,21
Африка	
Египет	0,42
Ближний Восток	0,84
Всего	100

Первой европейской страной по частотности обращений в египетской прессе является Великобритания, культура которой составляет 30,89% европейских прецедентных имён и 8,75% общего числа прецедентных имён. Большинство прецедентных имён культуры Великобритании (71,43%) относится к сфере-источнику «Художественная литература» (اجاٹا کریستی، کونت) (Агата Кристи, граф Монте-Кристо, Гамлет, Ромео, Джульетта и т.д.). Зафиксированы также обращения египетских журналистов к сферам-источникам «История и политика» (الاميرة) (Ричард Львиное Сердце، ريتشارد قلب الاسد، تشرشل، لورانس العرب، بلفور، ديانا،

Черчилль, Лоуренс Аравийский, Бальфур, Принцесса Диана), «Наука» (داروين) (Дарвин) и «Киноискусство» (تشارلي شابلن، هيتشكوك) (Чарли Чаплин, Хичкок).

Следующее место по частотности обращений в египетской прессе занимает культура Греции, которой принадлежит 15,18% прецедентных имён европейского происхождения и 4,54% общего числа прецедентных имён. Данный процент вполне закономерен в силу широкой известности греческой мифологии, к которой относятся все прецедентные имена греческого происхождения (أخيل، افروديت، هرقل، سيزيف، اوديسيوس، فينوس ... الخ) (Ахилл, Афродита, Геракл, Сизиф, Одиссей, Венера и т.д.), за исключением прецедентных имён سقراط، افلاطون، ابوقراط (Платон, Гиппократ, Сократ), относящихся к сфере-источнику «Наука», прецедентного имени زوربا اليونانى (грек Зорба), относящегося к сфере-источнику «Художественная литература», и прецедентного имени اوناسيس (Онассис), относящегося к сфере-источнику «Экономика».

Апелляции к культуре Франции (4,21%) наблюдаются, прежде всего, в рамках сферы-источника «История и политика» (مارى انطوانيت، جان دارك) (Наполеон, Мария-Антуанетта, де Голль, Жанна д'Арк). Зафиксированы также обращения египетских журналистов к сферам-источникам «Наука» (نوستراداموس، جان جاك روسو) (Нострадамус, Жан-Жак Руссо), «Художественная литература» (عقلة الأصبع، ذات الرداء الأحمر، الجميلة والوحش،) (Мальчик с пальчик, Красная Шапочка, Красавица и чудовище, Горбун из Нотр-Дам (Квазимодо), Арсен Люпен), «Спорт» (زيدان) (Зинедин Зидан).

Культура Италии дала 3,56% общего числа прецедентных имён. Большинство прецедентных имён итальянского происхождения (63,63%) относятся к сфере-источнику «История и политика» (نيرون، كاليغولا، قيصر، موسوليني ... الخ) (Нерон, Калигула, Цезарь, Муссолини и т.д.). В египетской прессе культура Италии представлена также сферами-источниками «Живопись» (موناليزا) (Мона Лиза), «Художественная литература» (بينوكيو) (Пиноккио), «Наука» (مكيافيلي) (Макиавелли).

Прецедентные имена, национально-культурный источник которых – Германия, составляют 3,56% общего числа прецедентных имён и 5,88% прецедентных имён европейского происхождения. Значимой оказалась сфера-источник «История и политика» (هتلر، جوبلز، مارتن لوتر) (Гитлер, Геббельс, Мартин Лютер). Культура Германии представлена также сферами-источниками «Наука» (كارل ماركس، اينشتاين) (Карл Маркс, Эйнштейн), «Художественная литература» (فاوست، سنوايت) (Фауст, Белоснежка), «Музыка» (شوماخر) (Шумахер), «Спорт» (بيتهوفن، موتسارت) (Бетховен, Моцарт) и «Спорт» (شوماخر) (Шумахер).

Культура России (2,60%) находит отражение в сферах-источниках «История и политика» (ايفان الرهيب، بطرس الأكبر، ستالين، لينين، راسيوتين) (Иван Грозный, Петр Первый, Сталин, Ленин, Распутин) и «Художественная литература» (انا) (Анна Каренина, Чехов, Толстой).

Культура Испании (1,62) в египетской прессе выражена в сферах-источниках «Художественная литература» (دونجوان، دونكيشوت) (Дон Жуан, Дон Кихот) и «Живопись» (بيكاسو، سلفادور دالي) (Пикассо, Сельвадор Дали).

Культура Турции (0,97%) получила выражение в сфере-источнике «Телевидение и радио» (نور، مهند) (Нур, Муханд) благодаря популярному

телесериалу «Нур» и в сфере-источнике «История и политика» (مصطفى كمال) (Мустафа Кемаль Ататюрк) (اتاتورك).

Культура Шотландии (0,65%) представлена сферой-источником «Художественная литература» (دكتور جيكل، مستر هايد) (доктор Джекил, мистер Хайд).

Менее частотны апелляции к культурам Австрии, Албании, Дании, Ирландии, Македонии, Нидерландов. Австрия (0,32%) в качестве национального источника прецедентных имён выражена в сфере-источнике «Наука» (الأم) (Фрейд). К культуре Албании (0,32%) относится прецедентное имя الأم تريزا (Мать Тереза) со сферой-источником «История и политика». Датская культура (0,32%) нашла свое отражение в сфере-источнике «Художественная литература» благодаря сказке Г.Х. Андерсена «Гадкий утенок» (البطة السوداء) (Гадкий утенок). Ирландская культура (0,32%) отражена в сфере-источнике «Художественная литература» благодаря роману ирландского писателя Брэма Стокера «Дракула» (دراکولا) (Дракула). Нидерланды (0,32%) в качестве национального источника прецедентных имён выражены в сфере-источнике «Живопись» (فان جوخ) (Ван Гог).

Далее по частотности употреблений следуют прецедентные имена, генетически восходящие к странам Америки (11,33%). Большинство прецедентных имён американского происхождения (89%) принадлежат культуре США, которая составляет 9,39% общего числа прецедентных имён. Культура США представлена сферами-источниками «Комиксы» (الرجل الاخضر، الرجل العنكبوت)، (Халк, Человек-паук, Бэтмен, Супермен, Черепашки-ниндзя), «Киноискусство» (ارنولد شوارزنجيكر، توم كروز، سلفستر ستالوني)، (Халк, Человек-паук, Бэтмен, Супермен, Черепашки-ниндзя), «Мультипликация» (ميكي ماوس، بطوط، توم، جيرى) (Микки-Маус, Дональд Дак, Том и Джерри), «Спорт» (محمد على كلاى، هولك هوجان) (Мухаммед Али Клей, Халк Хоган), «История и политика» (جاكلىن كينيدي، أوباما) (Жаклин Кеннеди, Обама), «Художественная литература» (طرزان) (Тарзан), «Телевидение и радио» (بونى، كلايد، ال كابونى) (Бонни, Клайд, Аль Капоне), «Экономика» (بيل جيتس) (Билл Гейтс), «Музыка» (الفيس) (Элвис Пресли).

Апелляции к культурам стран Латинской Америки встречаются в египетской прессе значительно реже. Культура Кубы (0,65%) представлена прецедентными именами (فidel كاسترو، جيفارا) (Фидель Кастро, Че Гевара), относящимися к сфере-источнику «История и политика». Аргентинская культура (0,65%) выражена в сферах-источниках «История и политика» (ايڤيتا) (Эвита) и «Спорт» (مارادونا) (Марадона). Культура Чили (0,32%) нашла отражение в прецедентном имени بينوشيه (Пиночет), которое принадлежит сфере-источнику «История и политика». Культура Колумбии (0,32%) представлена сферой-источником «Музыка» (شاكيرا) (Шакира).

Следующее место по частотности обращений в египетской прессе занимает культура стран Азии, которой принадлежит 3,56% общего числа прецедентных имён. К культуре древней Монголии (0,65%) относятся прецедентные имена (چنگيز خان، هولاكو) (Чингисхан, Хулагу) со сферой-источником «История и политика». Иран (0,65%) в качестве национального источника прецедентных имён также выражен в сфере-источнике «История и политика».

(الخميني، كسرى) (Хомейни, Хосров). Японская культура (0,65%) нашла свое отражение в сфере-источнике «Мультипликация» благодаря дублированным на арабском языке мультсериалам (مازنجر، ماجد، كابتن ماجيد) (Капитан Магид, Мазингер). Культура Китая (0,65%) представлена сферами-источниками «История и политика» (ماو تسي تونج) (Мао Цзэдун) и «Киноискусство» (جيت لى) (Джет Ли). Культура Индии (0,32%) отражена в сфере-источнике «История и политика» (غاندى) (Ганди). Культура Израиля (0,32%) представлена сферой-источником «История и политика» (شارون) (Ариэль Шарон). Культура Гонконга (0,32%) выражена в сфере-источнике «Киноискусство» (جاكى شان) (Джеки Чан).

Последними по частотности употреблений являются прецедентные имена, генетически восходящие к странам Африки (0,64%). Южная Африка (0,32%) в качестве национального источника прецедентных имён выражена в сфере-источнике «История и политика» (نيلسون ماندبلا) (Нельсон Мандела). Культура древней Эфиопии (Авессины) (0,32) также представлена сферой-источником «История и политика» (ابرهه) (Abraha).

А теперь приведём некоторые примеры из египетской прессы, в которых используются прецедентные имена разных культур:

بلدنا مش عايزة مينيا وأحمس بس دي عايزة نبقى كلنا مينيا وأحمس (المصرى اليوم. 2007/12/24)

Нашей стране не нужны только Менес и Яхмос, но ей нужно то, чтобы мы все были Менес и Яхмос (Алмасри алиом. 24/12/2007).

Менес – первый правитель Древнего Египта, основоположник I династии. Его прозвище – Менес объединитель двух царств.

Яхмос – фараон Древнего Египта, основатель XVIII династии. Он победил гиггосов.

وابراهيم أصلان هو تشيكوف الأدب المصرى (المصرى اليوم. 2009/11/17)

Ибрагим Аслан – это Чехов египетской литературы (Алмасри алиом. 17/11/2009)

وفاز كلاي المصري بالميدالية الفضية بعد فوزه علي أرمتيد تنسنيج الكامبيروني في الدور الأول (الأهرام. 2005/1/1)

Египетский Клей выиграл серебряную медаль после победы над камерунцем Арметидом Тенсенгом в первом туре (Аль-Ахрам, 1/1/2005).

لقد ترك الناس السوق والعمل لمقابلة فينوس المصرية ملكة جمال العالم (الأهرام. 2001/5/5)

Люди покинули рынок и работу, чтобы встретить египетскую Венеру (о Клеопатре) и Мисса мира (Аль-Ахрам, 5/5/2001).

بورتريهات مرسومة بمهارة بيكاسو وجنون فان جوخ وجموح سلفادور دالى وحس السخرية الذى يسكن ابن البلد المصرى (المصرى اليوم. 2010/11/15).

Портреты рисованы с мастерством Пикассо, безумием Ван Гога, страстью Сальвадора Дали и чувством иронии, которое живёт в египтянине (Алмасри алиом, 15/11/2010).

كل خبراء الجريمة أو معظمهم.. أجمعوا علي انه لا يمكن لإنسان واحد بمفرده حتي لو كان في قوة هرقل أو مازنجر في أفلام كارتون الاولاد يمكن أن يفعل ما فعل! (الأهرام. 2006/1/28)

Все или большинство экспертов преступления единодушно соглашались, что один человек не может сделать то, что он сделал, даже если он наделен силой Геракла или Мазингера в мультфильмах (Аль-Ахрам, 28/1/2006).

Мазингер – герой японского мультсериала, который пользовался широкой известностью в Египте в 80-х гг. XX в.

Обобщённые данные анализа национального происхождения прецедентных имён, используемых в текстах египетской прессы, представлены в табл. 2.

Таблица 2. Национально-культурные истоки прецедентных имён в египетской прессе

Страна происхождения прецедентных имён	Количество прецедентных имён, %
Арабские страны	
Египет	37,55
Аравийский полуостров	4,85
Ирак	2,91
Палестина	1,62
Ближний Восток	1,29
Андалузия	0,65
Йемен	0,65
Сирия	0,65
Тунис	0,65
Марокко	0,32
Алжир	0,32
Ливия	0,32
Саудовская Аравия	0,32
Европа	
Великобритания	8,75
Греция	4,54
Франция	4,21
Италия	3,56
Германия	3,56
Россия	2,60
Испания	1,62
Турция	0,97
Шотландия	0,65
Австрия	0,32
Дания	0,32
Македония	0,32
Ирландия	0,32
Нидерланды	0,32
Албания	0,32
Америка	
США	9,39
Аргентина	0,65
Куба	0,65
Колумбия	0,32
Чили	0,32
Азия	
Китай	0,65
Япония	0,65
Монголия	0,65
Иран	0,65
Израиль	0,32
Индия	0,32
Гонконг	0,32
Африка	
Южная Африка	0,32
Эфиопия	0,32
Всего	100

Египетские прецедентные имена проникают в газетные тексты России через два прецедентных имени (Клеопатра, Нефертити). Российские прецедентные имена обширнее проникают в газетные тексты Египта через восемь прецедентных имён (ايفان الرهيب، بطرس الأكبر، ستالين، لينين، راسبوتين، انا كارنينا، تشيكوف، تولستوى) (Иван Грозный, Петр Первый, Сталин, Ленин, Распутин, Анна Каренина, Чехов, Толстой).

Итак, классификация имеющегося материала по отношению к национальным истокам показала, что наибольший процент прецедентных имён в российской и египетской прессе принадлежит национальной культуре, что подтверждает принцип национального детерминизма при отборе прецедентных феноменов. Количество прецедентных имён иностранного происхождения в текстах российской прессы превышает количество подобных имён в текстах египетской прессы. Это свидетельствует о высшей степени проницаемости российской культуры по сравнению с египетской, её подверженности влиянию со стороны других, главным образом американской и европейской, культур, что является закономерным следствием более либеральной природы россиян и российских автостереотипов по отношению к другим народам. Закрытость египетской культуры по сравнению с русской является естественным следствием консервативной природы египтян.

В российской и египетской прессе высокочастотными являются прецедентные имена западного происхождения (Европа + Америка). Это может объясниться тем, что в сознании россиян и египтян Запад воплощает «психологический фактор, ментальный феномен, предстающий в трех аспектах: Запад как мода, Запад как престиж и Запад как пропаганда» [6. С. 83]. Кроме того, в последнее время США и некоторые европейские страны стали для русских и египтян символом богатства и успеха. Высокая частотность прецедентных имён европейского происхождения также свидетельствует о том, что и русские и египетские читатели неплохо знакомы с европейской культурой, в частности с культурой Великобритании, Франции, Италии, Германии, Испании и Греции, т. е. можно отметить, что «европоцентризм» и распространение так называемой «американской мечты» являются чертой, общей для культур двух стран.

Литература

1. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б. Русское культурное пространство: Лингво-культурологический словарь. Вып. 1. М., 2004.
2. Кушнерук С.Л. Сопоставительное исследование прецедентных имён в российской и американской рекламе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
3. Чистова С.С. Сопоставительное исследование прецедентных феноменов в российской и американской рекламе бытовой техники и транспортных средств: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд., испр. и доп. М., 2004.
5. Ворожцова О.А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
6. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2007.

NATIONAL ORIGINS OF PRECEDENT NAMES IN RUSSIAN AND EGYPTIAN PRESS.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 25–36. DOI 10.17223/19986645/28/3
 Ibrahim Wael Fahim, Darweesh Rehab Elhossieny, Ain-Shams University in Cairo (Cairo, Egypt).
 E-mail: wfi1980@yahoo.com / dr.relhossieny@gmail.com

Keywords: mass media, press language, precedent phenomena, precedent name, national origin.

In recent years, there has been an increasing interest in the use of precedent names in the modern press, the language of which has an exceptional influence on the literary language and the culture as a whole. The article is devoted to a comparative study of national origins of precedent names in Russian and Egyptian press, to determining the general trends and specific features of Russian and Egyptian press addressees, and to determining the degree of knowledge of the realities of other cultures.

Classification of precedent names by national origins aims to determine the degree of identification of the culture with its members and the degree of knowledge of the realities of other cultures.

As the basis of classification we suggest the dichotomy "our" – "foreign", which is one of the core dichotomies in the human mind. This principle permeates the entire culture in its various forms; it is one of the main concepts of any collective, public, national attitudes. The classification criterion is the country where the person was born or set a precedent. But it should be noted that this classification does not account for the precedent names with the sphere-source "religion", because religion is not a specific national system of beliefs; it is not related to the external manifestations of national identity.

The analysis showed that the highest percentage of precedent names in Russian and Egyptian press belongs to the national culture, which affirms the principle of national determinism in the selection of precedent phenomena. The number of precedent names of foreign origin in the texts of the Russian press exceeds the number of such names in the texts of the Egyptian press. This indicates a higher degree of permeability of the Russian culture in comparison with the Egyptian, its exposure to the influence of other, mostly American and European, cultures, which is a natural consequence of a more liberal nature of Russians and Russian auto-stereotypes in relation to other nations. The closed nature of the Egyptian culture in comparison with the Russian is a natural consequence of the conservative nature of Egyptians. In the Russian and Egyptian press the precedent names of Western origin (Europe + America) have a high frequency. This could be explained by the fact that in recent years the United States and several European countries became symbols of wealth and success for Russians and Egyptians. The high frequency of precedent names of European origin also shows that Russian and Egyptian readers are well acquainted with the European culture, in particular, the culture of the United Kingdom, France, Italy, Germany, Spain, and Greece, that is, it can be noted that "Eurocentrism" and the propagation of the so-called "American Dream" is a common feature of the cultures of the two countries.

References

1. Zakharenko I.V., Krasnykh V.V., Gudkov D.B. *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Russian cultural space: a linguoculturological dictionary]. Issue 1. Moscow, 2004.
2. Kushneruk S.L. *Sopostavitel'noe issledovanie pretsedentnykh imen v rossiyskoy i amerikanskoy reklame. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [A comparative study of precedent names in Russian and American advertising. Abstract of Philol. Cand. Diss.]. Yekaterinburg, 2006.
3. Chistova S.S. *Sopostavitel'noe issledovanie pretsedentnykh fenomenov v rossiyskoy i amerikanskoy reklame bytovoy tekhniki i transportnykh sredstv. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [A comparative study of precedent phenomena in Russian and American advertisements of home appliances and vehicles. Abstract of Philol. Cand. Diss.]. Yekaterinburg, 2009.
4. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: A Dictionary of Russian culture]. Moscow, 2004.
5. Vorozhtsova O.A. *Lingvisticheskoe issledovanie pretsedentnykh fenomenov v diskurse rossiyskikh i amerikanskikh prezidentskikh vyborov 2004 goda. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Linguistic study of precedent phenomena in the discourse of Russian and U.S. presidential elections 2004. Abstract of Philol. Cand. Diss.]. Yekaterinburg, 2007.
6. Leontovich O.A. *Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu* [Introduction to intercultural communication]. Moscow, 2007.

УДК 81'37; 81'42
DOI 10.17223/19986645/28/4

М.А. Лаппо

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЛИЦ ПО РОДУ ЗАНЯТИЙ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «УЧИТЕЛЬ»)¹

В статье описывается динамика прагматических компонентов значения слова учитель, а именно статусного, идеологического и культурного компонентов. Для извлечения данных компонентов привлекается комплекс исследовательских методов: корпусный анализ, лексикографический анализ, дискурсивный анализ. Именно сочетание указанных методов может адекватно объяснить изменения в семантике и специфике употребления лексической единицы языка в тех или иных дискурсивных условиях. Прагматический потенциал лексемы учитель рассматривается в аспекте речевого действия самономинации.

Ключевые слова: структура лексического значения, прагматический компонент значения, корпусный анализ, лексикографический анализ, дискурсивный анализ, самообозначение, учитель.

Вопрос о прагматическом потенциале лексемы рассматривается нами в контексте вербальной самоидентификации говорящим субъектом, когда говорящий субъект причисляет себя к какой-либо группе или категории людей, используя самоидентификационную формулу, например: *Я – учитель* [1; 2]. Такие речевые акты мы относим к прямому описанию идентичности, которое является не только неким ярлыком, «формальным» самоназыванием, но и неотъемлемой частью определенного переживания: «...чувства, переживания, верования протекают в особых формах – позах, жестах, манерах; эти формы двойственны по своей сути: они одновременно и часть самого переживания, чувства, верования, но и до некоторой степени отчужденная его часть, ставшая чисто традиционной, его внешнее проявление, могущее быть его знаком» [3. С. 8]. О слитости предметных значений и чувственных образов, неразрывности предметного значения с вербальным говорит А.А. Леонтьев: «...человек не «номинарует» чувственные образы, – предметные значения есть компонент этих образов, то, что их цементирует для человека, то, что опосредует само существование этих образов» [4. С. 18]. Феномен идентичности включает в себя возможность и/или потребность человека говорить о себе, о своей сущности, выражать себя самыми разными способами, прямо или косвенно сообщать собеседнику о том, принадлежит ли тот к «его» миру или нет. Идентичность социальна по своей природе и поэтому требует признания со стороны других. Следовательно, в актах вербальной самоидентификации актуализируется не только презентационная функция языка [5], но и функция идентификации [6].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-54-00005 «Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности».

Такой подход к вербализации идентичности укрепляет позиция С.И. Га-рагуля, который считает, что имя – это свернутый лингвокультурный текст, а антропонимическая идентичность – «психологическое соотнесение индивида со своим именем и восприятие этого имени и его носителя представителями данной и других лингвокультур, что позволяет индивиду определить свое место в лингвосоциокультурном пространстве и свободно ориентироваться в нем, создавая определенную связь с обществом, в котором он живет» [7. С. 8]. Похожее отношение к антропонимам-этнонимам проявляет В.Б. Кашкин, который, называя такие употребления вербальными мифологемами, подчеркивает, что «за словами *русский, англичанин, француз, немец, итальянец* и др. всегда стоит нечто большее, чем некоторая группа людей. Употребление этнонима вызывает в сознании пользователя языка свернутые в единый образ воспоминания о предшествующих контекстах его употребления, оценки соответствующих этнических групп, эмоциональное отношение к ним и т. п.» [8. С. 54]. Обратим внимание на то, что подобным семантическим потенциалом обладают не только этнонимы, но и слова других тематических групп с категоризирующим значением, при этом квалификативный аспект семантики таких слов практически не подвергался изучению. Не вызывает сомнения то, что не только антропоним (личное имя или имя нации, этноним), но и любую номинацию человека/группы/категории (профессионаним, гендероним, религионим, другие соционимы) можно считать свернутым лингвокультурным текстом, а реальный дискурс может актуализировать те или иные прагматические коннотации номинативов.

Структура лексического значения, включающего в себя прагматический компонент, отражение данного компонента в словаре, а также функционирование прагматически нагруженной лексики в речи были описаны работах И.А. Стернина, В.Н. Телия, В.И. Шаховского, Н.А. Лукьяновой, М.В. Никитина, Г.Н. Скляревской, Е.Ю. Булыгиной, Т.А. Трипольской и др. Однако до сих пор не существует общепринятой точки зрения на количество и семантический статус таких компонентов. Для определения прагматических компонентов в указанной выше группе слов мы будем опираться на работу Е.Ю. Булыгиной, которая пишет, что «классифицировать прагматические компоненты можно по разным основаниям. С точки зрения **содержательной** можно выделить **социальный** макрокомпонент, включающий **гендерный, возрастной, статусный, профессиональный** микрокомпоненты, **идеологический, культурный** (национально-культурный и культурно-исторический), **эмотивный**» [9. С. 103].

В рамках данной статьи сосредоточим внимание на статусном, идеологическом и культурном прагматических компонентах значения слова *учитель*. Основные методы для выявления прагматических компонентов, которые мы использовали:

- изучение корпуса текстов (элементы статистического метода);
- лексикографический метод;
- контекстный метод (дискурсивный анализ).

ИЗУЧЕНИЕ КОРПУСА. Анализ данных Национального корпуса русского языка дает представление о важности лексемы *учитель* в речи носителей. Ответ на поисковый запрос «учитель» дает почти 30 тысяч вхождений, пики

использования указанного слова приходится на 1860, 1900 и 1980-е гг. В настоящее время наблюдается некоторый спад его использования. Тем не менее «Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)» [10] фиксирует 2-е место по частотности в тематической группе лексем, обозначающих лиц по роду занятий, именно леммы *учитель* (первое место занимает лемма *врач*¹). Примечательно также, что наблюдается резкий рост сочетаемости существительного *учитель* с прилагательными *простой*, *рядовой*. Так, например, словосочетание *рядовой учитель* в принципе не отмечается до 1986 г. Все эти сведения демонстрируют амбивалентность в прагматической характеристике лексемы *учитель*: высокая потребность в представителях данной профессии, а также частота упоминаемости в дискурсах и при этом низкий ее статус.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД. Анализ словарной статьи может дать важную информацию о прагматике изучаемой лексемы, поскольку словарь в той или иной степени фиксирует правила использования языковых единиц в определенный период: «Лингвистические словари выступают одновременно как информативные источники исследования лексики и как культурно-исторические документы» [12. С. 26]. Е.Ю. Булыгина и Т.А. Трипольская пишут: «Особого разговора заслуживает вопрос о зонах распределения информации в словарной статье. Эта проблема поставлена и в достаточной мере разработана в исследованиях, посвященных, например, лексикографированию экспрессивной лексики русского языка [Булыгина, Трипольская, 1988; Лаврентьева, Новоселова, Храмцова, 1998]. При семантизации эмотивно-оценочных единиц без труда удастся выделить зону сочетаемости (в особенности для прилагательных) и зону коммуникативных правил их употребления, однако практически представить отдельно зону денотативной и прагматической семантики оказалось невозможным» [11. С. 178]. Подводя итоги работы лингвистов в данном направлении, авторы приходят к важному выводу: «Теперь нам представляется, что при описании прагматического компонента в толковом словаре целесообразно оставаться в рамках традиционной словарной статьи, распределив лексикографически значимую информацию между дефиницией, пометами, словарным комментарием и иллюстративным материалом. Все четыре элемента должны давать целостную картину, а функции иллюстративного материала могут варьироваться от оправдательной цитаты до контекста, поддерживающего и дополняющего толкование. Для прагматически маркированной лексики последняя функция будет ведущей» [Там же].

Проанализируем структуру словарных статей лексемы *учитель* в следующих словарях, фиксирующих функционирование слова в разное время: 1) ТСУ – «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (30–40-е гг. XX в.) [13]; 2) МАС – «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (50–80-е гг. XX в.) [14]; 3) ТСОШ – «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, 4-е изд., 1997 г.) [15]:

(1) УЧИТЕЛЬ, *я, мн.* учителя и (*книжн.*) учителя, *м.* 1. (учители *устар.*). Лицо, занимающееся преподаванием какого-н. предмета в низшей и средней

¹ Без учета опережающих их в списке слов *президент*, *офицер*, которые обозначают статус.

школе, преподаватель, школьный работник. *Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Ленин. Съезд учителей. У. русского языка. || Вообще лицо, обучающее, учащее чему-н. У. пения. У. танцев. 2. (учители) чего. Глава, автор или распространитель какого-н. учения (см. учение в 3 знач.). Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин – великие учителя социализма. 3. кого и чей. Тот, кто научил или учит чему-н., кто оказывает или оказал влияние на развитие кого-чего-н. ...Нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец, который не знал и не признавал страха в борьбе. Сталин. Маркс и Энгельс, великие учителя пролетариата... История ВКП(б). И за учителей своих заздравный кубок поднимает. Пушкин. Мои университетские учителя.*

(2) УЧИТЕЛЬ, -я, м. 1. (мн. учителя). Тот, кто преподает какой-л. учебный предмет в школе; преподаватель. *Учитель математики. Сельский учитель. Учитель средней школы. Да, это была школа, здесь взрослые люди, учителя, учили детей знанию и тому, как надо жить на свете. Фадеев, Молодая гвардия. || Тот, кто наставляет, поучает. В нашем отечестве роль писателя – есть прежде всего роль учителя и, по возможности, заступника за безгласных и приниженных. Н. Некрасов, Письмо Л. Н. Толстому, <22 авг. 1856>. Михаил Семенович говорит почти сам с собой и не похож на ответственного руководителя, на старого боевика, на всеобщего учителя, каким он бывает на людях. Павленко, На Востоке. 2. (обычно мн. учителя). Человек, являющийся высоким авторитетом для кого-л. в какой-л. области, имеющий последователей. [Художник] оставил себе в учителя одного божественного Рафаэля. Гоголь, Портрет. Исполнилось ровно десять лет с того момента, когда нашему историческому городу было присвоено имя нашего великого учителя: Петроград был переименован в Ленинград. Киров, Статьи и речи 1934.*

(3) УЧИТЕЛЬ, -я, мн. -я, -ей и -и, -ей, м. 1. (мн. -я, -ей). Лицо, к-рое обучает чему-н., преподаватель. *Школьный у. У. математики. Домашний у. Заслуженный у. (почетное звание). 2. Глава учения (во 2 знач.), человек, к-рый учит (научил) чему-н. (высок.). Великие учителя-философы. ||ж. учительница, -ы (к 1 знач.). ||прил. учительский, -ая, -ое (к 1 знач.). У. тон (перен.: поучающий).*

Таблица, данная ниже, отражает распределение элементов словарной статьи (толкование, иллюстративный материал, стилистическая помета) по прагматически значимым компонентам: **статуса** (престижная или непрестижная профессия/миссия), **идеологии** (социалистический строй оценивается как приемлемый, единственно верный, а буржуазный – как неприемлемый), **культурной** значимости (вес указанной деятельности в создании духовности общества или отдельного человека). Все лексико-семантические варианты (ЛСВ) лексемы *учитель* нами рассматриваются по той причине, что существует немало контекстов, где они нейтрализуются, т. е. «учитель как профессия» соединяется с «учителем как человеком, который чему-л. научил в жизни, наставником», более того, имеются подобные социальные ожидания от представителей данной профессиональной сферы. Любопытно также, что в МАС и ТСОШ по сравнению со ТСУ сократили количество ЛСВ: в МАС

ЛСВ «наставник» стал подвариантом первого значения, а в ТСОШ второй ЛСВ соединяет второй и третий ЛСВ, представленные в ТСУ: учитель – и «наставник», и «глава учения одновременно».

Прагматические компоненты значения

Словарь, лексико-семантический вариант (ЛСВ)	Статусный	Идеологический	Культурный
1	2	3	4
ТСУ, 1 ЛСВ	<i>Зона толкования:</i> «Лицо, занимающееся преподаванием какого-н. предмета в <i>низшей и средней</i> школе, преподаватель, школьный работник»; <i>зона иллюстрации:</i> Народный учитель <i>должен у нас быть поставлен на такую высоту</i>, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Ленин. Съезд учителей.	<i>Зона иллюстрации:</i> Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Ленин. Съезд учителей.	
ТСУ, 2 ЛСВ	<i>Зона иллюстрации:</i> Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин – <i>великие</i> учителя социализма.	<i>Зона иллюстрации:</i> Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин – великие учителя <i>социализма</i>.	
ТСУ, 3 ЛСВ		<i>Зона иллюстрации:</i> ...Нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец, который не знал и не признавал страха в борьбе. Сталин. Маркс и Энгельс, великие учителя <i>пролетариата</i>... История ВКП(б).	<i>Зона толкования:</i> Тот, кто научил или учит чему-н., кто оказывает или оказал влияние на развитие кого-чего-н.
МАС, 1 ЛСВ	<i>Зона иллюстрации:</i> Сельский учитель. Учитель средней школы.		<i>Зона иллюстрации:</i> Да, это была школа, здесь взрослые люди, учителя, учили детей знанию и тому, <i>как надо жить на свете</i>. Фадеев, Молодая гвардия.

Продолжение

1	2	3	4
МАС, 1 ЛСВ (под- вариант)			Зона толкования+ зона иллюстрации: Тот, кто наставляет, поучает. В нашем отечестве роль писателя – есть прежде всего роль учителя и, по возможности, <i>заступника за безгласных и принижённых</i> . Н. Некрасов, Письмо Л. Н. Толстому, <22 авг. 1856>.
МАС, 2 ЛСВ	Зона толкования: Человек, являющийся <i>высоким авторитетом</i> для кого-л. в какой-л. области, имеющий последователей.	Зона иллюстрации: Исполнилось ровно десять лет с того момента, когда нашему историческому городу было присвоено имя нашего великого учителя: Петроград был переименован в <i>Ленинград</i> . Киров, Статьи и речи 1934.	
ТСОШ, 1 ЛСВ	Зона иллюстрации: Школьный у. Домашний у. <i>Заслуженный</i> у. (почётное звание).		
ТСОШ, 2 ЛСВ	Зона иллюстрации: <i>Великие</i> учителя-философы.		Зона толкования+ стилистическая помета: Глава учения (во 2 знач.), человек, к-рый учит (научил) чему-н. (<i>высок</i>).

Очевидно, что прагматические компоненты представлены в словаре преимущественно в иллюстративной зоне, причем разные словари как бы специализируются на разных прагматических компонентах: ТСУ – на идеологическом, МАС – на культурном, а ТСОШ – на статусном. МАС сохранил фрагменты идеологии в своей иллюстративной зоне – в упоминании города Ленинграда, а ТСОШ уже не фиксирует идеологические аспекты совсем. Однако это не значит, что в настоящее время семантика лексемы *учитель* лишена идеологического компонента (см. дискурсивный анализ). Таким образом, словарь отражает явное, однозначное, общепринятое, разрешенное и безусловное в данный момент. Спорное, новое, неоднозначное, необщепринятое и субъективное актуализируется в дискурсе.

ДИСКУРСИВНЫЙ МЕТОД. Дискурсивный анализ показывает, что прагматические компоненты, проявляющиеся в контекстах с лексемой *учитель*, тесно связаны с коммуникативной ситуацией, с жанровой принадлежностью текста и коммуникативной задачей автора. Так, тексты-самоописания учителей, представленные на конкурс «Я – учитель», отличаются пафосом необычайной роли этой профессии в обществе (актуализируется культурный прагматический компонент значения, а также компонент сверхпрестижного статуса). См. типичный пример такого текста:

(1) Кто я?" Не раздумывая: "Я – учитель". Наверное, это неправильно. Наверное, правильнее было бы сказать: "Я – мать", или "Я – женщина". Но "Я – учитель!" Я не просто учитель. Я **служитель храма Детства**, на алтаре которого неокрепшие, легкоранимые детские души и сердца, зоркие глаза, жадно глядящие на этот сложный и непонятный мир.

Я учитель.... **В моих руках свет Истины, помогающий ребенку совершить тяжелейший переход из волшебного мира детских грез и фантазий в суровую реальность взрослой жизни.**

Я учитель.... От меня во многом зависит, **каким станет маленький человек, что принесет он в этот мир, чем наполнит его, как отблагодарит Природу за свое появление** (конкурсное эссе).

Автор подобного текста, желая победить в конкурсе, актуализирует в сознании стереотипные ожидания от учителя – особую роль в развитии ребенка – и как бы приписывает эти качества себе.

Тексты, не имеющие такого пафоса, порождаются либо в неофициальной ситуации – в разговорах учителей, обсуждающих свою работу, низкую зарплату, высокую нагрузку и т. п., либо со стороны людей, имеющих определенные ожидания от учителя, понимающих, что справиться с ними в нынешней жизни сложно и поэтому заранее принижающих статус профессии учителя. Вот как о непрестижности этой профессии говорит университетский профессор:

(2) ...настает 4 курс, выпуск, эти ставшие мне родными бакалавры встанут перед выбором: **унизительное положение учителя (неудачника)** или **относительно безбедная «торговля пирожками» (торговое представительство, мерчандайзинг, силовые структуры для мальчишек).** **Стать учителем и превратиться в человека не от мира сего, в ту (того), кто, несмотря на смеющуюся деревню, продолжает собирать сыроежки, учить и воспитывать, радоваться встрече с любопытными и часто взыскательными глазами** (Куприянов Б. Педагогический бенефис // Учитель. 2012. № 6).

Автор следующего фрагмента указывает именно на это расхождение внутреннего ощущения значимости своей профессии и ожиданий учеников от него, и мы видим, что несовпадение весьма значительно:

(3) Учителем английского языка в школе я работаю третий год <...> Тебя, **рядового учителя**, рассматривают точно под увеличительным стеклом. Ты не можешь проявить слабость, не можешь позволить себе вольности. Дети, ученики – повсюду. Они увидят тебя и узнают там, где ты и не подозреваешь. Твоя речь должна быть идеальной, мысли мудры и поступки благородны.

Здравствуйте, Виктор Витальевич! – блестят глаза ученика начальной школы. Ты – **простой учитель** английского языка, а для него – **будто сказочный рыцарь, который все знает и умеет, образец для подражания** (Власов В. Миссия «ЕГЭ»// Учитель. 2012. № 6).

Действительно, общество постоянно приписывает учителю дополнительные прагматические функции. Учитель как бы не имеет права быть просто учителем-предметником (в соответствии с 1-м ЛСВ, данным в различных толковых словарях). Социум регулярно использует его как ресурс просвеще-

ния, воспитания и идеологии, причем конкретизация этих функций тесно связана с тем историческим периодом, в котором они функционируют. Рассмотрим динамику социальных ожиданий от учителя на материале текстов, опубликованных в отечественных педагогических журналах разных временных отрезков.

1-й период. 1860–1900-е гг. Напомним, что, по данным Национального корпуса русского языка, в этот период было два пика использования слова *учитель* в русскоязычном дискурсе – 1860-е и 1900-е гг. В связи с тем, что с середины 1860-х гг. в России было развернуто открытие начальных народных училищ (земских школ), потребовалось большое количество учителей в эти школы. Однако профессиональных учителей не хватало, поэтому на первый план выдвигались такие качества учителя, как доброта, терпение, чуткость, появилось понятие призвания, в содержание семемы *учитель* было полностью включено содержание семемы *педагог*. Статус учителя был высоким, идеологический и культурный компоненты прагматики слова – подразумевается, что с помощью учителя будет ликвидирована безграмотность в обществе. Эти идеи отражают следующие фрагменты текста, написанного домашним учителем:

(4) Призвав земство к совместной с правительством общественной деятельности, высочайшая воля Александра II, Царя-Освободителя, возложила на него попечение о народном образовании. Для организации этого нового дела 14 июля 1864 года было обнародовано «Положение о начальных народных училищах», которым определялась цель учреждения их и средства для достижения ее, т. е. курс предметов элементарного образования. Постановка этого великого дела была вверена уездным и губернским училищным Советам, как самостоятельным органам, окончательно решившим все дела, касающиеся народных училищ. <...> За неимением достаточного количества дипломированных учителей, Совету было предоставлено право выбирать способных лиц и выдавать им свидетельство на право преподавания.

<...> Встречались учителя, не проходившие никаких «педагогических курсов», учившиеся только в бывших волостных школах. Это были просто грамотные люди, одаренные здравым смыслом и добрым, любящим сердцем. Но они, – эти педагогически невежественные люди, – сделавшись учителями, стали настоящими педагогами, чутко понимавшими своих учеников и умевшими учить их с терпением, кротостью и любовью.

<...> в лице желающих быть учителем мы ищем прежде всего человека, для которого учительский труд был бы не ярмом, надеваемым по необходимости, а составлял бы интерес жизни [передается речь земского члена училищного Совета, у которого автор работал домашним учителем] (С. Бобровский. На зарѣ земской народной школы (Изъ воспоминаній стараго педагога) // Русская школа. 1899. № 7–8).

2-й период. 1960-е гг. Учитель этого периода партией и правительством мыслится как важное звено формирования идеологических установок, воспитания нового человека – строителя социализма, человека, который должен обладать определенными волевыми качествами. Во фрагменте, который приводится ниже, прямо об этом не говорится, но дается иллюстрация образцового учителя – В.И. Ленина (здесь мы видим смешение 1-го и 2-го ЛСВ),

также характерно то, что статья располагается под рубрикой «Теория коммунистического воспитания»:

(5) Когда учитель передает учащимся знания, то он выполняет не только частную задачу – дать знания по данной теме данного учебного предмета, а более общую, перспективную задачу – воспитания мышления, чувств и воли ученика. <...> Учитель учит думать, самостоятельно отыскивать правильное решение.

<...> Мы позволили себе обратиться к образу В.И. Ленина потому, что «Владимир Ильич был в полном смысле слова учителем. Общение с ним играло прямо-таки воспитательную роль. Он учил своим примером, своими указаниями, всем обликом своей личности» (Чичерин Г.В. Молодежь должна учиться у Ленина // Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1957) (Рагинская И. Увлекать или принуждать? // Воспитание школьников. 1966. № 4).

3-й период. 2010-е гг. В настоящее время учителю также приписываются определенные сверхзадачи. Подразумевается, что наступило очень сложное для адаптации, социализации подрастающего поколения время (техногенный бум провоцирует так называемые «вызовы времени»), и именно учитель должен дать молодежи необходимые в нем ориентиры. Учитель не может быть только предметником, теперь его время четко структурировано: он обязан включиться в систему дополнительного образования, организовать кружковую работу, какой-либо проект, используя новые информационные технологии, формируя обозначенные компетенции. См. характерные дискурсивные фрагменты:

(6) При правильной организации дополнительное образование в общеобразовательном учреждении может помочь учителю творчески раскрыться и самореализоваться как профессионалу и личности; способствовать повышению общего уровня успеваемости учащихся в базовом образовании; влиять на процесс позитивной социализации школьников; сыграть решающую роль в осознанном жизненном самоопределении учащихся (Каргина З.А. Школьный учитель в системе дополнительного образования: возможности и проблемы // Воспитание школьников. 2013. № 1);

(7) Процессы модернизации современного образования определили проблему формирования у обучающихся не столько абстрактно-теоретических, сколько социально-практических знаний, умений и навыков. Становится очевидным, что традиционная предметность должна сочетаться с реальной действительностью, социумом, в котором предстоит жить и работать сегодняшним школьникам (Симакова О. Школьное издание как практико-ориентированный образовательный проект // Учитель. 2012. № 4).

Подобные дискурсы тотальны, они покрывают все информационное пространство официальной коммуникации, аргументируются вступлением в силу новых нормативных документов, а именно ФГОС, Закона об образовании и других актов: «Современные требования общества к учителю, готовому не просто быть проводником, транслятором определенной «суммы знаний», а способного строить открытые знания в совместной деятельности, ориентируясь на личностное развитие детей, обуславливают изменение профессиональной подготовки. Компетентностный подход в педагогическом образовании, зафиксированный в новом федеральном стандарте профессионального

образования (ФГОС-3), направлен на изменение качества подготовки педагогов» [16. С. 174].

В то же время приходится констатировать имеющийся разрыв между спускаемыми сверху представлениями о «новом» учителе, ориентированном на личностное развитие ребенка, и представлениями самого учителя о границах своей компетенции. Более того, у части учителей русского языка и литературы за период действия реформы, связанной с переходом на Единый государственный экзамен, коренным образом изменились представления о задачах образования – они практически полностью свелись к подготовке к указанному экзамену. Так, на вопрос анкеты «Какую форму проведения обязательного экзамена по литературе Вы считаете приемлемой?»¹ от группы учителей одной из школ Новосибирской области был получен следующий ответ с аргументацией позиции:

(8) Считаем, что экзамен по литературе не должен быть обязательным.

1. С развитием информационных технологий и возможностями Интернета у обучающихся резко снизилась мотивация к созданию самостоятельных текстов-рассуждений, а сочинение по литературе предполагает создание именно такого текста.

2. За 3 учебных часа в неделю (10 и 11 классы) практически невозможно научить анализу художественного текста (учитывая большие объёмы текстов и общий объём изучаемого курса литературы) и научить писать сочинение в соответствии с требованиями, предъявляемыми к работам в форме итоговой аттестации.

3. Учитель русского языка и литературы имеет очень большую нагрузку именно в силу специфики собственно предмета и подготовку к ГИА и ЕГЭ по русскому языку как обязательных экзаменов.

Мы видим, что, здесь учителями отвергается культурная сверхзначимость их профессии, подчеркивается их перегруженность и отсутствие мотивации у школьников. Таким образом, разрыв между самооощущением учителя и приписыванием ему функций со стороны увеличивается, равно как и растёт противоречие между низким статусом (низкой зарплатой и др.) и высокими требованиями, предъявляемыми к нему, т. е. статусной, идеологической и культурной составляющей образа учителя в современном обществе. Дискурсивный анализ показывает структуру прагматического компонента в значении слова *учитель*: во-первых, наличие низкого статуса, а во-вторых, слияние, нейтрализацию идеологического и культурного компонентов (или подмену идеологического компонента культурным²).

Итак, при интерпретации актов самономинации словом *учитель* следует учитывать не только денотативные, но и коннотативные и прагматические компоненты значения. Лексикографический метод определения указанных компонентов может быть полезен лишь в определенной степени, поскольку, хотя словарь и отражает динамические процессы осознания прагматических

¹ В контексте актуальной дискуссии о возвращении сочинения по литературе в качестве выпускного экзамена.

² Поскольку культурный компонент, в отличие от идеологического, образуется естественно, а не навязывается извне.

ресурсов лексемы, не в состоянии их дать в полной мере. Дискурсивный метод обладает большими интерпретативными возможностями при условии учета характера коммуникативной ситуации: кем, при каких обстоятельствах и для каких целей был создан текст.

Литература

1. Шалина И.В. Уральское городское просторечие как просторечный феномен: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010. 43 с.
2. Лаппо М.А. Инварианты и варианты синтаксических конструкций со значением принадлежности говорящего субъекта к группе / категории лиц // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы десятой международной конференции, посвященной 60-летию кафедры русского языка, Владимир, 24–26 сентября 2013 г. Владимир: Транзит-ИКС, 2013. С. 263–267.
3. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства). М.: Наука, 1985. 335 с.
4. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: Парадоксальная рациональность / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. М.: Ин-т языкознания РАН, 1993. С. 16–21.
5. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
6. Рассоха М.Н. К проблеме функций языка: функция идентификации // Учен. зап. Космопольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. 2012. № 1–2 (9). С. 40–47.
7. Гарагуля С.И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 418 с.
8. Кашкин В.Б. Маркеры своего и чужого в межкультурном диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч. 2. Воронеж, 2004. С. 49–62.
9. Булыгина Е.Ю. Лексикографический комментарий как способ представления в словаре прагматически маркированной лексики // Комментарий и интерпретация текста: сб. ст. Новосибирск, 2008. С. 102–110.
10. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1087 с.
11. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Лингвокультурологическое описание наименований городских пространств (на материале разных типов словарей) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 175–183.
12. Васильев А.Д. Динамика слова в дискурсе СМИ и лексикографии как следствие и воплощение экстралингвистических факторов // Политическая лингвистика. 2005. № 16. С. 19–41.
13. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. [Электрон. текстовые дан]. М.: ИДДК, 2003. 1 эл. опт.диск (CD-ROM). (ТСУ)
14. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1985–1988. (МАС)
15. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: [б. и.], 1997. (ТСОШ)
16. Никитина Л.А. Взаимодействие вуза и школы в организации педагогической практики – условие формирования исследовательской компетентности в методической подготовке будущего педагога // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 358. С. 174–178.

PRAGMATIC POTENTIAL OF LEXEMES DESIGNATING PERSONS BY PROFESSIONS: THE DYNAMIC ASPECT (BY EXAMPLE OF THE LEXEME *TEACHER*).

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 37–49. DOI 10.17223/19986645/28/4
 Lappo Marina A., Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).
 E-mail: lappo2000@mail.ru

Keywords: structure of lexical meaning, pragmatic component of lexical meaning, corpus analysis, lexicographic analysis, discourse analysis, self-designation, teacher.

The article describes the dynamics of the pragmatic components of the lexical meaning of the word *teacher*: status, ideological and cultural components. The status component is the prestige or non-prestige of the profession; the ideological component is the acceptability or unacceptability of the

political position, social system, and, as applied to the teaching profession in its modern sense, correspondence with the regulations of the Ministry of Education of the Russian Federation; the cultural component of lexical meaning determines the role of the specified activity in the spiritual nature of the society or of a certain person. To find the above mentioned components a complex of research methods is applied: corpus analysis, lexicographic analysis and discourse analysis. The combination of the specified methods can explain the changes in the semantics and specific features of the usage of a lexical unit of the language in any discourse conditions.

The analysis of the National Russian Corpus data shows the importance of the lexeme *teacher* in the speech of Russian native speakers: it is second most frequent in the theme group of lexemes designating persons by profession. At the same time the sharp growth of combinability of the noun *teacher* with adjectives *simple*, *ordinary* is observed, which shows the ambivalence in the pragmatic characteristics of the lexeme *teacher*.

The article presents the zone distribution of the status, ideological and cultural components of the lexical meaning of the word *teacher* by the data of three dictionaries: 1) *The Explanatory Dictionary of the Russian Language* by D.N. Ushakov (1930-1940s); 2) *The Dictionary of the Russian Language* by A.P. Evgenyeva (1950-1980s); 3) *The Dictionary of the Russian Language* by S.I. Ozhegov and N.Yu. Shvedova (1997). The analysis showed that pragmatic components are mainly presented in the illustrative zone of the dictionaries; moreover, the dictionaries specialized on different pragmatic components: 1 – ideological component, 2 – cultural component, 3 – status component. The lexicographic method of definition of the specified components can be useful only to a certain degree as the dictionary reflects dynamic processes of understanding of pragmatic resources of the lexeme, but cannot give them completely.

The discourse analysis shows that the pragmatic components available in the contexts with the lexeme *teacher* are closely connected with the communicative situation, with the genre of the text and the author's communicative task. Thus, teachers' self-descriptions presented at the competition "I Am a Teacher" are filled with the pathos of the extraordinary role of this profession in the society (the cultural pragmatic component, the component of the super-prestigious status). Texts without this pathos are generated in informal situations – in conversations of teachers discussing their work, low wages, large number of lessons, etc. Formal texts show that the society constantly attributes additional pragmatic functions to the teacher. The teacher has no right to be a simple instructor. The society constantly uses teachers as a resource of education and ideology; the set of functions attributed is dependent on the historical period.

References

1. Shalina I.V. *Ural'skoe gorodskoe prostorechie kak prostorechnyy fenomen. Avtoref. dis. d-ra filol. nauk* [Ural urban vernacular as vernacular phenomenon. Abstract of Philol. Doct. Diss.]. Yekaterinburg, 2010. 43 p.
2. Lappo M.A. [Invariants and variants of syntax constructions with the meaning of the speaker's belonging to a group / category of persons] *Yazykovye kategorii i edinitsy: sintagmaticheskiy aspekt. Materialy desyatoy mezhdunarodnoy konferentsii* [Language category and units: syntagmatic aspect. Proceedings of the tenth international conference]. Vladimir, Tranzit-IKS Publ., 2013, pp. 263–267. (In Russian)
3. Stepanov Yu.S. *V trekhmernom prostranstve yazyka (Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii i iskusstva)* [In the three-dimensional space of language (Semiotic problems of Linguistics, Philosophy and Art)]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 335 p.
4. Leont'ev A.A. [Language consciousness and the image of the world]. *Yazyk i soznanie. Paradoksal'naya ratsional'nost'* [Language and consciousness. Paradoxical rationality]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN Publ., 1993, pp. 16–21. (In Russian)
5. Olyanich A.V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Presentation theory of discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 407 p.
6. Rassokha M.N. K probleme funktsiy yazyka: funktsiya identifikatsii [On the problem of language functions: identification function]. *Uchenyye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2012, no. 1–2 (9), pp. 40–47.
7. Garagulya S.I. *Antroponimicheskaya pragmatika i identichnost' individa. Dis. d-ra filol. nauk* [Anthroponymic pragmatics and individual's identity. Philol. Doct. Diss.]. Moscow, 2009. 418 p.

8. Kashkin V.B. [Markers of "mine" and "other's" in intercultural dialogue] *Vzaimoponimanie v dialoge kul'tur: usloviya uspekhnosti* [Mutual understanding in the dialogue of cultures: conditions for success]. Part 2. Voronezh, VGU Publ., 2004, pp. 49–62. (In Russian)
9. Bulygina E.Yu. [Lexicographic commentary as a way of representing pragmatically marked words in the dictionary] *Kommentarii i interpretatsiya teksta: sb. st.* [Commenting and interpreting the text: Collected papers]. Novosibirsk, Izd. NGPU Publ., 2008, pp. 102–110. (In Russian)
10. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [A Frequency Dictionary of Modern Russian (based on the data of the Russian National Corpus)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. 1087 p.
11. Bulygina E.Yu., Tripol'skaya T.A. Lingvokul'turologicheskoye opisanie naimenovaniy gorodskikh prostranstv (na materiale raznykh tipov slovarey) [Linguoculturological description of names of urban spaces (based on different types of dictionaries)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2012, no. 2, pp. 175–183.
12. Vasil'ev A.D. Dinamika slova v diskurse SMI i leksikografii kak sledstviye i voploshcheniye ekstralingvisticheskikh faktorov [Dynamics of the word in media discourse and lexicography as a consequence and expression of extralinguistic factors]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2005, no. 16, pp. 19–41.
13. *Tolkovyy slovar' russkogo iazyka. Elektronnaia versiya chetyrekh-tomnogo slovaria* [Explanatory dictionary of the Russian Language: Electronic version of the four-volume dictionary]. Moscow, IDDK Publ., 2003 (on CD-ROM).
14. *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [The Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988.
15. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeol. vyrazheniy* [The Dictionary of the Russian Language: 80 000 words and idioms]. Moscow, 1997.
16. Nikitina L.A. Cooperation of higher educational institution with school in organizing pedagogical practice as condition of forming research competence in methodological training of future teachers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 358, pp. 174–178. (In Russian)

УДК 81-115(111+161.1)
DOI 10.17223/19986645/28/5

М.И. Мехеда

О НЕКОТОРЫХ ПАРАМЕТРАХ ИНФОРМАТИВНОСТИ СУБСТАНДАРТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье предпринимается попытка выделить и описать некоторые параметры информативности лексических единиц субстандартных пластов русского и английского языков. Наибольшее внимание уделяется «дополнительной информации» в структуре значения лексической единицы, т.е. таким аспектам, как экспрессивность, аксиологичность, кодирование гендерных, возрастных и социальных характеристик участников общения. Рассматриваются отдельные модели словообразования как способы повышения информативной ценности субстандартной единицы.

Ключевые слова: субстандарт, словообразование, информативность, аксиологичность, экспрессивность, языковая экономия, иконичность.

Восприятие действительности, осмысление окружающего, соотнесение себя, своего «Я» с реальностью происходит посредством языка и предполагает тесную взаимосвязь языка и мышления. Современная наука рассматривает человека и язык как системы, процессы в которых могут быть объяснены при помощи комплексного подхода. Такой системный подход, объединяя различные концепции восприятия и объяснения действительности, позволяет изучать мир, принимая во внимание естественные законы, устанавливая взаимосвязи между эволюционными процессами в природе, эволюции человека, а также эволюции языка.

Рассматривая человеческий язык как составляющую более крупной системы, человеческого организма, необходимо принимать во внимание тесную взаимосвязь всех физиологических, ментальных, психологических и социально обусловленных процессов. Основой эффективности любой системы является обработка и хранение максимально возможного количества информации, полученной извне. В задачу человеческого мозга входит обработка максимума информации за кратковременный период, чем выше эта эффективность, тем приспособленнее и адаптированнее мы как вид. Количество информации и способы ее хранения и обработки являются показателем развитости любой системы. Чем более ценная информация создается в системе и чем выше критерий ее отбора, тем выше стоит эта система на лестнице биологической эволюции. Таким образом, наиболее важным фактором развития системы становится фактор ценности информации для передачи последующим поколениям. «Выделение живым организмом полезной информации и экономичность ее хранения в виде отдельных признаков связаны с дискретностью получаемой информации, что помогает рационально ее отбирать и хранить. Такой кибернетический подход дает возможность представить память как многоуровневую структуру блоков информации, позволяет живому

организму экономно перерабатывать информацию и самоусовершенствоваться» [1. С. 219].

Однако мы не можем представить человеческое общение в качестве примитивной передачи какого-то объема информации от Говорящего к Реципиенту. Необходимо признать, что элементарная передача информации в процессе коммуникации не нуждается в столь сложной системе, как язык. Как отмечал У. Матурана, основной функцией языка является не передача информации или описание «независимой вселенной, о которой мы можем вести разговоры», а создание «консенсуальной области поведения между системами, взаимодействующими на языке, путем развития кооперативной области взаимодействий». Сам процесс передачи от одного участника акта коммуникации к другому не может происходить в рамках материальных понятий. Каждый участник общения создает свою область информации, «консенсус возникает лишь благодаря кооперативным взаимодействиям, в которых результирующее поведение каждого из организмов служит поддержанию их обоих» [2. С. 119].

Таким образом, целью самого акта коммуникации является именно возможность оказания влияния на Реципиента, т.е. «передачи экспрессивного, эвокативного, квалификативно-оценочного» [3. С. 140]. С этой точки зрения каждое высказывание будет выстраиваться с позиции повышения не только информативности, но и эмфатичности.

В связи с невозможностью передачи информации от Говорящего к Реципиенту в полном объеме (т.е. при отсутствии абсолютно идентичного индивидуального лингвистического и экстралингвистического опыта, тождественных психофизиологических параметров личности и т.д.), Говорящий лишь может «сориентировать» Реципиента высказывания на создание необходимого образа. Данная цель предполагает поиск средств, способных оптимально транслировать информацию в соответствии с конситуацией. Как подчеркивает Р. Келлер, «одно из самых фундаментальных правил нашего общения – это стратегия быть понятым» [4. С. 181]. Однако «язык для нас – это не только средство простого понимания, но и средство самовыражения в широчайшем (и ни в коем случае только в негативном) смысле» [4. С. 164]. Таким образом, Говорящий (особенно участник неформального, т.е. не ограниченного нормами литературного стандарта, общения) выбирает информативно ценные, эмоционально нагруженные, оригинальные средства выражения, зачастую используя новообразование, неожиданное сочетание элементов, яркий эпитет, сравнение или повтор слова или фразы, тем самым обращая внимание слушателя, давая выход собственным эмоциям, выраженным языковыми средствами, и добиваясь реакции реципиента. Затраты энергии, сопряженные с поиском или созданием инновации, энергетически оправданны с позиции получаемого эффекта.

Сложность, Впрочем, представляет определение точной «стоимости» единицы с точки зрения информативности. О количестве информации можно судить в полном объеме лишь в области искусственных языков [5–6]. Возможность учесть все аспекты языковых единиц естественных языков крайне проблематична. Тем не менее каждый знак, входящий в систему (в случае как искусственных, так и естественных языков), наделен определенной долей

информации, для хранения и воспроизводства которой необходимы затраты энергии [7]. Именно затратами энергии и можно было бы определить «ценность» той или иной единицы. Предпочтения, оказываемые говорящим определенной единице в данной конкретной точке высказывания, зависят от «ценности» этой единицы по сравнению с другими единицами системы языка. Под ценностью лексической единицы мы, вслед за И.Р. Гальпериным, понимаем «новую информацию, получаемую от языковой формы, т.е. от реализации информативности, содержащейся в самом языковом знаке» [8. С. 11]. Информация, полученная извне, подлежит «не только непосредственному восприятию, но и сложнейшей ее обработке, вплоть до того момента, когда она, отраженная в мозгу человека и получившая в нем определенную ментальную репрезентацию, станет в свою очередь, объектом дальнейших ментальных, в том числе и познавательных процессов с нею» [9. С. 12]. Саму же информацию можно определить как «вербализованную передачу уже добытых, осмысленных и организованных фактов объективной действительности» [8. С. 17].

Таким образом, для привлечения внимания слушателя и для повышения эффективности воздействия высказывания необходимо выбирать единицы, информативная ценность которых велика за счет определенных параметров, среди которых нами выделяются: **1) низкая частотность употребления; 2) иконическая закреплённость определенных значений за разноуровневыми единицами в структуре ЛЕ (на фонологическом, морфологическом, семантическом уровнях); 3) наличие в структуре значения ЛЕ дополнительных элементов, как, например, экспрессивности и аксиологичности, как составляющих элементов прагматики ЛЕ; 4) стилистическая маркированность моделей словообразования.**

Для анализа выделенных параметров будем опираться на материал, собранный на основе субстандартного пласта лексики рассматриваемых языков, т.е. образцов живой естественной речи, когда говорящий в наименьшей степени контролирует высказывание, опираясь в большей степени на эмоционально-оценочную его составляющую, что реализуется в зачастую непреднамеренном, интуитивном использовании единиц, форма которых является определяющим фактором при выборе единицы. Термин «субстандарт» для описания разнообразных лексических феноменов нелитературного пласта русского и английского языков заимствован из работ Л. Соудека и понимается как «коллоквиально-просторечный, стилистически-сниженный лексический слой современного языка без различения территориальных, социальных и функциональных лексических подгрупп» [10. С. 30].

Универсальными особенностями описываемых подсистем русского и английского языков, отличающими их от кодифицированного литературного языка, являются: непринужденность, неподготовленность, неофициальность, непосредственное участие говорящих в акте коммуникации, устная форма как основная реализация, опора на внеязыковую ситуацию [11. С. 4, 12]. Субстандарт характеризуется также избыточностью, синонимической вариативностью и экспрессивностью, что «отражает специфику менталитета, психологические особенности поведения и эмоционального состояния социальных групп населения, характеризующихся низким социальным, образовательным

уровнем и возрастными особенностями больших групп молодежи, которым свойственны бравада, отрицание авторитетов, ирония и высмеивание общепринятых стереотипов» [10. С. 88].

Остановимся более подробно на выделенных параметрах информативности субстандартных единиц.

1. Низкая частотность употребления ЛЕ (модели)

Необходимо отметить, что информативность единицы напрямую зависит от такого фактора, как частотность ее употребления. Как подчеркивает А. Мартине, «чем выше частотность единицы (слова, фонемы), тем менее информативна эта единица» [7. С. 198]. То есть редко встречаемые в потоке речи лексические единицы наиболее ценны в информативном аспекте. Такие единицы, как местоимения, соответственно, наименее информативны, а оригинальные, зачастую окказиональные новообразования привлекают дополнительное внимание реципиента. Например, в англ.: *wallinator* (девушка, доминирующая на страничке (wall) молодого человека в Facebook): «Catie wrote on Joseph's wall again. – Yeah, she's a total *wallinator*» [urbandictionary.com]. Даже длина единицы в данном случае имеет значение, т.е. чем длиннее, тем реже встречается в речи. Принцип Дж. Ципфа утверждает взаимозависимость частоты употребления слова и его краткости: с течением времени происходит укорочение наиболее часто употребляемых слов внутри сообщества носителей языка [13. С. 34].

Не только готовая лексическая единица является более ценной при меньшей ее «востребованности», но и модель словообразования становится более ценной (оригинальной) при низкой частотности употребления. Так, например, универсальная для русского и английского языков редупликация как модель словообразования достаточно редкий «участник» коммуникации. Однако низкая частотность позволяет редупликату быть более ценной с информативной точки зрения единицей высказывания, привлекая дополнительное внимание Реципиента формой, а также функциональной нагруженностью (*охи-вздохи, лыжники-фуфлыжники, бабехи-распущеных, frou-frou, super-duper, silly-willy*).

«Свежее» заимствование также образует новую единицу с повышенной степенью информативности за счет своей «инаковости». Однако при заимствованиях адекватность декодирования информации единицы произойдет только в случае включенности Реципиента в консигуацию и/или определенное знание реципиентом языка-источника: «Привет, *паувацы*! Спасибо за приятную встречу, спасибо новым лицам за то, что они БЫЛИ, за прикольные рассказы о Запорожье» (сохранены авторская орфография, пунктуация и выделение) [www.multitrans.ru/c/m.exe?a=4...82396] (от *pow-wow* англ., разг. – встреча, собрание).

2. Иконическая закреплённость определенных значений за разными единицами в структуре ЛЕ

С точки зрения экономии затрат при восприятии информации Реципиентом (слушателем) эффективность декодирования зависит во многом от однозначности соответствия формы и содержания. Наличие прямой иконической связи между формой языкового знака и его значением могло бы способствовать успешности декодирования информации, которое «становится возмож-

ным только в условиях ее однозначного кодирования» [12. С. 75]. Возможно, в связи с большей степенью естественности условий порождения акта коммуникации, некоторым отключением барьеров (блоков), создаваемых так называемыми социальными факторами (этикетом, нормами вежливости, цивилизованности) или условиями коммуникации (состав участников, ситуация), в условиях свободного высказывания на первый план выдвигается форма слова. Зачастую именно внешняя форма ЛЕ является основополагающей для многих словообразований, так как она является единственным носителем значения. Как подчеркивал И.Р. Гальперин, «форма играет существенную роль в оценке самого содержания: именно она нередко помогает раскрыть те признаки описываемого явления, которые раньше оставались незамеченными» [6. С. 30].

На фонетическом уровне в разнотипичных языках отприродность связи между значением слова и его звучанием отмечалась в работах В. Гумбольдта, Г. Пауля, О. Есперсена, Г. Марчанда, позднее в исследованиях Р. Якобсона, С.В. Воронина, Н.В. Дрожащих, Ф.Р. Минлоса, С.С. Шляховой.

Большое место явлению звукосимволизма отводилось в трудах отечественного лингвиста С.В. Воронина, чья концепция определяла в качестве звукоизобразительных не только те слова, «которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически «мотивированной» связью «между звуком и значением», но и слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа эта связь выявляется [14. С. 22].

Так называемая образная иконичность в языке затрагивает отношение изоморфизма (параллелизма в организации звуковой и смысловой стороны языка): 1) между формой знака (корневой морфемой) и лежащим в основе номинации звуковым, акустическим признаком денотата (звукоподражание или ономотопея); 2) между формой знака (корневой, аффиксальной морфемой) и лежащим в основе номинации незвуковым, неакустическим признаком денотата (звукосимволические слова, звукоизобразительные форманты) [15. С. 165–166].

На семантическом уровне иконичность проявляется в виде сосредоточения когнитивного потенциала в консонантном начале слога, т.е. можно говорить о «большей иконической маркированности инициали» [16. С. 56]. Так, в русском языке интересно отметить значительное количество ЛЕ с основной семьей «выражение неудовольствия» с инициальными звуками [йо] или [йэ], например: *ё-кэ-лэ-мэ-нэ*, *ё-мое*, *ёксель-моксель*, *едрён-батон*, *ёлы-палы*, *ёкарный бабай* и т.д., где инициальной «ё» в русском субстандарте является стилистически маркирующим компонентом. В английском языке мы можем упомянуть ЛЕ с инициальным [w], значительное количество которых передает идею отношения или принадлежности к алкогольному или наркотическому опьянению (*boosy-woosy*, *wiff-sniff*, *wibbled*, *whino*, *wazzled*).

На морфологическом уровне необходимо отметить упомянутую ранее редупликацию (удвоение) как способ словообразования, в русском языке выражающую такие значения, как повторяемость действий (зачастую с неудачным результатом) (*ходил-ходил*, *делал-делал*, *учил-учил*); а в русском и в англий-

ском языках также может выражать идею собирательности (*каляки-маляки, бэки-мэки, шайка-лейка, шуры-муры, шурум-бурум, штучки-дрючки, bric-a-brac, tit-bit, hoi-polloi, hob-nob, hurly-burly*), большую степень проявления признака (ср. рус. *большой-(пре)большой, много-много*, англ. *biggety-big (огромный), teeny-weeny (крохотный)*).

3. Дополнительная информация как часть структуры значения

Представляя информацию ЛЕ в двух планах – семантическом и более глубинном, эстетическом, можно говорить о том, что «семантическая информация своей общей основой имеет логику, для эстетической информации общей основой является «шкала» чувств, которые может испытывать человек» [17. С. 54]. Эстетическую информацию мы будем рассматривать в качестве дополнительной информации, которая является кодированием многих элементов, среди которых эмоциональное состояние, определенные возрастные, социальные и профессиональные особенности говорящего; ролевые отношения, включающие субъективно-оценочное отношение говорящего к действительности, к реципиенту, к предмету разговора и т.д. Таким образом, некоторая избыточность на уровне дополнительной информации является способом повышения информативности сообщения, т.е. наличие дополнительной информации на уровне лексической единицы способствует экономии умственных усилий говорящего в процессе коммуникации.

Характерной особенностью субстандартной лексики является полисемность, т.е. наличие сложной структурности значения, включая дополнительные аспекты, не поддающиеся односложной интерпретации на литературный стандарт. Подобная сложная структура значения включает дополнительную информацию, которая является кодированием многих элементов, среди которых эмоциональное состояние, ролевые отношения, включающие субъективно-оценочное отношение говорящего к действительности, к реципиенту, к предмету разговора и т.д. В.И. Заботкина обращает внимание также на закодированность в субстандартных единицах таких стратификационных параметров, как территориальный, социальный, профессиональный, возрастной и половой [18. С. 57].

Несомненно, в качестве дополнительной информации в структуре значения субстандартной лексической единицы наиважнейшее место занимает **экспрессивность**. «Экспрессивность (лат. *expressio*) – выразительность, сила проявления чувств и переживаний» [19. С. 127]. Ряд ученых отождествляют понятие экспрессивности с понятиями эмоциональности и/или **оценочности**: А.М. Эмирова трактует экспрессивный компонент как «часть прагматического значения, которая связана с выражением эмоций и оценок говорящего (в лексике и фразеологии) – так называемое эмотивное, эмоционально-оценочное значение, в грамматике – субъективно-модальное» [20. С. 15].

Как подчеркивает Е.Ф. Серебренникова, оценочность и оценочные характеристики – «фундаментальные характеристики универсума бытия человека и общества» [21. С. 3]. Оценочность находит отражение на лексическом, словообразовательном и синтаксическом уровнях языка с различной степенью выраженности в функциональных подсистемах языка. Как подчеркивает С.М. Белякова, аксиологичность (оценочность) является весьма важным

свойством языка, проявляющимся во многих коммуникативных актах, в особенности в устной, ситуативно-актуализированной речи [22. С. 180].

Системно-языковые средства выражения экспрессивности и оценочности функционируют на всех уровнях языка: фонетическом (длительность звуков, интонация, звуковые повторы, ритм, рифма); морфологическом (словообразовательные экспрессивные морфемы: диминутивные и аугментативные аффиксы, аффиксальная и корневая редупликация); синтаксическом (инверсия, синтаксические повторы, эллиптические конструкции); лексическом (экспрессивно-окрашенная лексика, контекстуальные значения лексических единиц).

В качестве универсального средства повышения экспрессивности высказывания в таких разнотипных языках, как русский и английский, признается явление повтора, который имеет разнообразное воплощение на всех уровнях в разнотипных языках (И.В. Арнольд [23], И.И. Туранский [3], Е.А. Земская [11], С.М. Белякова [22]). Повтор как речевой элемент привлекает внимание слушателя, подчеркивая значительность, усиливая эмоциональное воздействие речи [24. С. 73].

Повтор на лексическом уровне является одной из разновидностей редупликации, фомоморфологического способа словообразования, которая представляет собой стилистически сниженный способ образования нового слова с ярко выраженной стилистической коннотацией [25–30]. В этом случае мы можем говорить об иконической закреплённости за редупликацией экспрессивности на словообразовательном уровне (*чмоки-чмоки, нежности-белоснежности, lovey-dovey, muckety-muck*).

За рядом моделей редупликации иконически закреплён также элемент пейоративной оценки. Так, например, в русском языке продуктивны заимствование так называемой правосторонней *шм*-редупликации из идиш и производство многочисленных окказиональных редупликативов по данным моделям (*мент-шмент, роботы-шмоботы*), а также *м*-редупликация по модели, заимствованной из тюркских языков (*девки-мевки, шашлык-машлык*). Редупликативы этого типа передают идею негативной оценки, закреплённой в самой структуре повтора. Вяч. Вс. Иванов отметил, что подобный словообразовательный прием характерен для языков кавказского ареала, многочисленные примеры таких парных сочетаний попадают в тот вариант русского языка, который распространён на Кавказе. Этот прием «обычно используется в живой речи для образования оборотов с сильно выраженной эмоциональной (иногда негативной) или иронической окраской: *сумки-мумки* (в смысле: бесконечные сумки – от водителя такси)» [31. С. 142].

Насыщенность коннотативного значения негативной оценочностью и экспрессивностью, а также стилистическая маркированность самого способа словообразования предопределяют, по нашему мнению, нередкий выбор редупликатива в процессе коммуникации в качестве информационно более емкого и экономически выгодного элемента высказывания (отрывок сообщения посетителя интернет-форума «Изба рыбака»): «...за мясо всеми конечностями! по хавчику думаю каждый чегой-то возьмет (чай-кофей *сало-шмало* (курсив наш. – М.М.), овощи-хрусты, соленья-варенья, посуда, жидкого наварим, твердого напарим. по возможности берем столики и стульчики. если не будет клева, можно прессу» (сохранены авторская пунктуация и орфография)

[URL:<http://fishing.su/lofiversion/index.php/t3761-200.html>, дата обращения: 12.11.2009].

Как и редупликация, универбация и усечение могут быть отнесены к собственно субстандартным способам словообразования в русском и английском языках, и уже на этапе образования лексической единицы сама модель образования наделяет ее элементом экспрессивности при сохранении высокой информативности и экономичности (в английском языке: *Za* – pizza; в русском: *трешка* – трехкомнатная квартира, *лаба* – лабораторная работа).

В отличие от собственно субстандартных способов словообразования аффиксация, безусловно, является высокопродуктивным способом и в кодифицированной подсистеме. Однако зачастую лексические единицы субстандартной подсистемы, образованные аффиксальным способом, связаны со словообразовательным элементом лишь общим значением и конкретизируются в контексте. Специфичность подобных новообразований связана со «свободой семантических связей производящей и производной основ» [11. С. 118]: в рус.: *гаисты* (сотрудники ГАИ) «*Гаисты* и вчера были неласковые. А уж сегодня и подавно» [<http://otvet.mail.ru/question/15259473>].

Собственно субстандартная суффиксация как в русском, так и в английском языках отмечена высокой продуктивностью диминутивных (уменьшительных) суффиксов, являющихся репрезентацией категории субъективной оценки. Использование диминутивов зачастую гендерно обусловлено. Здесь мы можем говорить о **закрепленности за словообразовательной моделью определенных значений**, т.е. в данном случае «**принадлежность говорящего к определенному полу и/или возрасту**». Избыточное использование дериватов с диминутивными суффиксами, имеющими ярко выраженную эмоционально-оценочную составляющую, характерно для речи женщин, особенно старшего поколения: «"Is that him?" said Sister Mary, staring at the baby. "Only I'd expected funny eyes. Red, or green. Or *teensy-weensy* little *hoofikins*. Or a widdle tail"» [32. С. 24].

Для субстандартного пласта русского языка (как языка аффиксального типа) продуктивно использование редупликации синонимичных аффиксов (*ребетёшечки* (*ребятёночки*, *ребятущечки*), *пирожочечки*), что привносит дополнительную экспрессивность в высказывание и также может быть индикатором гендерной и возрастной принадлежности Говорящего и/или его отношения к реципиенту или к предмету высказывания.

Подобной характеристикой словообразовательной модели в рассматриваемых языках обладает также ономотопея, где эмоциональность и экспрессивность являются неотъемлемой частью семантики (*тарарам*, *шлеп*, *плюх*, *бубух*, *boo-boo* (болячка), *bow-wow* (гав-гав, собака). Возраст Говорящего также закодирован в многочисленных ономотопах сферы «детской речи». С.М. Лойтер подчеркивает игровое начало структур ономотопеических слов: «Ономотопея – высокоорганизованная игровая форма речевой коммуникации. Игра становится инструментом овладения языком. Игровая функция слово-образов, словозвуков, их повторяемость, основанная на принципе эквивалентности, соединяется с эстетической функцией. Суггестивность ономотопеи несомненна: когда ребенок слышит «трах-трах», он видит некую

картину» [33. С. 21]: *ням-ням, шлеп-шлеп, уит-уит* (ням-ням), *bang-bang* (бах-бах, пиф-паф).

Использование в речи взрослых как редупликативов-ономатопов, так и звукосемантических редупликативов зачастую говорит о семейном положении Говорящего (наличие детей в семье) либо о сфере его профессиональных интересов (возможно, связанных с общением с детьми), а также об определенном отношении к предмету разговора (любовь, нежность): «'Oh, it's not that,' said Malicia, walking over to the door and looking at the keyhole. 'It's just that it's so... childish. So... *tinkly-winkly*. So... Mr Bunnsy'» [34. С. 196].

Принадлежность к этническому социуму ограничивает употребление единицы по линии стратификационной вариативности. Так, употребление «*nail'em-&-jail'em*» (полицейские) в английском языке ограничено рамками узуса афроамериканского населения. Мы также можем говорить об использовании определенных словообразовательных моделей в качестве иронического средства имитации этнических стереотипов, так, например, уже упомянутая выше *шм*-редупликация (как в русском, так и в английском языках) предполагает имитацию идиша (*доктор-шмоктор, хоббиты-шмобиты, Лукойл-шмукойл; wonderful-schmonderful, actor-schmactor, book-schmook*). Редупликативы зачастую соотносятся в сознании носителей с заимствованными структурами, что особенно характерно для редупликативов звукоподражательного характера: «*кырдым-бырдым*» – представитель южно-азиатских народностей: «Иди у *кырдым-бырдыма* дыню купи» [URL: <http://www.gramota.ru/slovari/argo>, дата обращения: 15.03.2010].

4. Стилистическая маркированность

Закрепленность определенной стилистической маркированности лексических единиц зачастую определяется способом словообразования. Например, уже упомянутые редупликация, ономатопея, универбация, а также ряд моделей аффиксации в рассматриваемых языках предполагают стилистическую сниженность лексических единиц, образованных данными способами. Подобная маркированность единицы позволяет декодировать заложенную в ней информацию с меньшими энергетическими затратами со стороны реципиента.

Вывод. Разумеется, в рамках одной статьи не представляется возможным провести полный анализ всех параметров информативности. Мы затронули лишь малую часть чрезвычайно интересного и многоаспектного явления информативности субстандартных лексических единиц. Необходимо еще раз обратить внимание на тесную связь между выбором средств высказывания и стимулированием создания определенного (субъективного) отношения у реципиента к услышанному. Со стороны Говорящего существует намерение выразить эмоции и мысли наиболее эффективным образом для удержания внимания Реципиента, оказания необходимого ориентирующего воздействия, что отражается в выборе единиц с повышенной степенью информативной ценности. Таким образом, при равных условиях, т.е. при равнозначности денотативной составляющей средства выражения, «индивид отдаст предпочтение той единице, параметры которой будут соответствовать его социальному статусу, позиции в ролевой структуре общения, отношения Говорящего к предмету и адресату общения» [35. С. 204]. С другой стороны, в задачи Реципиента входит декодирование информации минимальными

средствами, т.е. удержание внимания, повышение рефлексии, восприятие эмоционально-оценочной составляющей высказывания, при минимуме усилий. Успешному декодированию в этом случае также будет способствовать наличие в речи единиц с низкой частотностью употребления и с высоким содержанием дополнительной информации.

Литература

1. Горбачев В.В. Концепции современного естествознания. М. : ООО «Изд. дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Изд-во «Мир и Образование», 2003. 592 с.
2. Матурана У.Р. Биология познания // Язык и интеллект. М. : Прогресс, 1995. С. 95–142.
3. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высш. шк., 1990. 173 с.
4. Келлер Р. Языковые изменения: О невидимой руке в языке / пер. с нем. и вступ. ст. О.А. Костровой. Самара : Изд-во СамГПУ, 1997. 308 с.
5. Колмогоров А.Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. 1965. Т. 1. С. 3–11.
6. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / пер. с англ. В.Ф. Писаренко. М. : Изд-во иностр. лит., 1963. 830 с.
7. Мартине А. Основы общей лингвистики / пер. с фр. М. : УРСС, 2004. 228 с.
8. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка: учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 1974. 175 с.
9. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения // Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 9–58, 505–533. (Язык. Семиотика. Культура).
10. Пономарева О.Б. Когнитивные и прагмо-стилистические аспекты семантической деривации (на материале английского языка в сопоставлении с русским и немецким языками). Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2005. 164 с.
11. Земская Е.А. Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учеб. пособие; 3-е изд., перераб. и доп. М. : Флинта: Наука, 2004. 240 с.
12. Дрожащих Н.В. Синергетическая модель интеграции иконических единиц разных уровней. Диахрония. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2006. 256 с.
13. Horn L. Economy and redundancy in a dualistic model of natural language // SKY: The Linguistic Association of Finland, 1993. P. 33–72.
14. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 244 с.
15. Большой энциклопедический словарь : Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.
16. Дрожащих Н.В. Иконические и символические аспекты языковых знаков // Знак. Слово. Текст: семиотические аспекты языковых единиц разных уровней. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. С. 51–73.
17. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М. : Просвещение, 1967. 338 с.
18. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М. : Высш. шк., 1989. 126 с.
19. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1991. 559 с.
20. Эмирова А.Н. Русская фразеология. М. : Просвещение, 1988. 245 с.
21. Серебренникова Е.Ф. и др. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
22. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2005. 264 с.
23. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования. Л. : Просвещение, 1981. 295 с.
24. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка: учеб. пособие: под ред. Н.Н. Амосовой. Л. : Наука, 1960. 173 с.
25. Крючкова О.Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 68–84.

26. Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 183 с.
27. Мехеда М.И. Тематическая дифференциация редупликативов в русском и английском языках // Вестн. Тюм. гос. ун-та. 2010. № 1. С. 183–189.
28. Петрова Л.И. Редупликация в английской словообразовательной системе: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978. 214 с.
29. Moravcsik E. Reduplication // International encyclopedia of linguistics / ed. William Bright. Oxford : Oxford University Press, 1992. P. 323–324.
30. Thun N. Reduplicative Words in English: The Study of Formation of words tick-tock, hurly-burly, shilly-shally : PhD theses. Uppsala [s. n.], 1963. 347 p.
31. Иванов Вяч.Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М. : Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
32. Gaiman N., Pratchett T. Good Omens HarperCollins, 2011. 432 p.
33. Лоитеп С.М. Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2002. 41 с.
34. Pratchett Terry. Amazing Maurice and his educated rodents. HarperCollins, 2009. 368 p.
35. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М. : Наука, 1983. 216 с.

ON SOME PARAMETERS OF INFORMATIVENESS OF RUSSIAN AND ENGLISH SUBSTANDARD LEXICAL UNITS.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 50–62. DOI 10.17223/19986645/28/5
 Mekheda Marina I., Irkutsk State Linguistic University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: mmekheda@mail.ru

Keywords: substandard word formation, informativeness, language economy, expressiveness, axiology.

The article deals with the problem of informativeness of lexical units which is closely connected with language economy law and some means of enhancing the informative value of a unit. It is necessary to point out that a simple transfer of information from the Speaker to the Recipient cannot be considered as the purpose of communication. The idea of communication is mainly in orientating the Recipient and directing him/her with the help of various persuasive means including such elements as informativeness, expressiveness, emotiveness and axiology. The informative value of any word unit can be presented as dual: semantic and additional or emotional. The additional information of a word unit can include different degrees of expressiveness and intensity, various aspects of evaluation (pejoration or elevation), gender and age characteristics, as well as ethnic and social status parameters of the Speaker/Recipient of the consituation.

The author tries to define and explain some of the parameters of informativeness of lexical units taking the substandard lexical systems of Russian and English languages as a model. It is acknowledged that the substandard system is less controlled by rules and norms than the standard system and can be characterized by individual word formation creativity and expressiveness. Expressiveness and axiology are essential for the substandard stratum of the vocabulary. They can be achieved through different means on various levels (phonological, semantic, derivational, syntactic). Some word formation models can contribute an expressive and evaluative element to the word unit in the process of coining a new word. Expressive affixation is rather productive both in the Russian and English languages. The use of diminutive affixes can also indicate age and gender of the Speaker or the Recipient of the communication act. Repetition can also be considered as a universal means of enhancing emotiveness and expressiveness of any unit of the languages concerned.

Exclusive for the substandard layer of the vocabulary system is productivity of certain types of word formation which are not very common in the literary stratum (reduplication, onomatopoeia, rhyming slang). They are economically advantageous types of word formation and valued by both the Speaker and the Listener of the communicative act for informativeness and expressiveness. The ease of decoding the information of the unit can be achieved through iconic fixedness of stylistic pejoration, iconicity of certain meanings fixed with certain initial sounds or clusters of sounds, as well as encoding a number of aspects of information into the units of the language system of various levels (semantic, grammatical, phonological, pragmatic).

References

1. Gorbachev V.V. *Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya* [The concepts of modern natural science]. Moscow, Izdatel'skiy dom ONIKS 21 vek: Izdatel'stvo Mir i Obrazovanie Publ., 2003. 592 p.
2. Maturana H.R. [Biology of cognition]. *Yazyk i intellect. Sbornik* [Language and intelligence. Collected papers]. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 95 – 142. (In Russian).
3. Turanskiy I.I. *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke* [Semantic category of intensity in English]. Moscow, Vysshaya shkola. Publ., 1990. 173 p.
4. Keller R. *Sparchwandel. Von der unsichtbaren Hand in der Sprache*. Tübingen, Franke, 1990. 218 p. (Russ. ed.: Keller R. *Yazykovye izmeneniya. O nevidimoy ruke v yazyke*. Samara, SamGPU Publ., 1997. 308 p.).
5. Kolmogorov A.N. Tri podkhoda k opredeleniyu ponyatiya "kolichestvo informatsii" [Three approaches to the definition of the concept *amount of information*]. *Problemy peredachi informatsii – Problems of information transmission*, 1965, Vol. 1, pp. 3 – 11.
6. Shannon C. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike* [Cybernetics and information theory]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1963. 830 p.
7. Martinet A. *Éléments de linguistique générale*. Paris, Armand Colin, 1960. 221 p. (Russ. ed.: Martinet A. *Osnovy obshchey lingvistiki*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 228 p.).
8. Gal'perin I.R. *Informativnost' edinits yazyka* [Informativeness of language units]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974. 175 p.
9. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya Rol' yazyka v poznanii mira*. [Language and knowledge: On the way of learning the language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in world cognition]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p.
10. Ponomareva O.B. *Kognitivnye i pragmo-stilicheskie aspekty semanticheskoy derivatsii (na materiale angliyskogo yazyka v sopostavlenii s russkim i nemetskim yazykami)* [Cognitive and pragma-stylistic aspects of semantic derivation (on the English language material in comparison with Russian and German)]. Tyumen, Izdatel'stvo TyumGU Publ., 2005. 164 p.
11. Zemskaya E.A. *Russkiy yazyk kak inostrannyi. Russkaya razgovornaya rech'. Lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian as a foreign language. Russian colloquial speech. Linguistic analysis and learning problems]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2004. 240 p.
12. Drozhzhichikh N.V. *Sinergeticheskaya model' integratsii ikonicheskikh edinits raznykh urovney. Diakhroniya* [Synergistic integration model of iconic units at different levels. Diachrony]. Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2006. 256 p.
13. Horn L. *Economy and redundancy in a dualistic model of natural language*. SKY: Yearbook of the Linguistic Association of Finland, 1993, pp. 33 – 72.
14. Voronin S.V. *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantics]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ., 1982. 244 p.
15. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar': Yazykoznanie* [Big Encyclopedic Dictionary: Linguistics]. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1998. 685 p.
16. Drozhzhichikh N.V. [Iconic and symbolic aspects of linguistic signs]. *Znak. Slovo. Tekst: semioticheskie aspekty yazykovykh edinits raznykh urovney* [Sign. Word. Text: semiotic aspects of linguistic units at different levels: collective monograph]. Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2001, pp. 51 – 73. (In Russian).
17. Zvegintsev V.A. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 338 p.
18. Zabotkina V.I. *Novaya leksika sovremennogo angliyskogo yazyka* [New vocabulary of modern English]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 126 p.
19. Rozental D.E. *Sovremennyy russkiy yazyk* [The modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 559 p.
20. Emirova A.N. *Russkaya frazeologiya* [The Russian phraseology]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988. 245 p.
21. Serebrennikova E.F., Antip'ev N.P., Vikulova L.G., Ladygin Yu.A. et al. *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and Axiology: etnosemiometry of axiological values]. Moscow: TEZAURUS Publ., 2011. 352 p.
22. Plotnikova S.N., Tareva E.G., Khakhalova S.A., Kazydub N.N., Litvinenko T.E., Semenova T.I., Gotlib O.M., Malinovich M.V., Sharunov A.I., Kulagina O.A. *Lingvistika i aksiologiya:*

etnosemiometriya tsennostnykh smyslov [Linguistics and Axiology: etnosemiometry of axiological values]. Moscow, TEZAURUS Publ., 2011. 352 p.

23. Belyakova S. M. *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira (na materiale russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti* [The image of time in the dialect picture of the world (based on the old Russian dialects of the south of the Tyumen region)]. Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2005. 264 p.

24. Arnold I. V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka: stilistika dekodirovaniya* [Stylistics of modern English: decoding stylistics]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1981. 295 p.

25. Kuznets M.D., Skrebnev Yu.M. *Stilistika angliyskogo yazyka* [English Stylistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1960. 173 p.

26. Kryuchkova O. Yu. *Reduplikatsiya v aspekte yazykovoy tipologii* [Reduplication in terms of linguistic typology]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2000, no. 4, pp. 68 – 84.

27. Minlos F.R. *Reduplikatsiya i parnye slova v vostochnoslavianskikh yazykakh*. Diss. kand. filol. nauk [Reduplication and paired words in the East Slavic languages. Philol. cand. diss.]. Moscow, 2004. 183 p.

28. Mekheda M. I. *Tematicheskaya differentsiatsiya reduplikativov v russkom i angliyskom yazykakh* [Thematic differentiation of reduplicatives in Russian and English]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of the Tyumen State University*, 2010, no. 1, pp. 183–189.

29. Petrova L.I. *Reduplikatsiya v angliyskoy slovoobrazovatel'noy sisteme*. Diss. kand. filol. nauk [Reduplication in English word formation system. Philol. cand. diss.]. Leningrad, 1978. 214 p.

30. Moravcsik E. *Reduplication*. In: *International encyclopedia of linguistics*. Oxford, Oxford University Press, 1992, pp. 323 – 324.

31. Thun N. *Reduplicative Words in English: The Study of Formation of words tick-tock, hurly-burly, shilly-shally*. Uppsala, 1963. 347 p.

32. Ivanov Vyach. Vs. *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu* [Linguistic science of the III millennium. Questions to the Future]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 208 p.

33. Gaiman N., Pratchett T. *Good Omens*. New York, HarperCollins, 2011. 432 p.

34. Loyter S. M. *Russkaya detskaya literatura XX veka i detskiy fol'klor: problemy vzaimodeystviya*. Diss. doc. filol. nauk [Russian children's literature of the 20th century and children's folklore: problems of interaction. Philol. doc. diss.]. Petrozavodsk, 2002. 41 p.

35. Pratchett T. *Amazing Maurice and his educated rodents*. New York, HarperCollins, 2009. 368 p.

36. Schweitzer A.D. *Sotsial'naya differentsiatsiya angliyskogo yazyka v SShA* [Social differentiation of English in the USA]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 216 p.

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/19986645/28/6

О.В. Нагель

СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНОГО ИМЕНИ КАК АКТИВАТОР МЕТАЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Исследование направлено на выявление актуальности компонентов пропозициональной структуры производного имени в языковом сознании носителя языка посредством лингвистического эксперимента, активизирующего метаязыковой компонент языкового сознания. Метаязыковой компонент проявляется в получаемых от респондентов дефинициях как результат выбора различных лингвистических стратегий: использование мотивирующей основы и единицы, синонимичной мотивирующей основе, экспликация оценочных компонентов пропозициональной структуры производного. Полученные результаты эксперимента подтверждают выдвигаемую гипотезу об активации метаязыкового сознания при восприятии производного имени и ставят новые задачи перед исследователем.

Ключевые слова: синкретичное производное имя, пропозициональный подход, мотивационная формула, лингвистический эксперимент, активация внутренней формы.

Производное слово рассматривается в современной дериватологии, и прежде всего в активно развиваемом в настоящее время ее когнитивном направлении, как языковая форма, обеспечивающая языковую потребность в фиксации особых структур знания и участвующая в формировании языковой картины мира. Соответственно, существует необходимость исследовать его в неразрывной связи с непосредственным носителем языкового сознания – говорящим субъектом.

Материалом для исследования выступают русские производные наименования лица, образованные по словообразовательным моделям, занимающим промежуточное положение между мутационной и модификационной словообразовательными сферами. Особенности семантической организации анализируемых производных детально представлены в диссертационном исследовании автора [1].

Находясь в зоне перехода между двумя основными словообразовательными сферами, исследуемые словообразовательные модели совмещают семантические процессы этих сфер. Согласно терминологии, предложенной З. И. Резановой [2. С. 210] и автором [3. С. 40], рассматриваемые словообразовательные типы (СТ) именуются *синкретичными*, соответственно, производные, образованные по данным моделям, называются *синкретичными производными*.

К анализируемым СТ мы относим: 1) отглагольные с суффиксами: -ун, -ок, -ач, -ух(а), -к(а), -ец, -ул(я), -ш(а), - уш(а), -ох(а) - ах(а), -яг(а), -ак (а), -л(а), уг(а); 2) отадъективные с суффиксами -ак, -ач, -к(а), -ух(а), -ец, -уш(а), -ышк(а), -иш, аг(а), -уг(а), ук(а), -ул(я); 3) отсубстантивные с суффиксами: -ач, -ан, -яг(а), -ун, -юх(а), -юш(а).

Выделенные СТ характеризуются свойством семантического совмещения номинативного и прагматического аспектов, а производные, созданные в ре-

зультате действия данных словообразовательных типов, обладают синкретизмом как системным свойством, которое определяет особые способы их текстового функционирования. Доказательством данного утверждения послужили результаты исследования смысловой организации синкретичных производных с использованием пропозиционального подхода к анализу (Е.С. Кубрякова, И.С. Улукханов, В.В. Лопатин и др.), который активно разрабатывался и разрабатывается томской и кемеровской дериватологическими школами (М.Н. Янценецкая, Н.Д. Голев, З.И. Резанова, Л.А. Араева, Н.Б. Лебедева, Р.Н. Порядина, Е.А. Оглезнева, Л.В. Колпакова, О.В. Нагель и др.).

Согласно полученным результатам, словообразовательное значение синкретичных типов является **полипропозитивной** структурой и включает как пропозицию, содержащую объективную информацию, не зависящую от ситуации речевого общения и ее участников, так и пропозицию, отражающую разноплановые отношения субъекта речи – **рационально-эмоциональную оценку**. Именно зависимая пропозиция в процессе словообразовательного акта формирует модальную рамку. **Рациональная оценка**, фиксирующая отклонения от нормы, является основой возникновения **субъективной оценки**. Следовательно, мотивационная формула семантики синкретичных типов включает «схему пропозиционального отношения (S – P) (S – P) и модальную рамку Mod (obj и subj)» [1. С. 51].

Представим пример мотивационной формулы синкретичного производного имени *кривляка*:

(S2) полагает, что S1 характеризуется P, при этом данное действие не соответствует норме ($P \neq N$ (M1ql)), и S1 характеризуется P всегда, часто, имеет склонность, любит и, следовательно, $P' > N$ (M2qn) $\Rightarrow$ и это вызывает реакцию (M3).

Соответственно, *кривляка* – Некто (S2)¹ полагает, что (S1) *кривляется* (P), при этом данное действие *кривляться* не соответствует норме ($P \neq N$ (M1ql)), и (S1) *кривляется* (P) всегда, часто, имеет склонность, любит и, следовательно, $P' > N$ (M2qn) $\Rightarrow$ и это вызывает реакцию (M3).

Полученные данные являются продуктом анализа словарных дефиниций производных, их текстового функционирования, а также лингвистической компетенции исследователя и представляют скорее «научное» понимание природы смысла синкретичных производных, так как свернутые пропозиции получают интерпретацию на основе только лингвистических данных и прямой метаязыковой рефлексии профессионального лингвиста.

Для дальнейшего исследования компонентов, составляющих мотивирующее суждение синкретичных производных, предлагается обратиться к методике лингвистического эксперимента. Лингвистический эксперимент в данной работе представляет собой непрямой (так как мы обращаем внимание респондентов на производное имя как целостный номинативный знак, на-

¹ В логической формуле: S2 – субъект оценки, S1 – объект оценки, P – предикат характеризующего суждения, N – социальная норма, $P \neq N$ – предикат не соответствует норме, P' – преобразованный предикат в процессе словообразовательного акта, M1 – модус оценки, содержащийся в семантике производящей единицы, M2 – модус оценки, рожденный в процессе словообразовательного механизма, M3 – эмотивный модус как реакция на модус оценки M2, ql – определяет качественное отклонение, qn – определяет количественное отклонение.

прямую не акцентируя его производность) опрос испытуемых (носителей языка) в целях получить сведения о том, как семантическая структура синкретичного производного представлена в метаязыковом сознании носителя русского языка. Предполагается, что имплицитно мотивированность имени активируется в метаязыковом сознании респондента, так как в анкете наблюдается структурное единообразие производных. Разработанная анкета выглядит следующим образом:

Анкета 1

Возраст __ Образование _____

Закончите определение данного наименования лица:

- 1) *балаболка* – это человек, который
- 2) *балабошка* – это человек, который
- 3) *бедняга* – это человек, который
- 4) *бедняк* – это человек, который
- 5) *безумец* – это человек, который

Предполагается, что при выполнении данного задания информанты, решая обратную номинативную задачу, вынуждены «распаковать» свернутую пропозицию в семантике производного имени, что либо подтвердит, либо опровергнет наличие актуальных компонентов указанной выше мотивационной формулы.

Несмотря на то, что мы анализируем деривационные рефлексии вне контекста, полагаем, что в такого рода задании также будет эксплицирован деривационный потенциал слова. В данном аспекте наше исследование перекликается с рядом работ Н.Д. Голева по дериватологии [4, 5].

Всего в анкете было представлено 220 синкретичных производных, мотивационная формула которых, совпадает с представленной выше мотивационной формулой синкретичного производного *кривляка*.

Очевидным фактом является то, что анализируемые синкретичные производные являются стилистически маркированными и имеют ограниченную зону применения. Кроме того, представленный корпус также является неоднородным, так как в нем представлены как более (например, *богач*, *хулиган*, *уса*), так и менее (например, *храпун*, *ушан*, *наивняк*) частотные единицы. Соответственно, на данном материале вполне ожидаемо обращение информантов к внутренней форме, но не гарантирована экспликация модусных компонентов, что и является фокусом данного эксперимента.

Необходимо отметить, что в рамках исследования мы ограничились 20 информантами, так как исследование является пилотным и в количественном плане, учитывая количество единиц в анкете, данных было достаточно, для выявления основной тенденции.

В опросе участвовало 10 студентов факультета иностранных языков Томского государственного университета и 10 студентов нефтегазового отделения Томского политехнического университета. При анализе результатов не было выявлено значительных различий в качестве и количестве предостав-

ляемых ответов, таким образом, параметр лингвистической подготовки не рассматривается на данном этапе как значимый.

В результате опроса было получено 600 рабочих дефиниций (ряд производных не получили характеристику информантов, другие – получили идентичные характеристики от разных информантов).

При анализе были выявлены две основные тенденции в ответах респондентов: **группа 1**, где дефиниции производного имени содержат мотивирующую основу, подтверждая тем самым предикативный характер производного имени, и **группа 2**, где дефиниции содержат лексические единицы, синонимичные (в семантическом или оценочном плане) мотивирующему слову производного имени. В данном исследовании наиболее интересно то, что каждая из групп также делится на две отличные **подгруппы**: (а) – где отсутствует экспликация количественного модуса M2qn и (б) – где данный модус эксплицируется. Необходимо отметить, что при анализе было выявлено пересечение данных групп, т.е. информанты в дефинициях могли использовать и мотивирующую основу, и синонимичную ей единицу (например: *горькуша – это человек, который горюет, т.е. переживает; бедняга – это человек, который беден и несчастен*). В таких случаях дефиниция разбивалась на две, которые, в свою очередь, распределялись по вышеуказанным группам.

Представим примеры предложенных дефиниций (*примечание*: дефиниции не редактировались и приведены в том виде, в котором они были предложены информантами), расклассифицированных по группам и подгруппам.

Группа 1

Подгруппа (а) – всего 198 дефиниций из 600.

Респонденты использовали мотивирующую основу для объяснения семантики производного, соответственно сохраняя наличие качественного отклонения предиката (M1ql), но при этом не эксплицировали модус количественного отклонения (M2qn):

- 1) *блатняга – человек, который пытается получить выгоду по блату;*
- 2) *воротила – это человек, который воротит (надевает) дела, которые сложно потом переделать;*
- 3) *ворчун – это человек, который ворчит;*
- 4) *дупец – это человек, который дуп;*
- 5) *жадняга – это человек, который жадничает;*
- 6) *злюка – это человек, который злой;*
- 7) *коротышка – человек, который короткий;*
- 8) *ломака – это человек, который ломается;*
- 9) *молчун – это человек, который молчит;*
- 10) *обедадала – это человек, который обедает.*

Подгруппа (б)

Респонденты в данном случае также использовали мотивирующую основу для объяснения семантики производного, соответственно сохраняя наличие качественного отклонения предиката (M1ql), но при этом эксплицировался модус количественного отклонения (M2qn) посредством использования оценочного глагола *любить* и соответствующих наречий, местоимений и прилагательных:

- 1) *бормотун* – человек, который **все время бормочет**;
- 2) *богач* – человек, который имеет **много богатств**;
- 3) *болтун* – человек, который **много болтает**;
- 4) *болтун* – человек, который **постоянно болтает**;
- 5) *ворчун* – это человек, который **всегда ворчит**;
- 6) *выпивоха* – это человек, который **любит выпить**;
- 7) *гоготун* – это человек, который **громко гогочет**;
- 8) *гордец* – это человек, который **очень гордый**;
- 9) *грызун* – это человек, который **постоянно что-нибудь грызет**;
- 10) *губан* – это человек, который имеет **большие губы**.

Всего такого рода дефиниций было представлено 102 из 600.

Группа 2

Вторая группа включает примеры, где мотивирующий предикат выступал как синонимичный (по семантике или оценочному компоненту) мотивирующей основой. Респонденты выбирают языковые единицы, в семантике которых имеется указание на качественное отклонение признака (поведение не соответствующее норме) (M2q1): *брехать* – *врать*, *быть грязным* – *не любить чистоту* и т.д.

В данной группе также ярко выражены две стратегии восприятия оценочного компонента M2qn: подгруппа (а) – отсутствие экспликации M2qn; подгруппа (б) – экспликация M2qn.

Подгруппа (а) – отсутствие экспликации M2qn:

- 1) *богач* – это человек, который материально обеспечен (*быть богатым* = *быть материально обеспеченным*);
- 2) *бодун* – это человек, который лезет на ражен (*бодаться* = *лезть на рожон*);
- 3) *бородач* – это человек, который не бреется (*не бриться* = *иметь бороду*);
- 4) *брехун* – это человек, который врет, привирает (*брехать* = *врать, привирать*);
- 5) *вертун* – это человек, который непоседлив (*вертеться* = *быть непоседливым*);
- 6) *гаркун* – это человек, который кричит (*гаркать* = *кричать*);
- 7) *грязнуля* – это человек, который не любит чистоту (*быть грязным* = *быть не чистым*);
- 8) *гулеван* – это человек, который слоняется без дела (*гулять* = *слоняться без дела*);
- 9) *гуляка* – это человек, который слоняется без дела (*гулять* = *слоняться без дела*);
- 10) *задирала* – это человек, который ищет неприятности, приставая к людям (*задираться* = *искать неприятности, приставать к людям*).

Общее число дефиниций с данной характеристикой составило 187 из 600.

Подгруппа (б) – экспликация M2qn:

- 1) *бояка* – это человек, который **всего остерегается**;
- 2) *брехун* – это человек, который **много врет**;
- 3) *весельчак* – это человек, который **очень активный, с хорошим чувством юмора**;

- 4) врун – это человек, который **часто** обманывает;
 5) добряк – это человек, который **ко всем** относится с теплотой;
 6) зевака – это человек, который **любит** «поглазеть»;
 7) капризун – это человек, который **постоянно** обижается, чем-то недоволен;
 8) лакомка – это человек, который **любит** сладкое или вкусное;
 9) надувала – это человек, который **всем** врет;
 10) хохотун – это человек, который **любит** громко посмеяться.
 Такого рода дефиниции составили 113 из 600.

В задачи данного исследования не входило получение статистической информации по частотности обращения информантов к той или иной стратегии решения лингвистической проблемы, тем не менее представим количественное распределение используемых вариантов дефиниций (рис. 1).

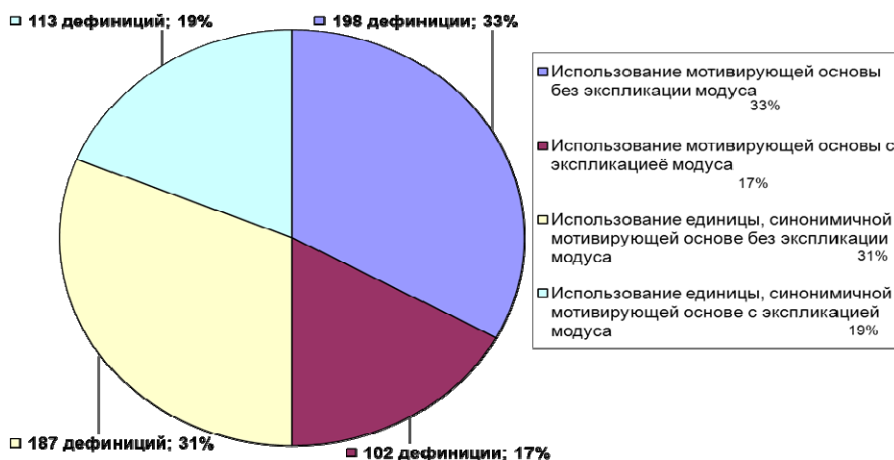

Рис. 1. Количественное распределение дефиниций по группам

Таким образом, как показывают результаты лингвистического эксперимента, анализируемые производные слова, осознаваясь носителями языка как предикатные производные единицы с активной внутренней формой, не только полностью (обращение к мотивационной основе) или частично (обращение к синонимичной единице) активируют базовые предикатные компоненты в метаязыковом сознании носителя, но и вызывают необходимость экспликации модусных составляющих мотивационной формулы. Интересными оказались данные по наличию двух групп, отличающихся тем, что в первой группе респонденты при выполнении задания обращались к мотивирующей основе для экспликации дефиниции, раскрывая тем самым акт предикации, положенный в основу производного знака, а во второй – находили мотивирующей основе синонимичное соответствие, что свидетельствует о языковой креативности респондентов при сознательном отказе от использования мотивирующей основы. Данная креативность помимо стилистических причин, как было также представлено в работе Н.Д. Голева [5. С. 27], может корениться и

в обращении респондентов к своему метаязыковому сознанию и признании того, что семантика производного имени не может быть лишь калькой семантики мотивирующей единицы, так как даже структурно отмечается наличие дополнительного компонента (суффикса), функция которого, как наиболее явно показывают примеры отсубстантивных наименований, не сводится лишь к образованию новой части речи (в данном случае существительного – наименовании лица). Таким образом, у респондента возникает естественная потребность расширить семантику мотивирующего знака, конкретизировать его, при этом сохранив его оценочность (M1ql) и зачастую эксплицировав её. Особенно ярко это наблюдается в примерах, где присутствует метафорическое значение: *выскачка – это человек, который не умеет сдерживать свои эмоции, заводила – это человек, который поднимает настроение*.

Важно отметить, что стратегия обращения респондента к синонимичной единице при анализе производного имени соотносится со стратегией, используемой респондентами при работе с непроизводными оценочными именами лица предикативного типа (для анализа были представлены единицы типа: *враг, хам, идиот, балда, герой* и т.д.). Для сравнения в процессе работы обсуждаемый лингвистический эксперимент был реплицирован с использованием анкеты следующего вида:

Анкета 2

Возраст _____ Образование _____

Закончите определение данного наименования лица:

1. *хам – это человек, который*
2. *лох – это человек, который*
3. *пижон – это человек, который*
4. *трус – это человек, который*
5. *урод – это человек, который*

В опросе участвовало 25 студентов не филологов, но гуманитариев. Из всех полученных 515 дефиниций ни одна не содержала обращения к корневой основе слова (например, предполагаемые: *герой – это человек, который геройствует, хам – это человек, который хамит* и т.д.). Характерными дефинициями были описания следующего плана: *хам – это человек, который не умеет себя вести, герой – это человек, который проявляет отвагу* и т.д.

Особый интерес представляют дефиниции, в которых эксплицируется модус количественного отклонения от нормы (M2qn), так как здесь наблюдается актуализация компонента именно словообразовательной семантики производного имени и для передачи полной палитры семантики синкретичного имени говорящему необходимо дополнительно лексика-лизировать функциональную направленность словообразовательного процесса (например: создание наименования лица, в большей степени, чем другие, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом).

Мы полагаем, что примерно равное распределение по группам может свидетельствовать о том, что потенциально, действительно, каждый компонент мотивационной формулы синкретичного производного осознается говорящим как активный компонент. Для получения более точных данных планируется дальнейшее исследование актуальности имплицитных компонентов

семантики синкретичного деривата с использованием методики психофизиологического эксперимента.

Необходимо также отметить, что несмотря на то, что рабочая анкета в данном исследовании была составлена с целью получения экспликации рациональной оценки (M1ql, M2qn), в единичных случаях была получена лексикализация модуса (M3): посредством пометы: *щелкушка – это человек, который щелкает чем-либо (ум.-ласк)*, или посредством описания: *плакуша – это человек, который плачет и вызывает этим жалость*. Следует подчеркнуть, что помета (ум.-ласк.) была представлена в ответе респондента-лингвиста, что может свидетельствовать о наличии фактора лингвистической подготовки, нежели чем проявлением естественной языковой способности. Отметим и то, что описание типа *вызывает этим жалость* было обнаружено в ответе студента нефтегазового отделения, что, естественно, не исключает факта выученности, но позволяет говорить о целесообразности дальнейшего исследования в аспекте выявления активности эмоционального заряда (M3) вне контекста.

Неоднозначные результаты, получаемые в процессе изучения восприятия семантики синкретичного производного имени, могут свидетельствовать о том, что процесс создания такого рода наименований не является одноуровневой кодировкой процесса называния, а выступает как совокупный процесс восприятия, рациональной и эмоциональной оценки и, как результат, ословливания наиболее удобным языковым знаком, способным запечатлеть данный совокупный процесс. Особой спецификой этого процесса, по нашему мнению, является то, что каждую его стадию можно вычлениить и изучить с использованием как лингвистических, так и психофизиологических методов исследования. Комплементарное использование названных методов в области изучения словообразовательной деятельности говорящего позволит получить новые сведения о дискурсивной и познавательной деятельности человека.

Литература

1. Нагель О.В. Русские именные словообразовательные типы синкретичной семантики (функционально-когнитивный аспект): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 224 с.
2. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное имя. Томск, 1996. 218 с.
3. Нагель О.В. Русские именные отадективные и отсубстантивные словообразовательные типы синкретичной семантики // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: материалы всерос. конф. 27–29 марта 1998. Томск, 1998. С. 39–41.
4. Голев Н.Д. Функционирование лексических единиц как носителей морфемно-деривационных структур в тексте // Проблемы русской морфемии: тез. междунар. лингв. конф. Орехово-Зуево, 1995. С. 77–79.
5. Голев Н.Д. Эпидигматика и деривационные процессы в речи (Детерминационный аспект) // Проблемы деривации в системе языка и в речевой деятельности (синхронное словообразование и номинация): межвузовский сб. науч. тр. М., 1995. С. 19–28.

SEMANTICS OF A DERIVATIVE NAME AS AN ACTIVATOR OF RUSSIAN SPEAKER METALINGUISTIC COGNITION.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 63–71. DOI 10.17223/19986645/28/6

Nagel Olga V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga.nage12012@yandex.ru

Keywords: syncretic derivative name, propositional approach, motivational formula, linguistic experiment, inner form activation.

Morphologically complex words are presently regarded in cognitive science as valuable resources for language and cognition studies. The intricate implicit semantics of a derivative reflects basic mechanisms of categorization, characterization, mental representations and nomination. The research combines propositional and experimental paradigms in studying the metalinguistic cognitive activation potential of derivative semantic components. Propositional approach to the study of implicit semantics results in a detailed motivational formula of the derivative explicating the cognitive grounds of the nomination ((S2) believes that (S1) is characterized by (P), where $P=N$ ($M1=0$), but S1 is characterized by P always, often, is prone to, likes and, consequently, $P'>N$ ($M2qn$) and does it well or badly (Mql) $\Rightarrow$ and it causes reaction good/bad ($M3$)).

The issue under discussion is to what extent implicit propositional components of a derivative activate the metalinguistic cognition of a native speaker in the reverse naming task. The reverse naming task makes the respondent provide an extended definition of the derivative under study.

The study is based on semantic components of a specific language material – Russian derivatives of a syncretic type which combine nominative and evaluative functions in their semantics in their semantics.

The material under investigation includes derivatives of the following derivational patterns of the Russian language:

Verb + suffix -ok, -ach, -uh(a), -k(a), -ulj(a), -sh(a) – ush(a), -oh(a), -ah(a), -jag(a), -ak(a), -l(a), ug(a). E.g.: p'et' (to sing) – pev-uha; pisat' (to write) – pis-aka; hohotat' (to laugh loudly) – hohot-un; strel'jat' (to shoot) – strel-ok.

Adjective + suffix -ak, -ach, -k(a), -uh(a), -ush(a), -yshk(a), -ish, -ag(a), -ug(a), -uk(a), -ul'(ja). E.g.: lovkij (crafty) – lovk-ach; veselyj (jolly) – veselch-ak.

Noun + suffix -ach, -an, -jag(a), -un, -juh(a), -jush(a). E.g.: politika (politics) – politik-an; nos (nose) – nos-ach; stil'(style) – stil'-jaga.

In the frame of a specially designed experiment the explication of implicit components of a derivative motivational formula is checked and linguistic means of such explication are described: e.g.: *veselch-ak* – is a person who likes ($M2\ qn$) to enjoy life and does not care about other people ($M3$). The main concern is to reveal whether verbalization of propositional components is copied from the root word or whether it can be a product of activated metalinguistic cognition.

The results show linguistic evidence of activation in 50% cases which provides grounds for further speculations on the topic of the specific cognitive nature of morphologically complex words.

References

1. Nagel O.V. *Russkie imennye slovoobrazovatel'nye tipy sinkretichnoy semantiki (funktsional'no-kognitivnyy aspekt)*. Dis. kand. filol. nauk [Russian nominal derivational types of syncretic semantics (functional and cognitive aspect). Philol. Cand. Diss.]. Tomsk, 2005. 224 p.
2. Rezanova Z.I. *Funktsional'nyy aspekt slovoobrazovaniya. Russkoe proizvodnoe imya* [The functional aspect of word formation. The Russian derivative name]. Tomsk, 1996. 218 p.
3. Nagel O.V. [Russian nominal adjective- and substantive-based word-formation types of syncretic semantics]. *Aktual'nye problemy derivatologii, motivologii, leksikografii: Materialy Vseros. konf.* [Topical problems of word formation, motivology, lexicography: Proceedings of the All-Russian Conference]. Tomsk, 1998, pp. 39-41. (In Russian).
4. Golev N.D. [Functions of lexical units as bearers of morphemic-derivational structures in the text]. *Problemy russkoy morfemiki: Tezisy mezhdunarodnoy lingvisticheskoy konferentsii* [Problems of Russian morphemics. Abstracts of the International linguistic conference]. Orekhovo-Zuevo, 1995, pp. 77-79. (In Russian).
5. Golev N.D. [Epidigmatics and derivational processes in speech (determinational aspect)]. *Problemy derivatsii v sisteme yazyka i v rechevoy deyatel'nosti (sinkhronnoe slovoobrazovanie i nominatsiya)* [Problems of derivation in the system of language and speech activity (synchronous derivation and nomination)]. Moscow, 1995, pp. 19-28. (In Russian).

УДК 81'42

DOI 10.17223/19986645/28/7

И.А. Пушкарёва

КОНТЕКСТЫ СО СЛОВОМ «ПРАВДА» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ «КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ»)

Статья посвящена отражению в региональном медиадискурсе концепта «правда» одного – из ключевых в русской культуре. Материалом исследования является городская газета «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк). Рассматриваются способы и средства включения имени концепта «правда» в высказывание: предикатное употребление слова «правда», употребление слова «правда» в роли актанта, употребление слова «правда» как главного члена номинативных предложений. Представлены семантико-стилистические особенности трёх смысловых составляющих концепта: «правда факта», «правда мысли», «правда совести».

Ключевые слова: медиадискурс, газетно-публицистический текст, городская газета, концепт, семантико-стилистические особенности.

Концепт «правда» играет ключевую роль в медиадискурсе, что связано с функциональной природой СМИ и подтверждается данными частотных словарей [1]. Рассмотрим семантико-стилистические особенности употребления концепта «правда» в массовой городской газете «Кузнецкий рабочий» за последние три года (публикации представлены на официальном сайте издания <http://kuzrab.ru/>). В проанализированном материале мы находим три основные составляющие концепта «правда»: «правда факта», «правда мысли» и «правда совести» (далее в ряде случаев использованы сокращения ПФ, ПМ и ПС). Дифференциация этих составляющих соответствует данным толковых словарей и результатам концептуального анализа (см.: [2. С. 543–640]; [3. С. 455–471; 4; 5]). «Правде факта», «правде мысли» и «правде совести» в городской газете соответствует система семантико-стилистических особенностей. Рассмотрим их, учитывая способы и средства включения слова *правда* в высказывание.

С точки зрения включённости слова *правда* в высказывание отметим следующие случаи: 1) предикатное употребление имени концепта, когда слово *правда* становится носителем истинностной оценки логического субъекта или содержания высказывания; 2) употребление слова *правда* в позиции актанта; 3) единичные случаи – употребление слова *правда* в номинативном предложении.

Предикатное употребление имени концепта, когда слово *правда* становится носителем истинностной оценки логического субъекта или содержания высказывания, характерно для контекстов ПФ и ПМ. Используются две модели включения слова *правда* в высказывание: «логический субъект – оценочный предикат» и «высказывание – оценка его истинности».

1. Рассмотрим подробнее семантико-стилистические особенности реализации первой модели – «логический субъект – оценочный предикат». Ло-

гический субъект в данном случае характеризуется как субъект-нейтрал, который «является просто предметом информации» [6. С. 164].

Во-первых, отметим значимость модели «логический субъект – оценочный предикат» в пейоративных контекстах. Данная модель в медиадискурсе часто наполняется материалами с неодобрительной оценкой, в том числе разоблачающего, обвинительного характера: *Кстати, о фильме “Школа”. Мой сын, уже студент, смотрит все серии и говорит, что практически все, что там показывают, – правда* (ПФ; Виктория, 10.06.2010). В большей степени разоблачающий характер материалов характерен для контекстов ПФ: *И все, что пишет эта девочка, – абсолютная правда* (о неухоженности города; читатель, 18.10.2012); *Всё оказалось правдой* (о проблемах окружающей среды в пригородной зоне; М. Стахович, 24.08.2010); *Тем более что слух о “халявной” водке на участках под вывеской “Дегустация” оказался чистой правдой и посредством “сарафанного радио” разнесся среди любителей горячительного. Они стали, пожалуй, самыми активными посетителями мест проведения голосования* (А. Кириллов, С. Бабилов, 12.10.2010). Иной характер употребления отмечается в контекстах ПМ, где предикат *правда* включается в высказывания, построенные в генеритивном регистре (см. о нём: [7. С. 30]) и стремящиеся раскрыть особенности смыслового наполнения понятий: *А ложь, многократно повторенная, рано или поздно становится правдой, попробуйте поспорить с Йозефом Геббельсом* (С. Бабилов, 22.11.2011).

Во-вторых, обратим внимание на регулятивную роль рассматриваемой модели. Предикат *правда* в контекстах ПФ призван вызвать удивление адресата перед интересным, заслуживающим внимания феноменом и создать тем самым эффект фокусирования референта. Например, по мнению журналиста, читатель может быть удивлён творчеством М. Зощенко или судьбой новокузнецанок: *Невероятным образом все это может быть правдой в этом человеке и писателе (в случае Михаила Зощенко это вообще неразъяснимо), который был как-то чудовищно, просто дико популярен, потом столь же чудовищно обруган и запрещен, при этом будучи самым непрочитанным, самым непонятым писателем* (И. Бодхисатхва, 05.02.2010); *Отдельного уже потому, что эта летняя прогулка 1956 года юных сестер Пруговых – Зоя, Тося, Александра, Нина (слева направо) – по “броду” тогдашнего времени проспекту Энтузиастов в нарядных платьях и костюмах входит с этими воспоминаниями в такой режущий контраст (вот эта аккуратная девушка в годы войны – а прошло-то всего ничего! – работала машинистом молотилки, на стогомете, управляла трактором и конными граблями), что даже и не верится. А ведь все это было правдой* (С. Михайлов, 18.11.2010).

Экспрессия высказывания, включающего анализируемую модель, усиливается тем, что в материалах о «правде факта» и «правде мысли» логический субъект неоднократно выражается местоимением *всё* в значении имени существительного или определяется с его помощью, что является приёмом актуализации и передаёт авторскую модальность: *Важно не воспринимать его как фарс, ведь все написанное там – правда, преувеличенная до гротеска, иносказательно изложенная, но все-таки правда* (о новом романе П. Брюкнера «Мой маленький муж»; ПМ; Б. Кобзарь, 26.03.2011).

Вторая модель – «высказывание – оценка его истинности» – является наиболее распространённой и может быть включена как в авторское изложение, так и в чужую речь.

Во-первых, стилистическая роль данной модели в медиадискурсе отражает диалогичность текста. Адресант использует оценочный предикат не только для того, чтобы дать истинностную оценку. Сам факт подтверждения истинности уже связан с обращением к адресату: с одной стороны, введение оценки расставляет логико-смысловые акценты, управляя вниманием и пониманием адресата, с другой стороны, использование истинностного предиката *правда* может подчеркнуть искренность адресанта (о связи употребления слова *правда* с категорией искренности см.: [4. С. 490–492; 8]), создавая тем самым благоприятные условия для коммуникации.

Во-вторых, данная модель усиливает когезию. Преобладающая часть конструкций строится на основе анафорической связи, подчёркивающей тесную связь оценочного предиката с антецедентом, кореферентным местоимению («высказывание – оценка его истинности: *это правда*»). В роли антецедента выступает высказывание, передающее факт или мысль. В контекстах ПМ в роли антецедента в подавляющем большинстве случаев выступает чужая мысль, выраженная с помощью цитирования или пересказа. Мысль может не иметь определённого авторства: *Лейтмотив народного творчества – хлеб всему голова! И это правда. Хлеб на нашем столе – в будни и праздники* (Л. Соколова, 30.06.2010); *Говорят, что животные умеют быть очень благодарными. Это правда* (Г. Савин, 28.07.2011). В единичных контекстах ПМ предикат *правда* характеризует собственное суждение журналиста: *Однако город-курорт хорош именно мелкими, незаметными на первый взгляд диковинками. Здесь жизнь не бьет ключом, это правда, но отпуск, проведенный здесь, будет спокойным, неспешным* (О. Юрченко, 02.08.2011).

Отмечены случаи дистантного расположения высказывания с антецедентом и оценочного предиката. В этом случае анафорическая отсылка «держит текст», побуждая адресата к интеграции: *“Бойтесь своих желаний – они иногда сбываются”* [заголовок]. http://www.kuzrab.ru/upload/medialibrary/dd3/053_06_2013.jpg *Так сформулировала тему юбилейного конкурса на лучший фантастический рассказ, посвященного 35-летию клуба любителей фантастики “Контакт”, член клуба Надежда Карпова (она, к слову, набрав 17 баллов, стала четвертой в конкурсе вообще и второй среди новокузнецких авторов). И это правда: иногда лучше не иметь желаний – так спокойней* (ПМ; Г. Соколухин, 16.05.2013). В контекстах ПМ значительно реже, чем модель «высказывание – оценка», встречается модель, где оценка предваряет высказывание. Такая конструкция играет роль зачина в смысловом развёртывании текстового фрагмента и усиливает антиципацию: *Это правда, что “нам не дано предугадать, как наше слово отзовется”*. *Постоянный читатель “Кузнецкого рабочего” пенсионер Геннадий Максимович Теплоухов, внимательно изучив рекомендации в рубрике “Записки доктора” по сердечным делам, решил поделиться собственным многодесятилетним опытом борьбы с пожизненным недугом* (М. Георгиева, 11.02.2010).

В-третьих, при передаче чужой речи использование модели «высказывание – оценка» позволяет журналисту создать образ носителя определённой

точки зрения, к которой и привлекается внимание. В этом случае оценочный предикат может находиться как в самой прямой речи, так и после неё – в авторском изложении, передающем оценку прозвучавшего: *“Пропадают шишаки с чугунных оград на Металлургов, Строителей”*, – подмечает Николай Алексеевич. *И это правда. Нет уже трех вазонов слева от входа в Сад металлургов* (ПФ; В. Немиров, 16.09.2010); *Светлана, пенсионерка: – Зиму нынче обещают суровую, это правда. Но претензий к коммунальным службам у меня нет* (ПФ; С. Смолякова, 04.09.2012).

В-четвёртых, отметим случаи возрастания регулятивной силы конструкции, в которой усиление акцента, переданного оценочным предикатом, создаётся с помощью субъективации изложения и включения экспрессивных средств. Субъективация изложения и включение экспрессивных средств в большей степени характерны для передачи «правды факта», но используются также и в контекстах «правды мысли». Отметим роль вводных и вставных конструкций: *В нем разве только не упоминается, что Джефферсон и Вашингтон были крупными плантаторами-рабовладельцами (что, кстати, тоже чистая правда)* (ПФ; А. Денисов, 10.11.2012); *Светлана Ивановна вообще много беседует с Сашей об Отечественной войне, о подвигах советского народа, о прадеде... “А на чем и ком еще можно воспитывать сегодня?” – говорит она. И это, к сожалению, правда: современная российская жизнь, увы, дает мало примеров для подражания* (ПМ; Г. Соколухин, 05.06.2010). Встречаются даже комиссивы: [Характеристика умного и грамотного боя] *Это правда. Можно подписаться под сказанным* (ПМ; Немироff, 18.04.2013). Но особенно характерен такой способ смыслового развёртывания, при котором истинность информации о референте представлена как удивляющая адресанта, неожиданная для него, благодаря чему референт хорошо фокусируется: *В субботу под мостом через Абушку на Металлургов резво копошились... утки. Сам глазам не поверил, но это правда. Чего они, родимые, пожаловали в такую рань, сказать трудно. Может, мамашка, коротавшая здесь тяжкие сибирские зимы, привела своих детей на, как говорят, малую родину* (ПФ; В. Немиров, 10.08.2012); *Мало кто помнит, что площадку перед кинотеатром “Октябрь” в свое время украшали два небольших круглых фонтана, окруженных цветниками. Сегодня, когда она превращена в стоянку автомобилей, в это трудно поверить, но это правда. Там, где нынче стоят афиши фильмов, располагались скамейки. Народ коротал время в ожидании сеанса, лакомясь мороженым и любуясь струями воды. Через дорогу, где сегодня находится администрация Центрального района, заседал горсовет* (ПФ; С. Михайлов, 16.04.2011). Субъективация изложения является характерной чертой идиостилия известного журналиста «Кузнецкого рабочего» В.А. Немирова, который также использует различные псевдонимы (в приведённом материале – Савва Михайлов, Глеб Соколухин, Валерий Немироff, Иван Бодхисатхва, Григорий Саббакин).

Слово *правда* в роли актанта используется во всех контекстах: ПФ, ПМ, ПС. Для него характерно значение объекта, но встречается также и значение субъекта-нейтрала.

1. Слово *правда* в роли субъекта-нейтрала отличается рядом стилистических особенностей.

Во-первых, оно используется для представления значимой с точки зрения автора информации, которая фокусируется благодаря использованной конструкции (преобладают контексты ПМ, привлекающие внимание к содержанию мысли): *Покупатель думает, что это огурец, но у продавца другая правда* (ПМ; М. Таран, 28.06.2013); *Но у их оппонентов тоже своя правда. В России практически не существует безотходных и малоотходных производств, поэтому обычно выбирают компромисс между необходимостью и достаточностью* (ПМ; В. Сенкус, 28.02.2012); *Хотя, может, в этом соединении и есть своя сермяжная правда: свадьбы у нас – настоящие ярмарки тщеславия с лимузинами и прочими признаками жажды всех переплюнуть* (ПМ; Г. Соколухин, 20.10.2011).

В контекстах с противопоставлением *правда* – *ложь* с помощью конструкции, где слово *правда* выступает в роли субъекта-нейтрала, происходит «обнажение» некоторой информации, что характерно для образа размышляющего журналиста и для духа «расследовательской журналистики» (преобладают контексты ПФ): *Признаться, меня эта дешевая доморощенная порнушка ни в чем не убеждает, более того, я думаю, что это – ложь. Правда же в том, что “абсолютная власть разлагает абсолютно”. То есть если бы Берия захотел вести себя, как описывают порнушники, то сделал бы это спокойно, ничего не боясь* (ПМ; С. Михайлов, 24.03.2011); *Лживая пропаганда, что человек, покинувший Россию, предатель, не вытесняла у меня восхищение талантом Мондрус. А правда была такова, что певица, вытесненная со сцены в родной стране, нашла в себе силы преодолеть трудности в чужой стране и заниматься своим любимым делом* (А. Мананников, 26.05.2011); *Правда же в том, что тариф для таких абонентов увеличится на 40 процентов с начала 2013 года* (Ю. Голубева, 31.08.2010).

Во-вторых, отметим, что для контекстов ПМ характерна координация субъекта-нейтрала *правда* с разнообразными по семантике сказуемыми. Это семантика выражения правды: *И вместе с тем даже там, где она, казалось бы, находится в полном умиротворении, невярямую, подспудно звучит правда о зыблемости человеческого счастья, которое, кстати, в ее стихах не какая-то длительная полоса света, а лишь кратковременные сполохи зарниц* (Г. Кузнецов, 27.12.2011). Обратим внимание на контекст, в котором использована стилистически значимая трансформация устойчивого выражения, создающая метонимический контекст: *Что касается личных впечатлений, то отмечу главное: глазами ребят глаголет правда – они искренни, непосредственны, их взгляд свеж и незаёмен, они говорят, что думают. Что же касается мастерства, то оно – дело наживное, надо только вложить в ребят огонь творчества, а самим им работать, работать. Рецепт прост* (С. Михайлов о выставке работ юных фотографов, 11.03.2010). Выражена также семантика восприятия правды, а также способов её получения и распространения в социуме: *Печально, однако, сознавать, что правда “наверху” может быть востребована, обнародована и воспринята “снизу” лишь как элемент кампании по чьей-либо дискредитации* (А. Денисов, 18.09.2010).

Особое место занимают контексты ПС, в которых рассматриваемая конструкция используется редко, но отличается большой семантико-стилистической нагрузкой. В них подчёркивается воплощение правды как акт

высшей справедливости: *Мы сильны мнением наших читателей. Особенно таких специалистов, каким был и, безусловно, является Владимир Михайлович Вальтфогель. И, когда ошибаемся, всегда готовы выслушать поправку. Это дисциплинирует, заставляет тщательнее работать над фактами. Но главное – в таких случаях торжествует правда: ведь однажды оставленная без внимания ошибка начинает тиражироваться, приниматься за истину в первой инстанции. То есть мы в ответе за будущее, в котором наше сегодняшнее может быть искажено. Так нельзя* (С. Михайлов, 13.06.2013). Актуализация создаётся благодаря экспрессивной окраске глагола и использованию конструкции, достаточно редкой для русской речи, по наблюдениям О.Б. Абакумовой: в русских пословицах компонент правда «занимает позицию Актора только в 20 % типовых ситуаций, представленных пословицами. Правда выступает как участник, контролирующий ситуацию, только если говорящий приписывает ей качественные могущества, качественные ценности, отдаёт ей предпочтение по сравнению с ложью (кривдой). В остальных случаях русская правда выступает в макророли Претерпевающего» [9. С. 12].

2. Большим разнообразием отличается употребление слова *правда* в позиции **объекта**, особенно в контекстах ПС.

Во-первых, отметим преобладание контекстов, представляющих различные речеповеденческие акты (см. о них: [2. С. 588–592]): *сказать* (ПФ, ПМ, ПС), *говорить* (ПФ, ПМ, ПС), *писать* (ПМ, ПС), *петь* (ПМ), *ответить* (ПФ), *предъявить* (ПФ). Данные контексты неоднократно использованы при передаче чужой речи: *Мое первое посещение Привоза было сорок лет назад. Тогда, поверьте мне, Привоз был еще времен Бени Крика и Давида Ойстраха. Именно здесь я услышал незабываемый монолог торговки: “Люди! Если вы зададите вопрос, у кого здесь можно купить свежую рыбу, то я отвечу вам **правду**, какой бы горькой она ни была: у меня, и только у меня!* <...>” (ПФ; Б. Кобзарь, 24.12.2011). Речеповеденческие контексты, выражающие оценочную позицию, доминируют при передаче ПС, часто используются при передаче ПМ, встречаются и при передаче ПФ: *Словом, выборы минули, и правительство может предъявить всю нелицеприятную **правду** о действительном положении в Пенфонде <...> (ПФ, ПМ; М. Часовских, 31.07.2012); Враждебность эта состояла в том, что какой-нибудь “Аквариум” или “Урфин Джус” пел не о процветающей родине развитого социализма, а о безобразиях, которые на ней творятся, – пели **правду**, а она была неприятной (ПМ; В. Немиров, 11.02.2010); И вот тут Федор Михайлович [Килин] допустил непростительный промах: он сказал проверяющим **правду**. Сообщил им, при высоких должностях и столь же высоком самомнении, что ни они сами, ни председатель департамента, ни какой другой чиновник не имеют права проверять средства фонда (ПМ; С. Бабинов, 16.04.2012).*

В контекстах ПМ и особенно ПС на первый план выходит не истинностная, а нравственная оценка (см.: [2. С. 591]. Речеповеденческий контекст *скрывать правду* (ПФ, ПМ) квалифицируется отрицательно (именно отрицательная этическая оценка сокрытия правды является основной с точки зрения логического анализа языка Н.Д. Арутюновой [2. С. 591–592]): *Тем более что современные фильмы о войне, в большинстве своем снятые по типу голливудских боевиков, скорее скрывают, нежели открывают **правду** о войне*

(В. Валиулин, 22.04.2010) (использованный глагол-антоним *открывают* выражает план должного). Глагол *скрывать* в представлении ПФ связан с характерной для журналистики манерой интригующего изложения: <...> *астрономы скрывают правду от простых людей* (Л. Ковякина, 31.07.2012). Использование глаголов *вскрывать*, *раскрывать* в контекстах ПФ, ПМ, ПС связано с темой восстановления справедливости: *Городской комитет участников войн и военных конфликтов провел в вузах города несколько конференций, на которых попытался раскрыть ту правду о войне, которая представляется им наиболее истинной. Один из организаторов этих конференций, председатель комитета полковник в отставке Юрий Павлович Алябьев, пришел к краеведам, чтобы рассказать о своем видении ситуации. Юрий Павлович, что называется, без раскачки, по-военному четко и напористо начал “сражение” против молодежного невежества и взрослого затушевывания правды* (В. Валиулин, 26.05.2011). Семантико-стилистическая нагрузка контекстов подчеркнута использованием контрастирующих по семантике слов: *раскрыть – затушёвывание* (затушевать – «перен. Сделать менее заметным, замаскировать» [10. С. 207]). Глаголы *скрывать*, *вскрывать*, *раскрывать* и отглагольное имя существительное *затушёвывание* тесно связаны с эпистемическими контекстами.

Во-вторых, отметим использование эпистемических контекстов (см. о них: [2. С. 597–598]). В рассмотренном материале используются контрастирующие по семантике глаголы *узнать* и *(не) знать* (ПФ, ПМ, ПС). Незнание правды оценивается неодобрительно. В частности, как причина, определяющая невозможность наказать виновных: *Говорят, стоят баки хороших денег. И потому группа нам не товарищей промышляет тем, что быстренько снимает их с площадок дворов и продает, допустим, в частный сектор за полцены. Работы на час, а навар неплохой. Это версия. Правды мы не знаем* (ПФ; В. Немиров, 04.01.2013). Знание правды оценивается как необходимое условие для нравственного суда: *раскрытая информация «касается больше всего тех дел и деяний людей, по которым они судятся»* [2. С. 598]. Например: *Узнав правду, его младший сын Крис (Алексей Савченко), до того момента гордившийся отцом, требует не просто ответа от него – требует, чтобы тот добровольно пошел в тюрьму* (ПФ; Т. Тюрина, 15.10.2011); *Все правильно: тому, кто хотел бы узнать некую правду о гибели группы Дятлова, ходить на фильм “Тайна Перевала Дятлова” не стоит* (ПФ, ПМ; Г. Саббакин, 14.03.2013).

Духу журналистики соответствует особенность эпистемических контекстов со словом *правда*: «...правда в эпистемическом контексте не может относиться к новым данным, она может относиться только к новой для одних, но известной другим (или ранее бывшей известной) информации» [2. С. 598]. Приведём пример с контекстом *возвращение правды* (ПФ), значимым в воплощении темы исторической правды: *Собственно, книга Ростислава как раз возвращению памяти и была посвящена – точнее, возвращению некоей правды, она бывает горькой* (С. Михайлов, 07.05.2011). В подобном контексте употребляется и выражение *находить правду* (ПФ и ПМ): *“Светлана не может быть отличницей, – улыбается моему вопросу о школьном табеле своей воспитанницы Ольга Викторовна, – такие дети ищут и думают, они*

находят сами *суть и правду* (ученица Сидоровской школы по фотографиям восстанавливает историю родного села; Е. Белокурова, 04.08.2012).

В рассмотренном материале среди эпистемических контекстов важную роль играет фразеологизм *смотреть правде в глаза (лицо)*, характерный прежде всего для контекстов ПМ. Журналисты предпочитают побудительное употребление данной конструкции, создающее эффект анонсирования следующей информации. Изложенная информация обозначает определённую проблему: *Давайте посмотрим правде в глаза – канадский хоккей сейчас на первых ролях* (В. Германский, 20.07.2013); *Болельщики покидали стадион разочарованные поражением любимой команды. Но необходимо смотреть правде в лицо: середняк премьер-лиги закономерно обыграл лидера зоны “Восток” второго дивизиона* (Д. Черский, 19.07.2011); *Очнитесь от своих радужных мечтаний и посмотрите правде в глаза. А правда в том, что и существующие сейчас тарифы у вас завышены. Доказательства? Да пожалуйста!* (В. Ёлгин, 03.03.2013); *Короче говоря, в нынешней ситуации – надо смотреть правде в глаза – продолжение МММ-2011 невозможно <..>* (РИА «Новости», 19.06.2012); *Геологи, геофизики, геохимики, гидрогеологи изучают процессы, происходящие в земной коре, в том числе и на шахтных полях. Но где оно сейчас, это изучение? Давайте смотреть правде в глаза: в последние годы практически все работы заморожены, словно наступил ледниковый период* (Д. Николаев, 07.09.2010).

В-третьих, отметим важную семантико-стилистическую роль контекстов ПС, в которых из высказываний, включающих слово *правда* со значением объекта, создаются два ассоциативно-смысловых комплекса: «*Служение правде*» и «*Отступничество от правды*». Под **ассоциативно-смысловым комплексом** (далее – АСК) понимается группа лексических репрезентантов ключевого смысла, имеющего межтекстовый статус.

Большее количество лексических репрезентантов связано с АСК «*Служение правде*». Благодаря данным контекстам человек предстаёт перед нами как правдоискатель, который не только стремится найти правду, но и готов жить по правде, нести её людям, бороться за правду. Например: *И не сможет эта жительница наказать УК, так как она не знает, как это сделать, и по судам ей некогда ходить, правды искать. Поэтому управляющие компании и не боятся ничего* (В. Ёлгин, 17.05.2012); *У нас вообще где-нибудь законы соблюдаются? Какому-нибудь суду можно верить? Где-нибудь можно найти правду? И не ту правду, которая устроила бы власть предержащих, а истину, которая обличала бы виновных в преступлениях и оправдывала невиновных* (читатель, 14.07.2011); *Но потребители у нас любят правду. И если уж они должны платить настоящие деньги за ОДН, так и примеры им нужны реальные...* (Л. Остапенко, 02.11.2012); *Наперекор царящей лжи он [Владимир Высоцкий] нес людям правду и делал это до самого конца* (А. Мананников, 26.07.2012). Наиболее детализирована тема защиты правды. Наряду с глаголами (*добиваться, добиться, отстаивать, погибнуть (за)*) слово *правда* соседствует также с именами существительными (*радетель (за), ревнитель*), в том числе метафорически передающими смысл борьбы: *Труд нелегкий да и не всегда благодарный. Впрочем, наивысшая благодарность для нас – то, что нашу газету читают и ждут, нам верят, к нам обращаются*

за помощью, в нас видят защитников на последнем рубеже правды (А. Ночка, В. Немиров, 12.06.2010). АСК «Служение правде» включает также речеповеденческие и эпистемические контексты, отражающие нравственный аспект выражения и познания правды.

Правда как сакральное начало, дающее силы жить по-человечески, представлена с помощью метафор источник правды (языковая метафора) и глоток правды (индивидуально-авторская метафора): <...> газету “Кузнецкий рабочий”, которая является достопримечательностью и старейшим печатным изданием города, единственным источником правды и справедливости, доводящим до жителей города истину бытия нашего, гнобят (Г. Бор, 08.08.2011); Можно сказать, что сегодня “Кузнецкий рабочий” – свежий глоток правды в душной атмосфере “непрозрачности” жизни нашего города. Солидарен с его истинным пониманием своего гражданского долга перед простыми новокузнецкими (А. Мананников, 16.02.2010). Характерно, что метафоры, в целом достаточно редко используемые в рассмотренном материале, включены именно в контексты читательских размышлений о миссии журналиста в обществе.

АСК «Отступничество от правды» с помощью использованных лексических средств развёртывается в нескольких направлениях: страх перед правдой: *А вообще ситуация, когда власть боится своего народа, боится правды, боится гласности, – постыдна. Люди должны иметь право говорить и слышать друг друга!* (С. Бабинов, 09.07.2011); гонения против правды: *Рекламные агентства по-свойски “справились” с задачей: на плакатах в честь учреждения в 1941 году Кузнецкого района красовался... новенький, как с иголочки, Спасо-Преображенский собор. Более изощрённого издевательства и надругательства над правдой трудно придумать...* (Е. Артюх, И. Басалаева, Е. Макарьева, В. Паничкин, 23.04.2012); равнодушие к законам правды (вероятно, самое страшное состояние): *Верное рядом с неверным при непонимании этого верного приводит слабый ум к неразличению добра и зла, правды и лжи* (А. Сазыкин, 10.03.2012).

Наконец, ещё один способ включения слова *правда* в высказывание – это его **использование в номинативных предложениях**, что соответствует эффекту экспрессивного анонсирования информации, значимого для медиадискурса. В данном случае преобладают контексты ПФ. Например, текст с названием «Голая правда» (номинативное назывное предложение) начинается следующим образом: http://www.kuzrab.ru/images/2012/006_2012/Image003.jpg *Эти трубы стали уже притчей во языцех. Вот в таком ободранном виде они уже который год обогревают воздух в районе школы № 91* (Л. Кулето, 19.01.2012). В данном случае эффект языковой игры создаётся благодаря многозначности эпитета и усиливается с помощью фотографии. Экспрессивное анонсирование значимо и в шутовском контексте о выступлении музыкальной группы: *Однако это лирика, а вот и суровая правда жизни. В открывавших значилась группа “Mercedes”. Говорят, машина такая есть... или группа... или машина... Но, впрочем, неважно. Главное – мальчишки старались. Их знакомым понравилось, а это же главное...* (номинативное указательное предложение; П. Владимиров, 16.09.2010). Интересно, что сам эффект экспрессивного анонсирования информации может стать предметом пародиро-

вания: Любопытно и забавно, что сами создатели некоторых подобных телепроектов позиционируют их не иначе как “программу для семейного просмотра”. Что же в таком случае может увидеть обычная среднестатистическая семья в том же “Чистосердечном признании”? – Шокирующая **правда**. Дело продолжателя Чикатило (номинативное бытийное предложение; Е. Видалов, 04.03.2010).

Таким образом, современный региональный медиадискурс представляет три составляющие концепта: «правда факта», «правда мысли» и «правда совести». Каждая из смысловых составляющих обладает семантико-стилистической спецификой включённости имени концепта в высказывание, при этом дифференцируются следующие случаи употребления имени концепта: 1) предикатное употребление имени концепта, когда слово *правда* становится носителем истинностной оценки логического субъекта или содержания высказывания; 2) употребление слова *правда* в позиции актанта; 3) единичные случаи – употребление слова *правда* в номинативном предложении.

Предикатное употребление слова *правда* характерно для контекстов «правды факта» и «правды мысли» и реализуется в моделях «логический субъект – оценочный предикат», «высказывание – оценка его истинности». Ю.С. Степанов выводит слово *правда* как предикатное, «никакой особой сущности не выражающее, а означающее лишь признак “истинность”, “истинно”» за рамки концепта «Правда – Истина» [3. С. 465]. Однако в медиадискурсе актуализация значений ПФ и ПМ в предикатном употреблении слова *правда* очень важна: связана с образом журналиста (и издания), передающего достоверную информацию, и подчёркивает значимость определённого круга тем.

В семантико-стилистической реализации первой модели значима связь с пейоративными контекстами, в том числе разоблачающего, обвинительного характера. Регулятивная сила модели «логический субъект – оценочный предикат» связана с эффектом фокусирования референта и возрастает при использовании местоимения *всё*. Вторая модель является наиболее распространённой и отражает диалогичность газетно-публицистического текста: автор, выражая истинностную оценку, не только расставляет логико-смысловые акценты, но и подчёркивает искренность общения. Модель «высказывание – оценка его истинности» играет важную роль в формировании текстовой когезии. В этом плане особенно значимы конструкции с анафорической связью, в которых в роли антецедента выступает высказывание, передающее факт или мысль. Использование модели «высказывание – оценка его истинности» при передаче чужой речи позволяет журналисту создать образ носителя определённой точки зрения, к которой и привлекается внимание. Регулятивная сила рассматриваемой модели возрастает благодаря субъективации изложения и включению экспрессивных средств, что в конечном итоге служит для фокусирования референта.

Слово *правда* в роли актанта используется во всех трёх рассматриваемых типах контекстов: реже в роли субъекта-нейтрала, в преобладающем большинстве случаев – в роли объекта. Подлежащее, выраженное именем существительным *правда*, помогает авторам фокусировать информацию, представлять её как значимую (в данном случае преобладают контексты ПМ, привлекающие внимание к содержанию мысли). В контекстах ПФ чаще, чем в кон-

текстах ПМ, с помощью конструкции, где слово *правда* выступает в роли субъекта-нейтрала, происходит «обнажение» некоторой информации, что характерно для духа «расследовательской журналистики». Для контекстов ПМ характерна координация субъекта-нейтрала *правда* с разнообразными по семантике сказуемыми (выражения и восприятия правды, способов её получения и распространения в социуме). Особое место занимают контексты ПС, в которых рассматриваемая конструкция используется редко, но отличается большой семантико-стилистической нагрузкой: подчёркивается воплощение правды как акт высшей справедливости (*правда торжествует*).

Большим разнообразием отличается употребление слова *правда* в позиции объекта, особенно в контекстах ПС. Отметим преобладание контекстов, представляющих различные речеповеденческие акты: *сказать* (ПФ, ПМ, ПС), *говорить* (ПФ, ПМ, ПС), *писать* (ПМ, ПС), *петь* (ПМ), *ответить* (ПФ), *предъявить* (ПФ). Данные контексты неоднократно используются при передаче чужой речи. Речеповеденческие контексты, выражающие оценочную позицию, доминируют при передаче ПС, часто используются при передаче ПМ, встречаются и при передаче ПФ. В контекстах ПМ и особенно ПС на первый план выходит не истинностная, а нравственная оценка. Речеповеденческие контексты *скрывать правду* (ПФ, ПМ), *затушёвывание правды* (ПС) квалифицируются отрицательно. Им противопоставляются контексты с глаголами *вскрывать*, *раскрывать* (ПФ, ПМ, ПС). В эпистемических контекстах используются контрастирующие по семантике глаголы *узнать* и *(не) знать* (ПФ, ПМ, ПС). Незнание правды оценивается неодобрительно, знание правды, напротив, – как необходимое условие для нравственного суда. В рассмотренном материале среди эпистемических контекстов важную роль играет фразеологизм *смотреть правде в глаза (лицо)*, характерный прежде всего для контекстов ПМ. Журналисты предпочитают побудительное употребление данной конструкции, создающее эффект анонсирования следующей информации, при этом изложенная информация обозначает определённую проблему. Отметим важную семантико-стилистическую роль контекстов ПС, в которых из высказываний, включающих слово *правда* со значением объекта, создаются два ассоциативно-смысловых комплекса: «*Служение правде*» и «*Отступничество от правды*». Большее количество лексических репрезентантов входит в АСК «*Служение правде*». Благодаря данным контекстам человек предстаёт перед нами как правдоискатель, который не только стремится найти правду, но и готов жить по правде, нести её людям, защищать правду, бороться за неё. Наиболее детализирована тема защиты правды. АСК «*Отступничество от правды*» с помощью использованных лексических средств развёртывается в нескольких направлениях: страх перед правдой, гонения на правду, равнодушие к ней (последнее представляется самым страшным для человека).

Использование слова *правда* в роли главного члена номинативных предложений создаёт в газетных материалах эффект экспрессивного анонсирования информации.

Каждой смысловой составляющей концепта «правда» в газетной публицистике соответствует система стилистических особенностей включения имени концепта в высказывание. Духовное богатство концепта «правда», су-

для по результатам предпринятого анализа, связано прежде всего со значением «правда совести».

Литература

1. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
4. Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М., 2005. С. 467–499.
5. Лишаев С.А. «Правда» и «Истина» (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии) // Вестн. Самар. гуманит. акад. Сер. Философия. Филология. 2006. № 1 (4). С. 173–209.
6. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
7. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под общ. ред. Г.А. Золотовой. М.: Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 2004. 544 с.
8. Шатуновский И.Б. «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия / несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 31–38.
9. Абакумова О.Б. Проблемы референции и инференции пословиц и референциально-ролевая грамматика // Язык и культура. 2011. № 3. С. 5–14.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 10-е изд., стер. М.: Сов. энцикл., 1973. 846 с.

CONTEXTS WITH THE WORD *TRUTH* IN MODERN MEDIA DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF THE CITY NEWSPAPER *KUZNETSKY RABOCHY*).

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 72–84. DOI 10.17223/19986645/28/7
 Pushkareva Irina A., Kuzbass State Pedagogical Academy (Novokuznetsk, Russian Federation).
 E-mail: pia11@yandex.ru

Keywords: media discourse, newspaper and journalistic text, city newspaper, concept, semantic and stylistic features.

Modern regional media discourse offers three components of the concept: "truth of fact", "truth of thought" and "truth of conscience". Each semantic component has its semantic and stylistic specificity of having the concept's name in a statement, the usages of the concept are differentiated: 1) predicative usage of the concept's name, when the word *truth* becomes the bearer of the logical subject's true evaluation or of statement's substance; 2) usage of the word *truth* in the actant position; 3) solitary cases of usage of the word *truth* in a nominative sentence.

Predicative usage of the word *truth* is typical for contexts "truth of fact" and "truth of thought" and is realized in the models "logical subject – evaluative predicate", "statement – its true evaluation". In the semantic and stylistic realization of the first model the connection with pejorative contexts is especially important (including contexts with accusatory, revealing character). The regulative force of the model "logical subject – evaluative predicate" is connected with the effect of the referent's focusing; it increases when the pronoun *everything* is used. The second model is the most popular; it reflects the dialogism of the newspaper journalistic text: while expressing true evaluation the author does not only arrange semantic accents, but also underlines the sincerity of communication. The model "statement – its true evaluation" plays an important part in forming text cohesion. Constructions using connections with anaphoras are especially important in this case; statements telling a fact or a thought become the antecedent in them.

The word *truth* is used in the role of the actant in all these types of contexts: more rarely in the role of subject-neutral, in most cases – in the role of the object. Usage of the word *truth* as the object is very diverse, especially in the contexts of "truth of conscience". The contexts of "truth of thought" and "truth of conscience" in particular do not actualize the true, but the moral evaluation. Not knowing the

truth is estimated disapprovingly, while knowing it is a necessary condition for a moral judgment. The cliché *smotret' pravde v glaza (litso)* (to face the truth), which is most typical for the contexts of "truth of thought", plays the most important role among epistemic contexts. It is necessary to note the key semantic and stylistic role of the contexts of "truth of thought", in which statements including the word *truth* with the meaning of the object create two associative and semantic complexes: "*Service to the truth*" and "*Falling away from the truth*".

The usage of the word *truth* in the role of the principal part of nominative sentences creates an effect of expressive announcement of information in newspaper materials.

The system of stylistic features of including the concept's name in statements corresponds with every semantic component of the word *truth* in newspaper texts. The spiritual wealth of the concept "truth" by the results of the analysis is connected with the meaning "truth of conscience".

References

1. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. *Novyy chastotnyy slovar' russkoy leksiki* [A new frequency dictionary of the Russian vocabulary]. Available at: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.
2. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p.
3. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: A Dictionary of Russian culture]. Moscow, 2004. 992 p.
4. Wierzbicka A. [Russian cultural scripts and their reflection in language]. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: Sb. st.* [Key ideas of the Russian linguistic model of the world. Collected papers]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005, pp. 467–499. (In Russian).
5. Lishaev S.A. "Pravda" i "Istina" (yazykovaya kontseptualizatsiya mira i tematicheskoye svoyeobrazie russkoy filosofii) ["A truth" and "the Truth" (language conceptualization of the world and thematic originality of Russian Philosophy)]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya "Filosofiya. Filologiya"*, 2006, no. 1 (4), pp. 173–209.
6. Mustayoki A. *Teoriya funktsional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam* [Theory of functional syntax: from semantic structures to linguistic means]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2006. 512 p.
7. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [The communicative grammar of Russian]. Moscow, Institut russkogo yazyka RAN im. V.V. Vinogradova Publ., 2004. 544 p.
8. Shatunovskiy I.B. "Pravda", "istina", "iskrennost'", "pravil'nost'" i "lozh'" kak pokazateli sootvetstviya / nesootvetstviya soderzhaniya predlozheniya mysli i deystvitel'nosti ["A truth", "the Truth", "sincerity", "correctness" and "false" as indicators of compliance / non-compliance of the content of the sentence with the thought and the reality]. In: *Logicheskyy analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of language. Cultural concepts]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 31–38.
9. Abakumova O.B. Problems of reference and inference of proverbs and role and reference grammar. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2011, no. 3, pp. 5–14. (In Russian)
10. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Sov. Entsiklopediya Publ., 1973. 846 p.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111. "19"

DOI 10.17223/19986645/28/8

О.М. Валова

«СВЯТАЯ БЛУДНИЦА» ОСКАРА УАЙЛЬДА: ПУТЬ К ВЕРЕ

В статье анализируется «Святая блудница, или Женщина, осыпанная драгоценностями» – малоизученный драматический текст Оскара Уайльда, дошедший до наших дней в отрывках. В этом произведении автор обращается к теме веры, интересовавшей его с юности. Пьеса изучается в контексте всего творчества писателя, прежде всего в одном ряду с «Саломеей». В своих символистских трагедиях писатель дает понять, что прагматичное отношение к вере, ориентация на материалистические ценности сопоставимы с язычеством, и в целом они оцениваются драматургом как признак деградации современного общества.

Ключевые слова: «Святая блудница, или Женщина, осыпанная драгоценностями», «Саломея», философия нереального, стоики, апостол Павел.

До наших дней дошел только небольшой фрагмент рукописи трагедии Оскара Уайльда «Святая блудница, или Женщина, осыпанная драгоценностями»; авторский экземпляр текста был утерян, и если «Флорентийскую трагедию», которая также сохранилась не полностью, пытались восстанавливать, то в случае со «Святой блудницей» это было невозможно: слишком велики были потери. Точных сведений о времени работы над произведением нет, А. Берд называет 1894 г., Р. Эллман уточняет, что большая часть «Святой блудницы» и «Флорентийская трагедия» были написаны, когда Альфред Дуглас на три месяца уехал в Египет¹. Это период, когда драматургу приходится нелегко, на непростые отношения с женой накладываются еще более сложные проблемы с Дугласом; близится процесс с маркизом Куинсбери. И в то же время необыкновенный взлет популярности, Уайльд становится первым драматургом в стране, которая вскоре уничтожит своего недавнего кумира.

«Святая блудница» является малоизученной и за рубежом, и в России прежде всего потому, что цельная картина текста отсутствует². Несмотря на то, что объем «Святой блудницы» едва превышает пять страниц, в отрывках, созданных в самый продуктивный и драматический период жизни писателя, есть богатый материал для изучения уайльдовской философии нереального, его размышлений о Боге и вере, начатых еще в раннем творчестве.

¹ В «Тюремной исповеди» есть строки: «И вместо того, чтобы создавать играющие изумительными красками музыкальные вещи, подобные “Саломее”, “Флорентийской трагедии” и “La Sainte Courtisane”, я был вынужден посылать твоему отцу длиннейшие юридические письма и искать помощи в том, против чего я всегда восставал» [1. Т. 2. С. 449].

² А. Аникст писал, что полный текст трагедии был подарен некоей светской даме и оказался утраченным; авторский же экземпляр пропал вместе с рукописью «Флорентийской трагедии» [2. С. 514].

Два наиболее обсуждаемых в современном обществе вопроса – это политика и религия, говорит Уайльд в рассказе «Преступление лорда Артура Сэвила». И действительно, конец XIX в. отмечен значительными открытиями в области естествознания, развитием транспорта и коммуникаций, совершенствованием сельскохозяйственных и промышленных технологий; в этот период наблюдается значительный рост народного самосознания, на основе рабочих партий появляются партии социалистические, развивается профсоюзное движение, все это вольно или невольно влечет за собой усиление атеистических настроений в обществе. В литературе наряду с реализмом, натурализмом, веризмом появляются направления антиреалистического характера, многие писатели выступают против засилия правдоподобия в художественных текстах, против бездуховности и безверия своих современников.

В кризисные для церкви годы сюжет об отшельнике и его искушениях становится необыкновенно востребованным западноевропейскими авторами: Г. Флобер «Искушение святого Антония» (1872), А. Франс «Таис» (1890), О. Уайльд «Саломея» (1892), «Святая блудница, или Женщина, осыпанная драгоценностями» (1894). В «Святой блуднице» многое напоминает роман А. Франса «Таис», написанный в 1890 г.: в обоих текстах действие разворачивается в начале христианской эпохи, герои – отшельник и куртизанка, а итог их встречи – изменение мировоззрения обоих. Вряд ли, однако, стоит сравнивать эти произведения, как и сравнивать с «Искушением святого Антония» Г. Флобера или с каким бы то ни было другим, поскольку заимствования можно найти практически в любом уайльдовском тексте, но идея, проблематика, решение конфликта интересны непосредственным авторским видением, оригинальной трактовкой¹.

Общая востребованность христианской тематики в конце XIX в. соответствовала личным устремлениям драматурга, из-под его пера одно за другим выходили произведения, в которых он размышляет о душе и вере. Интерес писателя к интерпретации библейских образов проявился в трагедии «Саломея» (1892), эпохе зарождения христианства посвящена «Святая блудница».

Действие трагедии разворачивается в Фиваиде, древней области Египта. Миррина подходит к двум мужчинам с вопросом, где отыскать молодого отшельника, не желающего видеть женщин. Некоторое время герои беседуют о богах, в которых веруют, и о самом отшельнике, затем Миррина встречается с Гонорием и рассказывает, на что готовы ради ее благосклонности любовники. Отшельник пытается наставить Миррину на путь истинный, но «пелена спадает с его глаз», и теперь он мечтает «вкусить семи смертных грехов» [1. Т. 1. С. 340]. Миррина же, напротив, стремится к раскаянию и обретению веры.

Религиозные вопросы с юности волновали и самого Уайльда. Еще в Оксфорде у него появляется желание перейти в католичество, которое привлекало прелестью эстетического начала. «Теперь я завтракаю с отцом Паркинсоном, - писал Уайльд Уильяму Уорду в марте 1877 г., – хожу в церковь св. Алоисиуса, веду душеспасительные религиозные беседы с Данлопом и

¹ Нельзя вместе с тем не вспомнить, что один из авторитетнейших биографов Уайльда Ричард Элман считал «Святую блудницу» попыткой перевести на язык драматургии и, возможно, превзойти «Таис» А. Франса [3. С. 465].

вообще попался в ловушку птицелова, поддался обольщению жены, облаченной в порфиру и багряницу, и, возможно, перейду на каникулах в лоно Римско-католической церкви. <...> Если бы я мог надеяться, что католическая вера пробудит во мне некоторую серьезность и чистоту, я перешел бы в нее хотя бы ради удовольствия, даже не имея на то более веских причин». Далее в письме есть строки, которые прямо говорят, что именно привлекательно для будущего писателя: «Растрогайся, – обращается он к другу, – восхитись им [Римом], почувствуй громадное очарование церкви, ее высшую красоту, одухотворенность <...>» [4. С. 33]. Но все более пристальные взгляды Уайльда в сторону католичества оказались небезобидны: после смерти одного из своих сводных братьев Генри Уилсона 8000 фунтов было завещано на нужды клиники Уильяма Уайльда, отца писателя, 2000 фунтов родному брату Уайльда и 100 фунтов ему самому при условии, что он останется протестантом. Кроме того, даже доля собственности, которая по закону должна была перейти Уайльду после смерти брата, ему не достанется, если в ближайшие пять лет он станет католиком. «Он, – писал Уайльд о Генри Уилсоне, – был фанатично нетерпим к католикам и, видя, что я “на грани”, вычеркнул меня из завещания. Для меня это ужасное разочарование; как видишь, мое пристрастие к католицизму больно ударило меня по карману и обрекло на моральные страдания» [4. С. 36–37]. В письме Уайльд поражается прежде всего протестантским предубеждениям Уилсона.

Фанатизм и рассудочность людей разных вероисповеданий Уайльд будет осуждать во всех своих произведениях, и всегда будет преклоняться перед красотой и одухотворенностью истинной веры. «Что до церкви, – напишет Уайльд в «Упадке лжи», – по-моему, для любой культуры решительно необходимо, чтобы среди прихожан нашлись в достаточном числе люди, чей долг верить сверхъестественному, каждодневно творить чудеса, сохранять живой ту мифопоэтическую способность, которая крайне важна для воображения. А в нашей церкви человек ценится не по умению верить, но по умению не верить. <...> Как грустно, что в английской церкви все более ценим здравый смысл. Вот унижительная уступка реализму в низших его формах» [1. Т. 2. С. 242].

Уайльд говорил, что интеллектуальной основой его эстетики является философия нереального, не объясняя при этом, в чем именно ее суть. Обращение к творческому наследию писателя выявляет прежде всего его внимание к власти иррационального, крайне отрицательное отношение к засилию материализма и утрате духовности в современном обществе, он утверждает реальность воображаемого мира, воспекает безрассудство как возможность совершить верный выбор, не попадая под влияние прагматического расчета. В этом контексте характерными темами творчества становятся темы искусства, судьбы, греха, смерти, веры.

В «Святой блуднице» Уайльд утверждает, что его современники слепы и не видят истины, боятся богов, которые на самом деле мертвы, писатель противопоставляет мирское и божественное, подчеркивая слабость и ничтожность человека перед лицом мира. Страх сковывает жизнь героев, вот первая реплика в пьесе: «Кто это? Я боюсь её», – говорит Первый человек [5. С. 499]. Второй полагает, что женщина, которая направляется к ним, – боги-

ня. Зашоренность восприятия проявляется во всем, оба героя уверены, что боги не должны покидать своих храмов, и планируют встретить женщину молчанием. Мужчины избегают глядеть на Миррину, даже когда она сама заговорила с ними, поскольку считают «неразумным» смотреть на слишком яркие вещи.

Сама Миррина начинает разговор о богах, она интересуется, каковы верования ее собеседников. В их ответе снова видна мысль о страхе, они не называют даже имен своих богов, поскольку «это очень опасно» [5. С. 500]. Здесь же выясняется, что Первый и Второй человек молятся каким-то мумиям, прежде находившимся в могиле. Поклонение идолам прочитывается как поклонение смерти, Уайльд показывает тупиковый путь таких верований.

«Святую блудницу» следует рассматривать в контексте всего творчества писателя, и прежде всего в одном ряду с «Саломеей», так как их объединяет общность затронутых вопросов. В «Саломее» Иродиада, Первый солдат убеждены, что Ирод боится Иоканаана. О беспощадности бога говорят иудеи, они не согласны с греческими философами, что бог в зле и в добре, им ближе представление о том, что бог никого не щадит, он страшен и «дробит слабых и сильных, как дробят в ступе зерно» [5. С. 279]. Тема богов появляется в беседе Каппадокийца, Первого, Второго солдат и Нубийца. Нубиец считает, что боги его страны жестоки и суровы, богов Каппадокии выгнали римляне, а иудеи молятся богу, которого нельзя видеть, что кажется смешным. Именно в этот момент Иоканаан, невидимый сам, говорит о Другом, кто придет за ним, кто сильнее его, тогда расцветет пустыня и слепые прозреют. В пьесе сперва слышится голос Иоканаана, и символично то, что его никто не видит, он заперт в старом водоеме, резонирующий в пустоте звук потрясает.

В этой сцене Уайльд показывает, что верить во что-то нематериальное, неосязаемое обычному человеку трудно. Напомним, что Каппадокийцу представляется смешной вера в то, что нельзя видеть. В критических работах и художественных текстах драматург сам высмеивал свойство человека подтверждать все документально или убеждать логически верными аргументами. Уайльду неинтересен мир, в котором нет истины в безрассудном. О силе прагматизма в конце XIX в. драматург много говорил в трактате «Упадок лжи». Он упрекал современников в «чудовищном преклонении перед фактами» [1. Т. 2. С. 222], в преступной правдивости и плоском материализме обвинял писателей-натуралистов; критиковал «торгашеский дух Америки» [1. Т. 2. С. 231], стремление к извлечению пользы. Пристрастие к рассудочности и логичности лишает веры, что, в свою очередь, приводит к нигилизму, а с ним и к террору. В «Упадке лжи» Уайльд с грустью констатировал, что «в английской церкви все более ценим здравый смысл» [1. Т. 2. С. 242], а в «Саломее» и «Святой блуднице» выделял эту тенденцию, иронизируя над некоторыми героями.

Нечувствительность к «тонкому миру» подчеркивает следующий прием в «Саломее»: ряд персонажей постоянно обращаются к луне, это, например, Ирод, Саломея, Молодой сириец, но есть те, кто луну не замечает, они-то и относятся к богам с практической точки зрения или боятся их. В художественном мире Уайльда луна становится символом власти иррационального, и

тот, кто не замечает эту власть, вредит прежде всего себе, он может думать, что знает жизнь, но его представления оказываются далекими от истины.

По сохранившимся отрывкам «Святой блудницы» мы не можем однозначно судить, почему Миррина стремится встретиться с отшельником. Возможно, ее заинтересовали слухи о его молодости и красоте, или его нежелание видеть женщин, но можно с определенностью утверждать, что вопросы веры волновали героиню еще до встречи с Гонорием. Так, она рассказывает, что не признают богов философы. «Философы с длинными бородами и в темных плащах не признают богов. Они спорят между собой под портиком... смеются над ними» [5. С. 500] (They wrangle with each other in the porticoes [6. С. 746]). Это высказывание Миррины можно рассматривать как прямое указание на стоиков, поскольку само название *стоицизм* школа в античной философии получила от греческого *στοῖα ποικίλη* («расписной портик»), где ее основатель Зенон Китийский вел беседы со своими учениками. О стоиках упоминается и в «Саломее» в словах Тигеллина, который считает их не цивилизованными и склонными к самоубийству¹. На самом деле в произведениях Уайльда довольно много идей, истоки которых можно увидеть в высказываниях, скажем, Сенеки или Эпиктета. В поздних трагедиях видна мысль, что стоики – не сторонники язычества, их мудрость философов подсказывает, что бог – в душе каждого, необходимо прислушиваться к его голосу, чтобы избежать многих житейских бед.

Интерес Миррины к теме бога и веры становится еще более очевидным, когда она упоминает «софиста из Киликии»², который на торговой площади «говорил, будто существует только один Бог. Когда он говорил это, там было много народу» [1. Т. 1. С. 337].

Чтобы определить, кого имела в виду Миррина, обратимся к «расшифровке» ее слов. Киликия – область на юге современной Центральной Турции, древняя область Малой Азии. Главным городом Киликии, центром эллинистической культуры был Тарс. Греческий историк и географ Страбон, живший на рубеже тысячелетий, т.е. как раз в то время, когда разворачиваются события «Святой блудницы», писал: «Жители Тарса с таким рвением занимались не только философией, но и общеобразовательными предметами, что превзошли Афины, Александрию и любое другое место, какое ни назовешь, где существуют школы и обучение философии. Отличие этого города от других в том, что здесь все, кто занимается наукой, местные уроженцы, а чужестранцы неохотно переселяются сюда. И сами местные жители не остаются здесь, а отправляются за границу для усовершенствования; закончив образование, они охотно остаются на чужбине, и только немногие возвращаются домой» [7].

Самым известным уроженцем Тарса был апостол Павел. Павел (Саул, Савл) был воспитан в фарисейской традиции, учился в Иерусалиме и, будучи

¹ «There be some who slay themselves, sire. They are the Stoics. The Stoics are people of no cultivation» [6. С. 728].

² В уайльдовском тексте читаем слова Миррины: «Once as I was passing through the market place I heard a sophist from Gilicia say that there is only one God» [6. С. 746]. В переводе З. Журавской, очевидно, ошибочно сказано о «софисте из Сицилии», как и ниже ошибочно упоминается о сицилийском тетрархе.

преданным консервативному иудаизму, испытывал ненависть к первым христианам. Общеизвестен факт, что в молодости Павел участвовал в арестах христиан, в убийстве диакона Стефана. Однако по пути в Дамаск, куда Павел отправился, чтобы начать преследование членов христианской общины, он услышал голос, укорявший его. Павел принимает крещение и начинает проповедовать, переходя из города в город от Антиохии до Испании. По преданию, Павел был казнен в Риме вместе с апостолом Петром, и последнее, что произносит его отрубленная голова, – имя Иисуса Христа.

Но можно ли назвать Павла софистом? Софисты – это, по сути, первые профессиональные преподаватели красноречия в Древней Греции. Софистика возникает в V–IV вв. до н.э. как учение об ораторском искусстве, о секретах убедительной силы речи, умении вести аргументированный спор. Со временем софисты все большее внимание уделяют не поискам истины, а навыкам и приемам, которые помогают достичь успеха в словесном поединке. Софистов начал критиковать уже Сократ, и тем не менее Уайльд мог назвать апостола Павла софистом, поскольку Павел был ярким представителем греко-римской культуры своего времени, осведомленным в области литературы и философии, в посланиях и речах использовавшим приемы античной риторики.

Чем могла привлечь Уайльда фигура Павла? Несомненная образованность и блестящее владение ораторским искусством не могли не импонировать писателю, который и сам прославился среди современников как непревзойденный рассказчик. Например, в сказках Уайльд показывал, как самые несправедливые слова из уст умелого оратора для кого-то становятся истиной, за которую можно умереть (Мельник и Маленький Ганс).

Конечно, прямых свидетельств того, что Уайльд под «софистом из Киликии» подразумевал именно апостола Павла, нет, но есть косвенные доказательства, которые можно найти в мировоззрении драматурга. Так, Уайльд не уделял внимания преходящему, сиюминутному, и если в его произведениях раскрываются масштабные проблемы взаимовлияния культур, философские вопросы, то и личности, упоминаемые им, не могут быть незначительными.

Пожалуй, самым главным аргументом в пользу того, что в тексте упомянут именно апостол Павел, является интерес Уайльда к фигурам неоднозначным и небезгрешным, а ведь Павел при жизни не знал Иисуса Христа и, главное, в молодости был ярким, злобным противником христиан, поддерживавшим всяческие гонения на них. В художественных текстах Уайльда можно найти героев, которые по-своему проходят путь апостола Павла и, совершив грех в молодости, после искупают его, поднимаясь на новый уровень духовного развития. Это может быть Великан («Великан-эгоист»), Мальчик-звезда из одноименной сказки и даже Роберт Чилтерн, герой комедии «Идеальный муж». Павел, согрешив и пройдя непростые испытания, становится апологетом Христа. Думается, что слова «софиста из Киликии» неспроста отложились в душе Миррины, куртизанки, и после встречи с Гонорием она, как и Павел, нашла своего бога, нашла свою веру, которая обращена не к смерти, но к жизни.

Прежде чем найти отшельника, Миррина довольно долго беседует с Первым и Вторым человеком о самом Гонории. Хотя оба мужчины боятся его, они тем не менее осознают святость и каждый вечер приносят ему еду. Они

также слышат голос, который обращается к отшельнику и называет его Гонорием.

И Гонория, и Иоканаана Уайльд показывает в замкнутом пространстве. Гонорий живет в большой пещере («He dwells in that cavern yonder» [6. С. 745]), и Миррина называет его место жительства странным. («What a curious place to dwell in» [6. С. 745]). Иоканаан («Саломея») заключен в старый водоем («an old cistern»), этой тюрьмой удивлен Каппадокиец: «What a strange prison!» [6. С. 721].

В мифологиях разных народов пещера представляет собой сакральное убежище, укрытие, она противопоставлена свету, открытости, полноте жизни. Поскольку пещера является темным замкнутым пространством, «в ней можно только слушать, но нельзя видеть», здесь «сознание и разум, логика уступают место слуху, осязанию, инстинкту, интуиции, вожделению» [8. С. 311], а в библейской традиции в пещерах скрываются израильтяне, цари, пророки; тут живут и отшельники. «Пещера включается в комплекс жизнь – смерть – плодородие как одновременно место зачатия, рождения и погребения, источник и конец» [8. С. 311]. Некоторые народы избирали пещеру как место упокоения, туда же «может удаляться умирающий и воскресающий бог плодородия, иногда также бог-громовержец» [8. С. 311]. П.А. Гринцер пишет об общепризнанном воздействии содержания мифов об умирающем и воскресающем боге на религиозные представления, ярчайшим примером становится евангельский рассказ о смерти и воскресении Иисуса Христа [9. С. 548]. Важно и местоположение пещеры, в «Саломее» заброшенный водоем («an old cistern») обращен, скорее, к подземному царству, что в мифопоэтической традиции прочитывается как вход в иной мир. Пещера Гонория расположена в египетской пустыне, это уголок долины в Фиваиде, и нельзя определенно сказать, ориентирована она к небу или к безднам земли. Так, уже место обитания героев показывает их отдаленность от обыденного земного существования, причастность к тайнам непостижимого для простого человека мира.

Уайльд рассказывает, что в пещере прежде жил белый единорог, который по пришествии Гонория «пал на колени и поклонился ему» [5. С. 500]. Образ единорога восходит к древнеиндийской традиции и позже появляется в греческой и римской мифологической системах. Символика единорога в христианских текстах связана с чистотой и девственностью, он часто ассоциируется с образами Девы Марии и Иисуса Христа.

Гонорий поселился в пещере, где раньше жил кентавр, который, «испустил пронзительный крик и с плачем и воплями ускакал дальше» [5. С. 500], когда туда пришел отшельник. В «Саломее» Иоканаан восклицает: «Он пришел, господь! Он пришел, сын человеческий. Кентавры скрылись в реках, и сирены покинули реки и скрылись в чаще лесов» [5. С. 269]. Все смешалось, и обитатели суши направились в реки, а жительницы морских островов оказались в лесах. В сказке «Рыбак и его Душа» Душа не может найти вход в сердце Рыбака, так как оно охвачено любовью. Пожалев Душу, вынесшую немало страданий, герой хотел бы ей помочь, но как только он сказал об этом, Дева Морская умерла и тело ее вынесли волны.

Отсутствие Души связывается Уайльдом с языческим, дохристианским миром, писатель наполняет его фольклорно-мифологическими существами, которые в панике исчезают вместе с приходом святого человека, отшельника, пророка, бога. «Святая блудница» Миррина с упоением повествует Гонорию о своей жизни и своих любовниках, она описывает изысканность убранства своего дома, гостей, прогулки, обещает Гонорию неизведанные им прежде наслаждения, но все это она оставляет, чтобы теперь быть с Богом.

Сам Уайльд писал, что в «Святой блуднице» показаны печальные результаты обращения в иную веру, при этом они равно драматичны и для Гонория, и для Миррины, поскольку один из них умрет от голода, другой – от разврата [10. С. 177]. А ведь Гонорий предчувствовал, что зло придет к нему в облике женщины, не напрасно он избегал смотреть на них.

Вера, как неотъемлемая часть духовной жизни, становится частью уайльдовской философии нереального. В своих символистских трагедиях писатель дает понять, что отношение современников к вере сопоставимо с язычеством, что они поклоняются материализму в разных его проявлениях, и это равнозначно поклонению смерти. Элман полагает, что «Святая блудница» противопоставляет две любви, одна из которых «ведет любящих к воссоединению, другая – к взаимной враждебности» [3. С. 465]. Уайльд с осуждением замечал, что в его время фабричные трубы вознеслись выше шпиль старейших аббатств, и это убивает душу, которая одна и может сохранить человека. В трактате «Душа человека при социализме» он писал, что в человеке значимо не то, что он имеет, и даже не то, что делает. Ссылаясь на слова Иисуса, критик утверждает, что человек достигает совершенства «всецело благодаря тому, что носит в себе» [1. Т. 2. С. 352]. В той же работе Уайльд превозносит ценность идеи, ее значимость он видит в созидании: «Прогресс есть претворение Утопий в жизнь» [1. Т. 2. С. 357]. Забыв Христа и поклоняясь мамоне (а именно так Уайльд оценивал современную ситуацию), человечество семимильными шагами движется к своей гибели, в этом смысле его трагедии можно рассматривать как пьесы-предупреждения.

Литература

1. Уайльд О. Избранные произведения: в 2 т. / пер. с англ. М.: Республика, 1993.
2. Аникст А. Примечания // Уайльд О. Избранное. М.: Искусство, 1960. С. 509–514.
3. Элман Р. Оскар Уайльд: Биография / пер. с англ., составление аннотированного именного указателя Л. Мотылева. М.: Независимая газета, 2000. 688 с.
4. Уайльд О. Письма. М.: Аграф, 1997. 416 с.
5. Уайльд О. Пьесы. М.: Искусство, 1960. 516 с.
6. *Collected Works of Oscar Wilde. The Plays, the Poems, the Stories and the Essays including De profundis*. L.: Wordsworth Edition Limited, 1997. 1098 p.
7. Страбон. География [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/strab/14.php
8. Топоров В.Н. Пещера // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 311–312.
9. Гринцер П.А. Умиравший и воскресающий бог // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 547–548.
10. Образцова А.Г. Волшебник или шут?: (Театр Оскара Уайльда). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 358 с.

LA SAINTE COURTISANE BY OSCAR WILDE: THE PATH TO FAITH.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 85–93. DOI 10.17223/19986645/28/8

Valova Olga M., Vyatka State University of Humanities (Kirov, Russian Federation).

E-mail: olymihalna@yandex.ru

Keywords: *La Sainte Courtisane* or *The Woman Covered in Jewels*, *Salome*, philosophy of unreal, Stoics, Apostle Paul.

La Sainte Courtisane or *The Woman Covered in Jewels* is a little-studied dramatic text of Oscar Wilde that has come down only in fragments. The author considers the problem of faith that interested him since his youth.

The play is a typical story of the late 19th century literature that describes a courtesan seducing a hermit. The surviving fragments of *La Sainte Courtisane* do not tell exactly why Myrrhina strives to meet a hermit. Perhaps she was attracted by rumors about his youth and beauty or by his reluctance to see women, however, it can be definitely said that the issues of faith bothered her even before she met Honorius.

Myrrhina's interest to God and faith becomes even more apparent when she mentions a "sophist from Cilicia" who preached on market-place that there exists only one God. Supposedly, a "sophist from Cilicia" in Wilde's play refers to Apostle Paul. There is no direct evidence for it, yet indirect evidence can be found in Wilde's philosophy. Having passed through terrible ordeals, Paul becomes a Christian apologist. The words of the "sophist from Cilicia" seem to sink into Myrrhina's heart. When she meets Honorius, she, like Paul, finds her God, her faith in life, not death.

Honorius lives in a cave. In accordance with the mythopoetic tradition his habitat shows his remoteness from the ordinary earthly life, his involvement in the mysteries of the world incomprehensible for the common man. Honorius lives in the cave once inhabited by the centaur that disappears when he sees the hermit. Similar scenes can be found in Wilde's previous works. Jokanaan's prophecy (*Salome*) states that when the Lord came, centaurs fled in rivers and sirens hid in forests. Wilde believes that there is no soul in a pagan, pre-Christian world inhabited by folklore and mythological creatures disappearing when a holy man comes.

Wilde's works contain a lot of ideas originated from Seneca or Epictetus. The later tragedies say that the Stoic wisdom is that God is in everybody's soul, and one should listen to his voice to avoid many troubles.

La Sainte Courtisane is to be viewed in the context of all works by the writer, and, first of all, together with *Salome*, as they are linked by common themes. Wilde shows that it is hard for a common man to believe in something immaterial, intangible. His symbolist tragedies indicate that the attitude of his contemporaries to faith is comparable to paganism. Forgetting Christ and worshiping mammon (as Wilde assessed the current situation), the humanity is rapidly approaching its death. In this sense his tragedies can be seen as warning plays.

References

1. Uail'd O. *Izbrannye proizvedeniya* [Wilde O. Selected Works]. In 2 vols. Moscow, Respublika Publ., 1993.
2. Anikst A. *Primechaniya* [Notes] in Uail'd O. *Izbrannoye* [Wilde O. Selected Works]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960, pp. 509–514.
3. Ellman R. *Oscar Wilde*. London, Hamish Hamilton, 1987. 412 p. (Russian edition: Ellman R. *Oskar Uail'd: Biografiya*. Moscow, Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta Publ., 2000. 688 p.).
4. Uail'd O. *Pis'ma* [Wilde O. Letters]. Moscow, Agraf Publ., 1997. 416 p.
5. Uail'd O. *P'esy* [Wilde O. Plays]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960. 516 p.
6. *Collected Works of Oscar Wilde. The Plays, the Poems, the Stories and the Essays including De profundis*. London: Wordsworth Edition Limited, 1997. 1098 p.
7. Strabo. *Geografiya* [Geography]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/strab/14.php.
8. Toporov V.N. *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of nations of the world. Encyclopedia]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991, pp. 311–312.
9. Grintser P.A. *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of nations of the world. Encyclopedia]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991, pp. 547–548.
10. Obraztsova A.G. *Volshebnik ili shut? (Teatr Oskara Uail'da)* [Magician or clown? (Oscar Wilde Theatre)]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2001. 358 p.

УДК 821. 181. 1

DOI 10.17223/19986645/28/8

Э.М. Жиликова

РОМАН В. СКОТТА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЙДЖЕЛА» И ПРОЗА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

На основании сравнительно-типологического анализа романа В. Скотта «Приключения Найджела» и двух романов М.Ю. Лермонтова («Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени») в статье исследуется вопрос о восприятии романа В. Скотта Лермонтовым и значении его в становлении и развитии реалистического творчества русского писателя.

Ключевые слова: В. Скотт, «Приключения Найджела», М.Ю. Лермонтов, «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени», историзм, современность, объективность, повествование, психологизм.

Поверьте мне, даже в самых непопулярных произведениях нашей эпохи грядущий век может обнаружить сокровища.

В. Скотт. «Приключения Найджела»

Вопрос о значении В. Скотта в творческом развитии М.Ю. Лермонтова получил освещение в целом ряде исследований [2–6]. Д.П. Якубович в работе «Лермонтов и Вальтер Скотт» (1935) убедительно показал, что поэзия Лермонтова буквально «прошита» мотивами и образами баллад и поэм В. Скотта. По определению исследователя, Лермонтов «учился у В. Скотта поэмному искусству, манере введения героя, искусству диалогических реплик – словом, самой композиции поэмы, в которой повторяются и основные фабульные линии в сложной контаминации их с другими материалами и источниками» [2. С. 250]. На обращение Лермонтова, автора романтической повести «Вадим», к традициям романов В. Скотта указали Б. Томашевский [7], М. Альтшуллер [4] и другие авторы. Начиная с В.Г. Белинского исследователи прозы Лермонтова отмечали «следы длинного общения» писателя с В. Скоттом, проявившиеся в особенностях композиции романа «Герой нашего времени»: «Само обрамление новелл (предисловие издателя, появившееся в 1841 г., представляет собою своеобразную трансформацию Introductions В. Скотта), образ фиктивного издателя повестей, указание на то, что собственные имена переименованы; в руках издателя «осталась еще толстая тетрадь», которую он обещает «когда-нибудь издать» [2. С. 268]. И вместе с тем остается не до конца проясненным аспект, касающийся роли романов шотландского писателя в формировании и развитии реалистической прозы Лермонтова. Чрезвычайно интересное наблюдение о влиянии «Сент-Ронанских вод» на роман «Герой нашего времени» принадлежит М.Г. Альтшуллеру¹, однако в целом

¹ М.Г. Альтшуллер пишет: «Единственный скоттовский мотив в «Герое нашего времени» можно увидеть только при сопоставлении Лермонтова с неисторическим романом В. Скотта «Сен-Ронанские воды». И у Лермонтова, и у Скотта то же «водяное общество», та же дуэль со смертельным исходом, соперничество в любви, некоторое сходство между протагонистами» [4. С. 263].

позиция исследователя характеризуется скептическим заключением о «достаточно слабом влиянии Скотта на прозу Лермонтова» [4. С. 264].

Реальным основанием для постановки вопроса о глубоких связях реалистической лермонтовской прозы с романами В. Скотта служит факт прямого упоминания двух его романов в черновом и окончательном тексте «Героя нашего времени». В ночь перед дуэлью Печорин записывает в дневнике:

«С час я ходил по комнате, потом сел и открыл роман Валтера Скотта, лежавший у меня на столе: то были «Шотландские Пуритане». Я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом. Неужели Шотландскому барду на том свете не платят за каждую отдельную минуту, которую дарит его книга?...» [8. Т. 4. С. 290–291].

В черновом варианте вместо «Шотландских пуритан» был назван другой роман – «Похождения Нигеля» [9].

Уже сам выбор этих двух романов из огромного наследия В. Скотта показателен, если учесть, что Лермонтов хорошо знал творчество шотландца, свободно владея английским языком¹. Важным представляется авторская замена названия одного романа на другой. Факт замены получил различные толкования, связанные в первую очередь с пониманием образа Печорина.

Д.П. Якубович объяснил перемену названий романов опасениями Лермонтова, вызванными явным сходством в использовании писателями психологических деталей при характеристике героев, Найджела и Печорина: «Естественно, Лермонтов должен был вычеркнуть ссылку на этот роман, чтобы не напомнить об основной характеристике глаз собственного героя: «Вопервых, они не смеялись, когда он смеялся. Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей?» [2. С. 270].

Б.М. Эйхенбаум, объясняя замену романов, связал ее с авторским стремлением скрыть от цензуры указание на гражданские настроения Печорина, проявившиеся в его сочувствии герою «Шотландских пуритан» – Генри Мортону, оказавшемуся участником гражданской войны и проявившему твердость характера и гуманность натуры. Б.М. Эйхенбаум цитирует слова Мортон о его общественной позиции («Я буду сопротивляться любой власти на свете, которая тиранически попирает мои записанные в хартии права свободного человека») и делает заключение о том, что «Печорин читает политический роман о народном восстании против деспотической власти и «забывается», воображая себя этим Мртоном» [3. С. 235]. Наблюдения и выводы полностью соответствуют концепции исследователя о Печорине как «глубокой страстной натуре» [3. С. 256].

Характерно, что ни Д.П. Якубович, ни Б.М. Эйхенбаум не придали должного значения роману «Приключения Найджела», первоначально заявленному писателем. Более того, сопоставление Б.М. Эйхенбаумом этих двух валь-

¹ По воспоминаниям людей, знавших Лермонтова в юности, по Московскому университетскому пансиону или юнкерской школе, – А.П. Шан-Гирея, Д.А. Милютина, А.М. Меринского, будущий писатель читал в оригинале Т. Мура, поэтические произведения Байрона, В. Скотта, «зачитывался «переводами исторических романов Вальтера Скотта» [10. С. 81]. Как пишет А.М. Меринский, всякий раз, когда он заходил в дом к Лермонтову, «почти всегда находил его с книгою в руках, и книга эта была – сочинения Байрона и иногда Вальтер Скотт, на английском языке, – Лермонтов знал этот язык» [10. С. 174].

тер-скоттовских романов заканчивается не в пользу второго. «Приключения Найджела», – пишет исследователь, – чисто авантурный роман, рассказывающий об удачах и неудачах шотландца в Лондоне, повествующий об ожесточенной борьбе пуритан – вигов против короля и его прислужников» [3. С. 256] Однако все не так однозначно. Забегая вперед, следует сказать, что следы творческого восприятия Лермонтовым романа «Приключения Найджела», сказавшегося в постановке проблемы героя, в создании историко-бытового колорита, в самом типе повествования, видны не только в «Княгине Лиговской» и «Герое нашего времени», но и в последней повести писателя – в «Штоссе».

*** 1. «КНЯГИНЯ ЛИГОВСКАЯ» (1836).

Роман «Княгиня Лиговская» стоит у истоков реалистической прозы Лермонтова, и изучение его в одном контексте с романом «Приключения Найджела» помогает понять процесс движения писателя к «Герою нашего времени».

Печать чтения Лермонтовым «Приключений Найджела» явно просматривается в романе «Княгиня Лиговская». Это тем более значимо, что именно в «Княгине Лиговской» впервые появляется герой по фамилии Печорин, внешний и духовный облик которого (на страницах «Героя нашего времени») отдельными чертами напомнит вальтер-скоттовского Найджела Гленварлоха.

Говоря о содержании и поэтике «Княгини Лиговской» и причинах незавершенности романа, Б.М. Эйхенбаум указал на ряд важных его особенностей. Во-первых, «Княгиня Лиговская» была задумана как большой (по терминологии Тургенева – скорее всего «сандовский») роман, в котором сложные психологические и нравственные вопросы должны были встретиться с самыми острыми вопросами социальной жизни» [3. С. 236]. Во-вторых, роман «Княгиня Лиговская» писался Лермонтовым в содружестве с С.А. Раевским, что привносило в роман остроту постановки социальных вопросов и усиление сатирического пафоса [11]. В-третьих, в эстетике и поэтике романа просматривается ориентация Лермонтова на Гоголя. К этому следует добавить указание исследователей на близость Лермонтова-романиста в эстетических и художественных поисках к «натуральной» школе [12].

Содержание «Приключений Найджела» (“The fortunes of Nigel”, 1822), двух его Предисловий («Introductory epistle» к изданию 1822 г. и «Introduction to the Fortunes of Nigel» 1831 г.), а также поэтика романа оказались созвучными исканиям Лермонтова.

По всем параметрам «Приключения Найджела» представляют собой тип исторического романа В. Скотта. События происходят в Англии, в Лондоне, в XVII в., в эпоху правления Иакова I. Герой романа – молодой шотландец, лорд Гленварлох, «совращенный с пути истинного аристократическим высокомерием и эгоистической роскошью, более свойственными нашим дням» [1. Т. 13. С. 8]. Фраза об «аристократическом высокомерии и эгоистической роскоши, более свойственных нашим дням», написанная во Введении к роману (1831), – прямое авторское указание на современный дух романа¹. В этом же

¹ На эту важную особенность поэтики романов В. Скотта – сопрягать историческое с современным – указал Ю.В. Манн: «Создавая временную дистанцию, В. Скотт вместе с тем фиксирует момен-

Введении В. Скотт рассуждает о художественном своеобразии своего романа, основанном на принципах романтического историзма. Ставя героя в зависимость от времени и характеризуя эпоху Иакова I, писатель утверждает перво-степенное значение контраста как основополагающего в романтической эстетике:

Леди Мэри Уортли Монтэгу столь же справедливо, сколь тонко заметила, что наиболее романтическая часть страны – это та, где горы сочетаются с долинами и равнинами. Точно так же можно было бы сказать, что наиболее ярким периодом в истории является тот, когда древние грубые и дикие нравы варварской эпохи озаряются первыми лучами просвещения и вновь возрождающихся наук, а также учением обновленной реформацией религии. Резкий контраст, вызванный новым, постепенно подчиняющим их себе, порождает свет и тени, столь необходимые для создания яркого романа [1. Т. 13. С. 9]¹.

Пристальный интерес к переходным, кризисным моментам в развитии истории общества В. Скотт объясняет и оправдывает возможностями писателя увидеть и запечатлеть движение внутренней, душевной жизни человека:

И в то время как таковой период дает автору право вводить в свое сочинение удивительные и неправдоподобные эпизоды, происходящие от необузданности и жестокости, свойственной старым привычкам к насилию, все еще оказывающим влияние на нравы людей, столь недавно вышедших из состояния варварства, с другой стороны, характер и чувства многих героев можно обрисовать с величайшим правдоподобием, с самыми разнообразными оттенками, самыми тонкими штрихами, что свойственно новой, более утонченной эпохе, лишь недавно озарившей мир [1. Т. 13. С. 9–10]².

Таким образом, в рассуждении В. Скотта сошлись романтическое требование необыкновенного («удивительные и неправдоподобные эпизоды») и принципы многостороннего изображения характера, детерминированного временем. Шотландский лорд Гленварлох, приехав в Лондон за получением королевского долга во имя спасения родового имения, оказался во власти двух стихий, свойственных лондонской жизни при Иакове I. Одна стихия – свет, королевский двор с его соблазнами, картами, распутством, честолубием. Другая стихия – лондонское дно, так называемый Эльзас, или Уайтфраерс, – с его бедностью, грабежами, пьянством, картами, убийствами. В рома-

ты общности <...> Достигалось все это с помощью прослаивающих весь текст рассуждений, в которых описываемое возводилось в ранг общечеловеческого и вневременного» [6. С. 200].

¹ Lady Mary Wortley Montague has said, with equal truth and taste, that the most romantic region of every country is that where the mountains unite themselves with the plains or lowlands. For similar reasons, it may be in like manner said, that the most picturesque period of history is that when the ancient rough and wild manners of a barbarous age are just becoming innovated upon, and contrasted, by the illumination of increased or revived learning, and the instructions of renewed or reformed religion. The strong contrast produced by the opposition of ancient manners to those which are gradually subduing them, affords the lights and shadows necessary to give effect to a fictitious narrative <...> [13. С. VI–VII].

² <...> And while such a period entitles the author to introduce incidents of a marvelous and improbable character, as arising out of the turbulent independence and ferocity, belonging to old habits of violence, still influencing the manners of a people who had been so lately in a barbarous state; yet, on the other hand, the characters and sentiments of many of the actors may, with the utmost probability, be described with great variety of shading and delineation, which belongs to the newer and more improved period, of which the world has but lately received the light [13. С. VII].

не В. Скотта Лондон предстал в социальном разрезе верха и низа, равно опасных и угрожающих человеческому достоинству. Характеристика двух контрастных пластов города, его обитателей, сама история пребывания Найджела в светском обществе и вынужденного знакомства с низким бытом Эльзаса не могли не заинтересовать Лермонтова и его соавтора Раевского, выведших на страницах «Княгини Лиговской» героя из светской среды Печорина и обитателя петербургских трущоб чиновника Красинского.

Изображение жизни света и Эльзаса В. Скоттом характеризуется тщательной, многоплановой детализацией и сатирическим освещением. Приемы создания картин Лондона во многом превосходят гоголевскую манеру письма и рисунок «натуральной» школы, что позволяет говорить о возможности формирования лермонтовского стиля при непосредственном влиянии романов В. Скотта.

Так, при описании светской жизни в романах В. Скотта и Лермонтова доминирует тема роскоши. Найджел, имевший «лишь самое смутное представление о великолепии придворной жизни», был поражен «представшей его взору роскошью»:

Пышные залы, через которые они проходили, и торжественный церемониал, сопровождавший их, пока они шли по длинной анфиладе дворцовых покоев, богатая одежда стражников и камердинеров <...> [1. Т. 13. С. 167].

Портрет герцога Бакингема конкретизирует представление о человеке высшего света; введение в характеристику героя культурологических деталей раздвигает сферу индивидуального и включает героя в большой исторический контекст:

Он вошел, этот злосчастный баловень королевской милости, в роскошном живописном одеянии, которое вечно будет жить на полотне Ван-Дейка, характеризуя ту гордую эпоху, когда аристократия, уже клонившаяся к упадку, при помощи показной роскоши и расточительности всё ещё пыталась сохранить свое безграничное господство над низшими сословиями. Красивые, властные черты лица, статная фигура, изящные движения и манеры герцога Бакингема как нельзя более гармонировали с его живописным нарядом [1. Т. 13. С. 184].

В «Княгине Лиговской» описание светского общества, собравшегося в «роскошно убранной комнате, увешанной картинами в огромных золотых рамах», включает в себя упоминание о «темной и старинной живописи», вводящее историко-культурный аспект:

Действующие лица этих картин – одни полунагие, другие живописно завернутые в греческие мантии или одетые в испанские костюмы, в широкополых шляпах с перьями, с прорезными рукавами, пышными манжетами, – брошенные на этот холст рукою художника в самые блестящие минуты их мифологической или феодальной жизни, казалось, строго смотрели на действующих лиц этой комнаты, озаренных сотнею свеч, не помышляющих о будущем, еще менее о прошлом, съехавшихся на пышный обед не столько для того, чтобы насладиться дарами роскоши, но одни, чтобы удовлетворить

тщеславию ума, тщеславию богатства, из приличий, или для каких-либо других сокровенных целей [8. Т. 4. С. 144].

Описывая светское общество, В. Скотт использует прием перечисления в виде цепи афористических по форме и сатирических по содержанию оценок. Подобный способ «нанизывания» сатирических характеристик использует и Лермонтов.

«Приключения Найджела»

<...> ваша светлость в частной жизни вращается в самом лучшем обществе. Так, например, прекрасная графиня Блэкстер, – но мне кажется, она не очень-то часто показывается в свете после истории с его светлостью герцогом Бакингом. И еще добрый старомодный шотландский дворянин лорд Хантинглен, несомненно весьма достойный человек, – жаль только, что он слишком часто подносит к губам свой кубок, иной раз это вредит репутации. А веселый молодой лорд Дэлгарно, скрывающий под длинными выщипанными локонами влюбленного юноши житейскую мудрость убеленного сединами старца [1. Т. 13. С. 263–264]

«Княгиня Лиговская»

В одежде этих людей, так чинно сидевших вокруг длинного стола, уставленного серебром и фарфором, так же как и в их понятиях, были перемешаны все века. В одеждах их встречались глубочайшая древность с самой последней выдумкой парижской модистки, греческие прически, увитые гирляндами из поддельных цветов, готические серьги, еврейские тюрбаны, далее волосы, вздернутые вверх *à la russe, à la moyen âge, à la Titus*, гладкие подбородки <...> [8. Т. 4. С. 144].

Место обитания чиновника Красинского в Петербурге производит на Печорина столь же угнетающее впечатление, как картины лондонского Эльзаса, окрашенные серо-желтым колоритом из-за тумана, поднимающегося от Темзы, угнетают Найджела.

Его кирпичные дома вплотную теснились друг к другу. <...> Дома эти были построены кое-как и являли взору признаки разрушения, хотя и были еще совершенно новыми. Детский плач, брань матерей, жалкое зрелище рваного белья, развешенного в окнах для просушки, – все это свидетельствовало о нужде и лишениях несчастных обитателей Эльзаса; жалобные звуки заглушались буйными криками, руганью, непристойными песнями и громким хохотом, доносившимся из пивных и таверн, число которых, как указывали вывески, равнялось числу всех остальных домов <...> [1. Т. 13. С. 291]¹.

49 номер, и вход со двора! Этих ужасных слов не может понять человек, который не провел по крайней мере половины жизни в отыскании разных чиновников, 49 номер есть число мрачное и таинственное, подобное числу 666 в Апокалипсисе. Вы пробираетесь через узкий и угловатый двор, по глубокому снегу, или по жидкой грязи; высокие пирамиды дров грозят ежеминутно подавить вас своим падением, тяжелый запах, едкий, отвратительный, отравляет ваше дыхание; собаки ворчат при вашем появлении, бледные лица, хранящие на себе ужасные следы нищеты или распутства, выглядывают сквозь узкие окна нижнего этажа [8. Т. 4. С. 153–154].

Нельзя не заметить специфически русских деталей при описании петербургских «углов» («высокие пирамиды дров», «отвратительный запах»), как

¹ «The brick buildings by which it was occupied, crowded closely on each other <...> the houses were generally insufficient, and exhibited the lamentable signs of having become ruinous while they were yet new. The wailing of children, the scolding of their mothers, the miserable exhibition of ragged linens hung from the windows to dry, spoke the wants and distresses of the wretched inhabitants; while the sounds of complaint were mocked and overwhelmed in the riotous shouts, oaths, profane songs, and boisterous laughter, that issued from the alehouses and taverns, which, as the signs indicated, were equal in number to all the other houses <...> [13. С. 226–227].

нельзя не почувствовать общность мрачного колорита картин, нарисованных В. Скоттом и М. Лермонтовым.

При сравнении двух романов обращает на себя внимание близость повествовательной манеры: свободное и прямое обращение к читателю, тон рассуждений, предметом которых является широкий спектр тем из области быта, истории, культуры. В.В. Виноградов, анализируя стиль «Княгини Лиговской» в сравнении с романтической повестью «Вадим», отметил в качестве особенностей, черты, которые соотносятся со стилиевой манерой В. Скотта: «стиль устно-бытового рассказа», «рассказчик непринужденно обращается к своей аудитории» [14. С. 609]. Связывая Лермонтова с гоголевской традицией («гоголевский слог в языке «Княгини Лиговской»», исследователь между тем отмечает, что в стиле романа «гоголевский слог <...> не пестрит очень разными синтаксическими переходами и изломами», «нет той яркой игры лексических и грамматических, главным образом синтаксических, красок, как у Гоголя», «нет комического нагромождения эпитетов и определительных конструкций» [14. С. 610]. Как раз эти особенности характерны для стиля В. Скотта. Сближающей чертой двух писателей можно назвать юмор, пронизывающий текст и переходящий у Лермонтова в иронию¹.

Не выражая симпатии ни «праздному, скандальному и сомнительному» [1. Т. 13. С. 269] свету, ни «логовищу падших, притону нечестивого и безудержного порока и разврата» [1. Т. 13. С. 278] – Эльзасу, В. Скотт противопоставляет им ценности, основанные на чувстве любви к родине и уважении человеческого достоинства. Область идеального связана с Шотландией, которая выступает в сознании героев как гарант справедливости. Устами старого лорда Хантингена, живущего при дворе Иакова I, но тоскующего по родине, нарисована утопическая картина счастья – безмятежной сельской жизни в Шотландии: «<...> Я был бы счастлив, если бы мои старые дубравы в Дэлгарно вновь огласились криками охотников, звуками рога и лаем гончих, а каменные своды замка эхом откликались бы на веселый смех моих вассалов и арендаторов, осушающих одну чарку за другой. Я хотел бы перед смертью еще раз увидеть широкий Тэй; для меня даже Темза не может с ним сравниться» [1. Т. 13. С. 190]. Старый лорд дает совет Найджелу, который представляет собой программу достойного поведения человека: «Мой юный друг, когда вы вступите во владение своим наследством <...> я думаю, что вы не увеличите число праздных придворных, а будете жить в своем родовом поместье, заботиться о старых арендаторах, помогать бедным родичам, защи-

¹ Нельзя не привести отрывка из романа В. Скотта о вывеске и обстановке в доме горожанина Бенджамина Садлчоба, предвосхищающего по времени гоголевский стиль: «Над его цирюльней на Флит-стрит выступала длинная загадочная вывеска, размазанная цветными полосами, которые должны были изображать ленты, украшавшие эту эмблему в прошлые времена. У окна красовались зубы, нанизанные рядами на нити словно четки, а также чаши с красным лоскутом на дне, напоминавшим кровь, в знак того, что клиентам здесь вкупе с ценными наставлениями отворяют кровь, ставят банки и прикладывают шпанские мушки. Между тем о более доходных, но менее благородных манипуляциях над головой и бородой упоминалось коротко и деловито. В цирюльне стоял протертый кожаный стул для посетителей и висела гитара, по-тогдашнему кифара, или цитра, которой мог развлекаться клиент, покада Бенджамин трудился над его предшественником, и которая поэтому зачастую в переносном смысле терзала уши клиентов, в то время как бритва терзала их подбородки в буквальном. Словом, все в этом заведении говорило о том, что его двуликий хозяин с одинаковым успехом исполняет обязанности и хирурга и брадобрея» [1. Т. 13. С. 344–345].

шать бедняков от притеснения управляющих и делать то, что делали наши отцы <...>» [1. Т. 13. С. 190]. Эта «программа» поведения не могла не найти отклика у русских писателей, настроенных на улучшение социального климата в обществе за счет гуманизации дворянства в их отношении к народу. Лермонтову и Св. Раевскому был близок демократизм В. Скотта: среди всех героев романа особой симпатией и теплотой авторского отношения отмечены герои из обыкновенной среды. Это дочь часовщика Маргарет и слуга Найджела Ричи Мониплайз, верный «оруженосец», бескомпромиссный судья своего хозяина. Именно Ричи преподает урок Найджелу Олифанту, говоря, что «его светлость сбилась с пути и ведет такой образ жизни, который Ричи не может ни одобрять, ни поощрять своим присутствием» [1. Т. 13. С. 248].

Обращает на себя внимание и своеобразное соотношение типов романских героев Лермонтова и В. Скотта – Печорина и Найджела Олифанта Гленварлоха. Нет причины преувеличивать влияние В. Скотта на Лермонтова. И тем не менее необходимо указать на типологические схождения: оба героя – из среды обыкновенного (русского и шотландского) дворянства; оба не похожи на типичных романтиков – страдающих рефлектеров; оба натуры молодые и деятельные, проходят путь заблуждений – и Найджел выходит из этого порочного круга, Печорин же... роман не был завершен.

Таким образом, особенности романа В. Скотта «Приключения Найджела», а именно, эстетика, основанная на историческом методе, созданная романистом картина Англии, пронизанная атмосферой внутренней неустойчивости и пороков, контрасты лондонского общества, демократические симпатии В. Скотта, живописно-аналитический тип нарратива, постановка проблемы героя как сильной личности, оказавшейся в драматической ситуации, – всё это получает отзвук в романе «Княгиня Лиговская», работа над которым была оборвана. Но роман В. Скотта не был забыт и уроки его не прошли даром.

***2. «ДУМА» (1838).

Вновь к «Приключениям Найджела» Лермонтов обратится в романе «Герой нашего времени». Между ним и «Княгиней Лиговской» присутствует лирико-философское по содержанию звено – элегия «Дума», которая мотивами и образами оказалась созвучной роману В. Скотта.

Роман «Приключения Найджела» в 1831 г., спустя 9 лет после первой публикации, был переиздан с дополнительным «Введением» («Introduction to the Fortunes of Nigel»). Это Введение обнаруживает новый уровень авторского осмысления содержания романа и исторической и философской позиции. В Скотт увеличивает и углубляет масштаб исторического обобщения, ставит проблему смены поколений и придает ей значимость исторического закона. Характеризуя нравы при дворе Иакова I и ссылаясь на авторитетные источники, В. Скотт проецирует описание «грубой чувственности», «неприкрытого жестокого эгоизма» молодых сыновей в отношении к своим отцам на другие эпохи:

<...> Престарелые джентельмены, оставившие своим сыновьям в наследство все имущество, как движимое, так и недвижимое, в хорошем состоянии (что позволило им жить на широкую ногу), еще при жизни были свидетелями того, как наследники их проматывали большую часть состояния в кутежах,

что давало мало надежды на сохранение остальной его части <...>. Кавалеры и джентельмены разного рода, промотавшие свое состояние то ли из-за гордости, то ли из-за расточительности, переезжали в города и, ведя распущенную жизнь, губили также свою добродетель <...>. Главным героем был весельчак и остряк, молодой наследник, совершенно изменивший порядки в унаследованном от отца имении и, говоря словами старой поговорки, подобный фонтану, который в грозной расточительности расплескивает богатство, заботливо собранное его родителями в скрытых от глаз хранилищах» [1. Т. 13. С. 11–12]¹.

Описание завершается выводом писателя о духовном самоистреблении промотавшегося поколения:

Страх перед пороховыми бочками покинул наши души, и мы ведем себя так, как будто каждый человек по наущению дьявола задумал взорвать себя, предаваясь дикому разгулу, излишества, праздности и неумеренным возлияниям [1. Т. 13. С. 13].

Содержание Введения с его масштабом исторического обобщения, энергией гневного обличения, афористичностью публицистических формулировок, актуализацией мотива «поколений», в частности «промотавшегося поколения», было созвучно настроению Лермонтова, выразившемуся в стихах «Думы»:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем, без шума и следа.
Не бросивши векам ни мысли плодотворной,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом [8. Т. 1. С. 401]².

Важно и другое. Авторская позиция в «Приключениях Найджела» не ограничивалась критикой. Сущность оптимистической концепции истории В. Скотта сказалась в том, что «духу всеобщей расточительности», который, «казалось, царил во всем королевстве», писатель противопоставляет «нарождавшуюся», «совсем другую породу людей» - «степенных, с решительным характером, которые впоследствии проявили себя во время гражданских войн и оказывали столь мощное влияние на характер всей английской нации» [1. Т. 13. С. 12]. К этой породе людей относится и герой романа – Найджел Оли-

¹ “<...> Ancient gentlemen, who had left their inheritance whole and well furnished with goods and chattels (having thereupon kept good houses) unto their sons, lived to see part consumed in riot and excess, and the rest possibility to be utterly lost. <...> And of all sorts, such knights and gentleman, as either through pride or prodigality had consumed their substance, repairing to the city, and to the intent to consume their virtue also, lived dissolute lives. <...> The principal character for gaiety and wit is a young heir, who has totally altered the establishment of the father to whom he has succeeded, and to use the old simile, who resembles a fountain, which plays off in idleness and extravagance the wealth which its careful parents painfully had assembled in hidden reservoirs” [13. С. VIII–IX].

² А.И. Журавлева, исследуя жанровое своеобразие лермонтовской «Думы» как «сложного синтеза элегии, ямбической оды и философского монолога», отметила, что «философско-политическая элегия» Лермонтова получает новое качество за счет того, что в «Думе» «представлена драма поколений и судьба современника рассмотрена как явление истории, как звено в цепи исторического развития» [15. С. 81].

фант Гленварлох. В финале романа, защитив свою честь, в награду он сохраняет славное имя рода и получает в жены отважную Маргарет, дочку часовщика Дэвида Рэмзи.

Историко-философская концепция Лермонтова, автора «Думы», получит позитивное развитие в «Герое нашего времени». Залогом тому служит тот факт, что лирический герой стихотворения «не только разделяет вину и страдания своего поколения, не только судит его, но и размышляет о причинах трагедии» [15. С. 81].

***3. «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ».

В романе «Приключения Найджела», рассказывая историю героя, оказывавшегося постоянно в ситуации обстоятельств, грозивших ему утратой нравственности, В. Скотт сосредоточил внимание на преодолении героем соблазнов – роскоши, игры, разгула. Для Лермонтова, устремленного к созданию духовного портрета поколения, исполненного неразрешимых противоречий, казалось бы, романная линия В. Скотта была не столь актуальной, даже отодвинутой традициями европейского романа с его французской и немецкой линией исповедей больных сынов века. В первую очередь – А. Констана, Мюссе, Бальзака, Гёте, Байрона, наконец, Пушкина. В ряду этих европейских и русских имен, действительно, В. Скотт занимает особое место.

Традиционно романы В. Скотта относят к жанру исторических романов и исследуют вопрос о его влиянии, как правило, на материале исторической прозы. Однако В. Скотт, наряду с современными ему писателями, озабочен проблемой героя времени, но решает ее по-своему. Концепция современности в романах В. Скотта состояла не в стремлении создать аллюзию с современностью, современным был сам метод осмысления героя в общественно-историческом контексте: на любом материале стран и времён психологическое изображение духовного мира героя становилось способом описания самого времени и одновременно выражением закономерностей общечеловеческой жизни. Принципиальное различие В. Скотта и европейских романистов определялось содержанием концепции исторического развития. Пессимизм, разочарование в ходе исторического движения в постнаполеоновскую эпоху питали рефлексии европейских (например, французских) романистов и диктовали рефлексивно-исповедальную манеру письма, тогда как исторический оптимизм В. Скотта определял тип деятельного героя и сюжет действия, который не исключал драматизма ситуаций и переживаний персонажей.

Внутренняя противоречивость и сложность героя в «Приключениях Найджела» рассматривается на реальном материале и возводится в свойства духовного мира целого поколения, что для Лермонтова было важным.

Другим обстоятельством, привлекавшим Лермонтова к В. Скотту, была позитивная нравственная природа его героя. Как пишет В. Скотт, Найджел «унаследовал от своего покойного отца религию, основанную на незыблемых принципах веры его народа, а в вопросах морали руководствовался правилами безукоризненной честности» [1. Т. 13. С. 72].

Судя по фактам очевидной переклички в описании Найджела и Печорина (о которых речь пойдет ниже), Лермонтова интересовали разработки В. Скот-

та в области психологического анализа. На сходство в портретном рисунке героев указывали Д.П. Якубович и Б.М. Эйхенбаум. Действительно, сравнение текстов говорят об исключительно внимательном чтении Лермонтовым романа В. Скотта.

На следующее утро Найджел Олифант, молодой лорд Гленварлох, *печальный и одинокий*, сидел в своей маленькой комнатке в доме судового поставщика [1. Т. 13. С. 70]¹.

Мисс Нелли видела также, что ее жилец был *печален*, несмотря на его старания казаться *веселым* [1. Т. 13. С. 72]².

«Значит, он действительно несчастен? – сказала Маргарет. – Я так и знала... Я догадывалась. Его голос звучал *печально* даже тогда, когда он рассказывал *веселые* истории; его *грустная* улыбка говорила о страдании <...>» [1. Т. 13. С. 161–162]³.

Об глазах я должен сказать ещё несколько слов. Во-первых, они *не смеялись*, когда он *смеялся*! Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей? Это признак или злого нрава, или глубокой постоянной грусти [8. Т. 4. С. 220].

Найденный В. Скоттом способ «намекнуть» на душевное состояние героя получил в романе Лермонтова развернутую психологическую характеристику.

Другой эпизод, указывающий на внимание Лермонтова к роману В. Скотта, связан с монологами героев. Монолог как форма исповедальной самохарактеристики не частое явление в романах В. Скотта, но писатель прибегает к нему, обосновывая необходимость его использования для более «краткой и живой передачи чувств»:

Я сам возымел желание представить дражайшему читателю состояние духа моего героя, его размышления и намерения в виде прямой речи, а не авторского повествования. <...> Ибо монолог есть самый естественный и, пожалуй, в то же время единственный способ передать зрителю то, что, по нашим предположениям, совершается в душе театрального персонажа. В повествовании, – пишет В. Скотт, – писатель имеет возможность сказать, что его персонажи думают так-то и так-то, подразумевают то-то и то-то и приходят к такому-то и такому-то выводу: зато монолог – более краткий и живой вид передачи тех же сведений <...> [1. Т. 13. С. 369–370].

Знаменательно, что близкие по психологической напряженности и стилистике монологи Найджела и Печорина возникают в романах в самых драматических ситуациях героев, за которыми следуют минуты ясного и бескомпромиссного самоанализа и самоосуждения.

Всю мою жизнь я прибегал к услугам друзей, вместо того, чтобы более достойным образом обходиться собственными силами. Я чувствую себя жалким, когда долгая привычка за-

Пробегаю в памяти все прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А верно она существовала, и верно было мне назначение высокое,

¹ The next morning found Nigel Olifaunt, the young Lord of Glenvarloch, seated, sad and solitary, in his apartment, in the mansion of John Christie, the shin-chandler <...> [13. С. 29].

² Dame Nelly saw that her guest was melancholy also, notwithstanding his efforts to seem contented and cheerful [13. С. 31].

³ “He is unfortunate, then?” said Margaret; “I knew it – I divined it – there was sorrow in his voice when he said even what was gay – there was a touch of misfortune in his melancholy smile <...>” [13. С. 110].

ставляет меня испытывать неудобства из-за отсутствия слуги, я стыжусь этого. Но куда больше я стыжусь того, что та же привычка перекладывать свою ношу на чужие плечи сделала из меня с той поры, как я приехал в Лондон, жертву обстоятельств, на которые я даже и не пытался влиять, лицо бездействующее и лишь испытывающее всевозможные чужие воздействия, опекаемое одним другом, обманутое другим, но, извлекающее ли выгоду из знакомства с одним, претерпевающее ли зло от другого, всегда пассивное и беспомощное, как корабль без руля и ветрил, отданный на волю волн и ветра» [1. Т. 13. С. 370–371]¹.

потому что я чувствую в душе моей силы необъятные; но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений, лучший цвет жизни. И с той поры сколько раз я играл роль топора в руках судьбы! Как орудье казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления...» [8. Т. 4. С. 290].

Два этих монолога несовместимы по глубине драматизма, но в основе их лежит саморефлексия героев, смешанное чувство горечи потерь и надежды на восстановление духовной силы – яркой и сильной у Найджела, но уже покрытой пеплом скепсиса и боли у Печорина.

Выживет он или умрет, утонет или выплывет, но с этой минуты безопасность, успех и честь Найджела Олифанта будет зависеть от его собственных усилий; и если он погибнет, то по крайней мере с сознанием, что он действовал по своей воле. Я запишу себе в записную книжку ее доподлинные слова: «Умный человек – сам себе лучший слуга и помощник» [1. Т. 13. С. 371]².

После этого стоит ли труда жить? а все живешь – из любопытства, ожидания чего-то нового. Смешно и досадно! [8. Т. 4. С. 291].

Одна из возможных причин замены Лермонтовым названия вальтер-скоттовского романа, читаемого Печориным перед дуэлью, могла заключаться в том, что в «Пуританах» (1819), в сравнении с «Приключениями Найджела», исповеди героя, выполненные в медитативно-рефлексивной форме рассуждений, оказались более развернутыми. Раздумья Генри Мортонa, переданные в монологах героя или включенные несобственно-прямой речью в текст повествователя, прерывали эпический тон описания и акцентировали наиболее драматические повороты в судьбе героя, когда он оказывался в ситуации нравственного выбора.

Можно отметить пристрастие В. Скотта и Лермонтова к символике морской стихии: Гленварлох сравнивает себя с «кораблем без руля и ветрил, отданным на волю волн и ветра» [1. Т. 13. С. 370]; Печорин уподобляет себя «матросу, рожденному и выросшему на палубе разбойничьего брига»; «его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и

¹ I have been, through my whole life, one who leant upon others for that assistance, which is it more truly noble to derive from my own exertions. I am ashamed of feeling the paltry inconvenience which long habit had let me to annex to the want of a servant's assistance – I am ashamed of that; but far, far more am I ashamed to have suffered the same habit of throwing my own burden on others; to render me, since I came to this city, a mere victim of those events, which I have never even attempted to influence – a thing never acting, but perpetually acted upon – protected by one friend, deceived by another; but in the advantage which I received from the one, and evil I have sustained from the other, as passive and helpless as a boat that drifts without oar or rudder at the mercy winds and waves [13. С. 296].

² Live or die, sink or swim, Nigel Olifaunt, from this moment, shall owe his safety, success, and honour, to his own exertions, or shall fall with the credit of having at least exerted his own free agency. I will write it down in my tablets, in her very words, – “The wise man in his own best assistant” [13. С. 296].

томится <...>» [8. С. 305]. Различие в содержании символа моря – свободной и необузданной стихии – обусловлено градусом напряженности драматизма героев. В. Скотт и Лермонтов воплощают в своих героях разные этапы европейской истории развития самосознания личности. Герой В. Скотта еще в самом начале процесса самоопределения, стихийность удручает его и требует действия для восстановления порядка; для лермонтовского же Печорина стихийность – это свобода, бездомность, потребность потрясений, норма трагического существования. Однако общим для В. Скотта и Лермонтова (как и всех романтиков) является то, что с мотивом моря связано представление о высших, духовных переживаниях героев.

В связи с вопросами о принципах художественного изображения героев важным представляется диалог Автора и капитана Клаттербака¹, предложенный читателю во «Вступительном послании» (1822), о жанре романа «Приключения Найджела». По существу диалог представляет собой изложение эстетической программы В. Скотта-романиста. Автор отклоняет предположение Капитана о том, что «Приключения Найджела» могли бы быть написаны в жанре эпопеи. Напротив, Автор указывает, что он ориентируется на опыт Смоллета, Лесажа и других писателей, которые, «освобождаясь от установленных им [Филдингом. – Э.Ж.] строгих правил, писали скорее истории разнообразных приключений, выпадающих на долю человека в течение его жизни, нежели связанную единой фабулой эпопею, у которой каждый шаг постепенно приближает вас к развязке. Эти великие мастера были довольны, если им удавалось позабавить читателя в пути» [1. Т. 13. С. 23]. Оставаясь в рамках традиционного романа с единой фабулой, В. Скотт разрабатывает новые принципы организации, когда интерес повествования держится не на степенном развитии фабулы, а на «разжигании любопытства» неожиданными поворотами «приключений», или «похождений», героя. Роман В. Скотта «The fortunes of Nigel» в первом русском переводе (1829 г.) имел заглавие «Приключения Нигеля» (Сочинение Сира Вальтера Скотта. Перевод с англинского. В четырех частях. М., 1829). В лермонтовском наименовании романа как «Похождения Нигеля» сказалась русификация слова «fortunes» (приключения) и установка на восприятие событий, интересных не столько авантурным содержанием, сколько психологическим ракурсом происходящего. Исследователи неоднократно указывали на циклизацию новелл в «Герое нашего времени» как способ «ступенчатого» раскрытия (погружения) духовного мира героя. Форма лермонтовского романа, составленного из приключений Печорина, была «предсказана» рассуждениями В. Скотта о романе, отличном от эпопеи.

Таким образом, упоминание романа «Приключения Найджела» в черновом автографе «Героя нашего времени» не было случайным. Романы В. Скотта, не нарушая лермонтовской ориентации на рефлексивно-психологическую европейскую прозу, оберегали его от романтического субъективизма на пути формирования «классического слога повествования: непосредственно от себя, но сдержанно и ответственно» [15. С. 246]. Проза

¹ Капитан Клаттербак – посредник между Автором и читателями.

В. Скотта оказалась важным звеном в процессе создания русского лирико-философского реалистического романа в прозе.

Литература

1. Скотт В. Приключения Найджела / пер. Б. Бруснынина, Н. Рахмановой // Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. М., 1998.
2. Якубович Д.П. Лермонтов и Вальтер Скотт // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1935. № 3. С. 243-272.
3. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961. 371 с.
4. Альтишюллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России СПб., 1996. 340 с.
5. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX в.) // ЛН. Т. 91. М., 1982. 865 с.
6. Манн Ю.В. Вальтер Скотт в русском эстетическом сознании // Проблемы автора в художественной литературе: сб. науч. тр. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та. 1993. С. 196–206.
7. Томашевский Б. Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция // ЛН. Т. 43–44. М., 1941. С. 469–517.
8. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Л., 1981.
9. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 5 т. М.; Л., 1937. Т. 5. С. 476.
10. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 363.
11. Бродский Н.Н. Святослав Раевский, друг Лермонтова // ЛН. Т. 45–46. М., 1948. С. 301–322.
12. Чистова И.С. Прозаический отрывок М.Ю. Лермонтова «Штосс» и «натуральная» повесть 1840-х годов // Русская литература. 1978. № 1. С. 116–122.
13. Scott Walter The fortunes of Nigel. // Collection of ancient and modern British Novels and Romances. Paris, 1832. Vol. 23.
14. Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. Pro et contra. СПб., 2002. С. 607–619.
15. Журавлева А.И. Лермонтов в русской литературе: Проблемы поэтики. М., 2002. 280 с.

THE FORTUNES OF NIGEL BY W. SCOTT AND PROSE BY M.YU. LERMONTOV. ARTICLE ONE.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 94–108. DOI 10.17223/19986645/28/9

Zhilyakova Emma M., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: emmaluk@yandex.ru

Keywords: W. Scott, *The Fortunes of Nigel*, M.Yu. Lermontov, *Princess Ligovskaya*, *A Hero of Our Time*, historicism, modernity, objectivity, narration, psychologism.

Lermontov's reception of Scott's novel and its role in the formation and development of the Russian writer's realistic works is investigated on the basis of comparative and typological analysis of W. Scott's *The Fortunes of Nigel* (1822) mentioned in the draft of *A Hero of Our Time* and two novels (*Princess Ligovskaya* and *A Hero of Our Time*).

Lermontov's interest in W. Scott's novel was conditioned by historicism and objectivity of the writer's artistic thinking that resulted in a chain of content and poetics peculiarities of the novel. *The Fortunes of Nigel*, traditionally regarded as a historical novel, implies the author's concept aimed at revealing the sense of contemporary social life as exemplified in the life of the 17th-century England, thus broadening the scope of the genre.

In *Princess Ligovskaya* and *A Hero of Our Time* Lermontov turned to portraying the heroes representing Saint-Petersburg aristocrats and poor bureaucrats. Thus, the contrasts of the London society life (grand people and habitants of beggarly and Alsace robber's area) as well as the type of Scott's narration, notable for accuracy and completeness of its epic word-painting as an expression of the author's standpoint, might be the subject of the Russian writer's particular attention.

Lermontov's proximity to W. Scott was revealed in stating the problem of a hero as a representative of the young generation coming to take the place of the "broke" fathers and searching for ways to use their spiritual power. Lermontov, as well as W. Scott, investigates the dramatic nature of his characters' spiritual quest and finds new artistic forms of psychological analysis of the worn-out soul (inner monologue, portrait, symbols). The cyclic organization of *A Hero of Our Time* seems important. It was

"foreseen" by W. Scott, who was guided by the works by Lesage and Smollett remarkable for the authors' interest in their heroes' "adventures" and "escapades" on their way to spiritual truth rather than by Fielding's epic novel.

References

1. Scott W. *The Fortunes of Nigel*. London, Adam and Charles Black, 1896. 477 p. (Russian edition: Skott V. *Priklyucheniya Naydzhela*. Moscow, 1998.).
2. Yakubovich D.P. [Lermontov and Walter Scott]. *Izv. AN SSSR. Otd. obshch. nauk* [The Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Social Sciences Department], 1935, no. 3, pp. 243-272. (In Russian).
3. Eikhenbaum B.M. *Stat'i o Lermontove* [Articles about Lermontov]. Moscow, Leningrad, 1961. 371 p.
4. Altshuller M.G. *Epokha Val'tera Skotta v Rossii* [Walter Scott era in Russia]. St. Petersburg, 1996. 340 p.
5. Alekseev M.P. *Russko-angliyskie literaturnye svyazi (XVIII vek – pervaya polovina XIX v.)* [Russian-English literary connections (the 17th – first half of the 19th centuries)]. Moscow, 1982. 865 p.
6. Mann Yu.V. [Walter Scott in Russian aesthetic consciousness]. *Problemy avtora v khudozhestvennoy literature. Sb. nauchn. tr.* [Problems of the author in fiction. Collected papers]. Izhevsk, Izd-vo Udmurtsk. gos. Un-ta Publ. 1993, pp. 196-206. (In Russian).
7. Tomashevskiy B. [Lermontov's prose and Western European literary tradition]. *Literaturnoye nasledie* [Literary Heritage], Moscow, 1941, no. 43-44, pp. 469-517. (In Russian).
8. Lermontov M.Yu. *Sobraniye sochineniy*. [The collected works]. In 4 vols. Leningrad, 1981.
9. Lermontov M.Yu. *Polnoye sobraniye sochineniy* [The complete works]. In 5 vols. Moscow, Leningrad, 1937. Vol. 5, 476 p.
10. *M.Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov* [M. Lermontov in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, 1989. 363 p.
11. Brodskiy N.N. [Svyatoslav Raevskiy, a friend of Lermontov]. *Literaturnoye nasledie* [Literary Heritage], Moscow, 1948, no. 45-46, pp. 301-322. (In Russian).
12. Chistova I.S. [M. Lermontov's prose passage "Stoss" and the "natural" story of the 1840s]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1978, no. 1, pp. 116-122.
13. Scott W. *The Fortunes of Nigel*. In: *Collection of ancient and modern British Novels and Romances*. Paris, Baudry's Foreign Library, 1832. Vol. 23.
14. Vinogradov V.V. [The style of Lermontov's prose]. *M.Yu. Lermontov Pro et contra* [M. Lermontov Pro et contra]. St. Petersburg, 2002, pp. 607-619. (In Russian).
15. Zhuravleva A.I. *Lermontov v russkoy literature. Problemy poetiki* [Lermontov in Russian literature. The problems of poetics]. Moscow, 2002. 280 p.

УДК 82.09.091

DOI 10.17223/19986645/28/10

И.И. Плеханова

О РЕДУКЦИИ ПСИХОЛОГИЗМА В НОВЕЙШЕЙ ПРОЗЕ

Статья предлагает для обсуждения проблему изменения качества психологизма в прозе поколения, вступившего в литературу в постсоветское время. Дается обзор общекультурных предпосылок упрощения видения человека и средств его изображения: отказ от антропоцентризма, дегуманизация искусства, влияние естествознания, киноэстетики, давление информационной среды, духовный потенциал самих писателей. Конкретное сравнение с классикой XIX–XX вв. (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Л. Андреев) проводится на примере реалистической прозы Р. Сенчина (изображение приближения героев к смерти в романе «Елтышевы» и в повести «Ждём до восьми»). Причины, по которым персонажам начала XXI в. недоступно переживание экзистенциального прозрения как преображения, связаны не только с социальной деградацией или сужением духовного кругозора, но и с отрицанием метафизических горизонтов самим автором.

Ключевые слова: психологизм, реализм, антропоцентризм, рефлексия, хроносенсорика.

Цель статьи – актуализировать вопрос о качестве современного литературного психологизма, о понимании природы человека и адекватных способов его изображения, которое сложилось у писателей, пришедших в литературу в постсоветское время – период испытания всех смыслов и ценностей на достоверность и жизнеспособность. Обширный материал и многосложность вопроса позволяют только наметить аспекты его обсуждения – это первая задача статьи. Вторая – проиллюстрировать некоторые тенденции на примере текстов Романа Сенчина (1971 г. р.), одного из ведущих авторов нового поколения.

Обсуждение проблем современного литературного психологизма предполагает сравнение с предшествующим художественным, историческим, экзистенциальным опытом и потому неизбежно возвращает к идее антропоцентризма и гуманизма, но без прекраснориторичности. Очевидно, что вершинные достижения в изображении «диалектики души» были обусловлены аксиологией человечности, христианской идеей любви как преображения, спасения и проникновения в другое сознание, приобщения к чужому через отречение от самоценного «я», расширения природных пределов и культурных границ самости до ментального приятия иного и понимания другого «я» через сочувствие. Столь же очевидно, что антропологическая катастрофа XX в., как и расцвет естественных наук, подорвали гуманистическую аксиоматику, и психологизм, обусловленный реальным опытом, а не верой в чудо человеческой природы, рисует существенно упрощённый образ человека и системы общественных отношений.

Но и объективный опыт, сняв конституциональное для развитой цивилизации противопоставление человека и животного (не только зверя, но просто биологической особи), усугубил кризис культуры: уход от императивной человечности способствовал не только углублению объективного знания, но и

умножению энтропии ценностного релятивизма. Поэтому одна из проблем самосохранения и человека, и литературы как части культуры – это решение вопроса о совместимости видения идеального (оптики любви) и объективного (холодное зеркало). Вопрос Достоевского – «с кем быть – с Христом или с истиной?»¹ – имеет не только религиозное, но общекультурное значение как сопротивление уже не только животному в себе, но и авторитету негативного опыта, безыллюзорного знания, освобождающего от идеи любви (познания через любовь) как от бремени заблуждения.

Задача современного психологизма – решение проблемы антропологического масштаба: это реабилитация человека после развенчания. Вопрос о возможности реабилитации остаётся открытым – и сама открытость составляет проблему. Это требует поиска убедительных оснований для оправдания и предполагает масштабную личность художника, его особый духовный потенциал. Во-первых, это проблема реабилитации человека как такового в обстоятельствах отнюдь не благоприятных: вектор истории, политика, экология, экономика и искусство эпохи потребления свидетельствуют против гуманности и разумности *Homo sapiens*. Во-вторых, реабилитация человека конкретного, ближнего – это испытание собственной душевной щедрости, самоотречение вопреки всезнанию, т.е. пониманию, что и неприглядное составляет его неуничтожимую сущность. В-третьих, реабилитация плодотворна при условии сохранения категорического нравственного императива и традиционной полярности координат: хороший/плохой, добрый/злой, высокий/низкий, благородный/подлый, мудрый/хитрый, жертвенный/корыстный, святой/грешный и т.д. Антитезы не упрощают оценку, но создают напряжение жизни и предлагают выбор, т.е. свободу как условие самоопределения, а не вседозволенности. Именно вседозволенность, размытость критериев подлинности во всём как идеология и практика современности обостряют решение этих извечных задач культуры.

Качество собственного духовного потенциала оправдывающего или осуждающего – вопрос первостепенный: что выстрадано Достоевским, то профанировано Вик. Ерофеевым. Версия постмодернистского имморализма не является оправданием человека, поскольку отменено само судебное разбирательство, и она ни к чему не обязывает ни носителя всеразрешающей истины, ни его героя. Литератор, взявший на себя ответственность за реабилитацию человека, невольно оказывается если не святым, то блаженным в секуляризованном мире, насколько это возможно. По существу, это опережающее знание, сочувствие не только развенчанному, но и надменному в гордыне, не столько обречённому на грехи природой, но и «разрешившему себе под-

¹ Из письма Н.Д. Фонвизиной, 1854: «...я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [1. Т. 15. С. 96].

лость». Любое сострадание, тем более продолжительное, требует самоотречения, особенно ответственного в творчестве, поскольку неизбежно предлагает образ действия. Сострадание сейчас – преодоление социокультурной ситуации разобщения, тотального отчуждения: людей друг от друга, государства от народа, народа от истории, политики, культуры, жизни. Имморализм не требует от художника никаких подвигов очеловечивания своего героя, освобождает от ответственности за духовное напряжение текста, тогда как сострадание по природе своей интимно, но творческая позиция и её результат обязывают к публичной убедительности.

Очевидное социокультурное противоречие современности – контраст между расцветом индивидуализма в реальной жизни и убыванием сложного психологизма в искусстве, но корреляция ещё не означает взаимообусловленность. Расцвет индивидуализма нуждается не в доказательствах, а в выборе эпитета, определяющего качество и причину появления: индивидуализм воинствующий (следствие вырождения идеи прав человека до эгоцентрического самоутверждения), естественный (следствие атомизации общества), ответственный (следствие развития личности). Именно последний, развернув глубинную рефлексию до онтологической и социальное мышление до космического миропонимания, стал условием расцвета русской литературы в XIX–XX в. Индивидуализм воинствующий и естественный были и остаются духовным базисом постмодерна с его установкой на отказ от антропоцентризма культуры, который, не имея метафизической цели самопреодоления, ведёт к антропологическому самоотрицанию.

Доказывать кризис литературного психологизма сложно ещё и потому, что глубина постижения человека вообще была обусловлена реалистической изобразительностью, а поворот искусства на рубеже XIX–XX вв. в сторону выразительности выдвигал иную антропологию – психологию творца и аналитический язык, исследующий возможности формотворчества. Поэтому обсуждать качество традиционного психологизма правомерно только на материале, претендующем на жизнеподобие, социальную значимость концепции и объективность авторских наблюдений. Что касается очевидной условности, то можно говорить об идее человека, стоящей за его знаковым изображением.

Первый симптом – отсутствие яркого или своеобразного героя нашего времени – очевиден. Нет писателя, который открыл бы своего персонажа, как самые близкие по времени классики: С. Залыгин, В. Шукшин, В. Распутин, А. Вампилов, Ю. Трифонов, Ф. Искандер, Л. Петрушевская. На появление новых социальных фигур – от бандита до олигарха, от мучеников менеджмента до медиадемиургов – откликнулись беллетристика, сатира, политические романы, но шаржи или очерки нравов (С. Минаев) до сих пор не обрели полнокровного воплощения. Язык, ставший героем текста и призванный передавать работу сознания, как у М. Шишкина, аннигилировал индивидуальность носителя речи, хотя у классиков языкотворчества (А. Платонова, М. Шолохова, В. Набокова и т. д.) одно было невозможно без другого. Исследование отношений сознания и реальности у В. Пелевина остаётся в рамках привычной коллизии – манипулятивности первого и фиктивности второго, и, несмотря на разнообразие сюжетов и остроумие повествовательных

ходов, игра ума демонстрирует механистичность сюрреалистического гротеска. Условность – один из типов изображения человека, наряду с реализмом, и сама по себе она не является симптомом умозрительного психологизма, а реализует образ мышления творца (таковы гоголевский гротеск, аналитика «неореализма» Е. Замятина, сказочная эмблематика Е. Шварца). Но, став уже рутинным приёмом в антиутопиях, дистопиях и фантазмагориях, она сводит героя к знаку, функции и не предполагает своеволия органически раскрывающегося образа. Так Бенедикт в притче-дистопии Т. Толстой («Кысь», 2000) волей автора был осуждён остаться на голой, выжженной земле, чтобы заново открывать азбучные смыслы. Всё перечисленное создаёт впечатление исчерпанности представлений о природе человека и, соответственно, классического эвристического принципа изображения характера в развитии, самопознании, неоднозначности и, главное, обаянии неповторимости. Сложный психологизм предполагает глубину внутренней жизни и загадку личности, упрощённый – узнаваемое поведение и однозначность характеристики.

Однозначность – отнюдь не синоним определённости, т. е. психофизиологической цельности и отличительных индивидуальных свойств личности. Запрос на определённую идею идёт от потребности в герое нравственного действия, это традиционно болезненная коллизия для русской литературы, усугублённая современной ситуацией дефицита нравственной воли. Так заявлена определённая воинственно-героическая социальная позиция молодого нацбола у З. Прилепина («Санька», 2006), но самоотверженность достигнута ценой упрощения духовных коллизий: автор пренебрегает предостерегающим от экстремизма опытом классики (о котором, как выпускник филфака, читавший «Бесов», должен помнить), но эксплуатирует модель «партийной» идентификации избранных, столь знакомую по советской новой антропологии. Очевидно, что познавательная коллизия современного психологизма разворачивается в диапазоне между однозначностью и определённой, но пока не предполагает поиска новых идей человека.

Литературный психологизм и литературная антропология испытывают давление извне – со стороны «объективного» знания о закономерностях работы психики и биодетерминированности поведения человека. Из общественных и естественных наук (социология, психология, этология) пришли концепции, демистифицирующие деятельность разума (роль бессознательно-го в работе сознания, психология творчества как воспроизведение узнаваемых архетипов, роль культуры в сублимации природной агрессии), развёрнутые классификации человеческих психотипов и стереотипов поведения, опыт «чтения» субъекта как текст с подтекстом (разгадка по жестам, позе, мимике, оговоркам), сам принцип тестирования, подкреплённый статистикой, предполагает знание как диагноз и прогноз на будущее. Так авторитет науки склоняет к однозначности, поскольку не оставляет места свободе, тайне, не говоря о чуде, а знание деталей отвлекает от тайны целого.

Второй фактор давления – визуальная культура, действительное влияние которой обусловлено суггестивным эффектом зрелища и экшена – кино, видеоигр, перформанса. К ней апеллирует художник по фамилии Моржов из романа «Блуда и МУДО» (2007) А. Иванова, хитростью спасая школу от интриг предприимчивых чиновников, полушутя-полусерьёз он ориентируется на

поступки и жесты супермена и агента 007. Действительно, этому эталону современной нерелексивной героики нет конкурентов в литературе, русская классика не создала образ элгантного победителя, даже благородный разбойник Дубровский запачкан кровью и обречён на поражение. Фабула компьютерной игры, динамичной и захватывающей, воспроизведена в романах В. Сорокина: горизонтальный бег со стрельбой, резнёй и изощрённым насилием («Сердца четырёх», 1991) представлял события как чистую функцию, условность, а побег из подвала (восхождение с уровня на уровень) Ольги и Бёрна в «23000» (2005) – это обряд инициации «мясных машин», достойных введения в круг «людей света». В. Сорокин даже не предполагает поиск социального героя, но его тема – обыденность насилия – общезначима, решая её в стилистике компьютерной графики, автор демонстрирует собственную отрешённость творца и отчуждённость от всего человеческого как не нуждающегося в сострадании. Сюжет новеллы «Ars amatoria» (2000) Ю. Буйды с самораспятием героя на двери туалета – литературное подражание перформансу с членовредительством как испытанию подлинных пределов свободы духа от тела, автономности индивидуума в социуме на провокативных действиях акционистов. Социальный роман А. Иванова отчасти, а постмодернистско-гностические опыты В. Сорокина и Ю. Буйды наглядно апеллируют к апсихологизму игры и зрелища как эффектному способу представления любимого или интересного им героя и не боятся внелитературной художественной самоидентификации.

Третий фактор – давление объективных условий существования. Прежде всего – времени: нынешний темпоритм требует краткости и ёмкости, неописательской диалектики и глубины подтекста. Так же неизбежно редуцируется в урбанистическом пространстве роль природного параллелизма и природной рефлексии вообще. Коренным образом изменился социокультурный контекст, формирующий писателя. Вершинные образцы психологизма русской прозы созданы мастерами, получившими религиозное, но аристократическое воспитание в духе Просвещения и сентиментализма, развившими в себе национальное самосознание в диалоге с мировой культурой, психологическим ключом были классическая поэзия и музыка. Пушкинское «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» («Элегия», 1830) – формула драматургии сознания в XIX в., рафинированное, сверхразвитое самосознание транслировало себя в мир как общечеловеческое. Литература XX в. в целом сохранила классическую традицию, поскольку она апеллировала к человеку чувствующему, даже если это была остранинная «мозговая игра» модернистского романа А. Белого («Петербург», 1913) или произведений Л. Леонова 20–30-х гг. Сугубо поэтическая риторика и система переживаний определяли психологизм «орнаментальной» раннесоветской прозы, лирическая сложность рефлексии перешла в прозу О. Мандельштама, Б. Пастернака, М. Пришвина. Даже доктрина советской сознательности поощряла рефлексии как борьбу чувств и долга и культивировала пафос высоких, экстаических помыслов. Деидеологизированная литература 60–80-х гг. отстаивала многосложность «простого» человека, тонкость чувствований в переживании природы (натурфилософская и метафизическая проза «деревенщиков») или авторефлексии повествовательского «я» (лирическая проза А. Битова, постмодернистская игра сознания в изображе-

нии С. Соколова и Вен. Ерофеева). Но в 90-е гг. пришло поколение интеллектуалов, ориентированных на рационалистическую рефлекссию без участия эмоций (школа московского концептуализма), победил «резко охлаждённый ум», правда чувств была заменена и вытеснена откровенностью физиологии, т.е. «телесным дискурсом».

Соответственно, насыщенность переживаний, утратив субъекта, превратилась в школу выработавших свой ресурс приёмов, что и продемонстрировал концептуализм В. Сорокина – имитация авторитетных образов высказывания, доведённая до абсурда («Норма», 1983). Концепция человека, скрытая за игрой стилизованных масок, видимо, строится апофатически: человек не есть ни то, ни сё и не это... – и так до полной неопределённости, но при однозначной узнаваемости «нормы». Концептуализм, соц-арт демонстрируют, что принцип изображения человека отнюдь не обязательно является символом авторской веры. В современной ситуации не заявлена и не разработана какая-либо отчётливая концепция личности, а человек, претендующий на суверенность, рассматривается в отношениях с другими и обречён на одиночество («Асистолия» О. Павлова, 2009; «Лёгкая голова» О. Славниковой, 2010; «Комьюнити» А. Иванова, 2012). Ничто не определяет современника более отчётливо, чем социальная или национальная принадлежность. Примечательна эволюция А. Слаповского: талантливый выдумщик историй попробовал себя в игре в метемпсихоз с преобладающим телесным акцентом («Я – не Я», 1992, 2005), в серьёзной игре в Христа вплоть до духовного преображения героя («Первое второе пришествие», 1993, 2005) и в игре в психоанализ с разоблачением его деструктивной роли («Анкета», 1996), а в 2000-е гг. остановился на ролевой концепции личности, когда индивидуальность определяется социальной миссией и статусом в семье, попытки выйти за пределы требуют перерождения («Синдром Феникса», 2007) или заканчиваются поражением («Большая книга перемен», 2010).

Так, при несвободе персонажа, социальной обусловленности его существования и дискурсивной, жанровой детерминированности образа, когда не герой выбирает жанр, а модель плутовского, социального романа или фантазмагории выстраивает судьбу и характер, главным героем современной литературы становится писатель – вопреки «смерти автора». Объективный психологизм менее интересен, чем психология творчества, т.е. свобода творческой фантазии, способность найти новые ходы в собственной игре – в эксплуатации темы, эвристический потенциал которой кажется исчерпанным: как конспирологическая версия текущей истории (Ю. Козлов), как демонстрация фиктивности представлений о себе и мире (В. Пелевин), как варианты материализации *idee fixe* в виде метафоры «гвоздь в сознании» («Теллурия» В. Сорокина, 2013), как имитация самопорождения текста в процессе игры языка (М. Шишкин). Особый интерес – творческая полемика, принципиальные конфликты между писателями, обычно избегающими публичного выяснения отношений: препирательство язвительных шаржей (главка «СКРН» в «Приложении» к «Бетману Аполло», 2013, В. Пелевина – гл. 33 в «Теллурии» В. Сорокина) или соревнование в разработке темы («Околоноля» Н. Дубовицкого, 2009, – «S.N.U.F.F.» В. Пелевина, 2011). Способность художника (в отличие от его героя) эволюционировать – и не только в освоении новых тем,

но и в пересмотре системы ценностей – самое интересное в современной литературе. Так, остаётся открытым вопрос: была ли сорокинская «Метель» (2010) продолжением «покаянного» заявления «Mea culpa?» [2. С. 5] о несогласии с постструктуралистской отчуждённостью от жизни, принимаемой за текст, а заодно признанием разрушительной роли интеллектуальных фантазий для судьбы России, если за ней не последовало принципиальных изменений в поэтике новых произведений?

Итак, и «упрощённый», и «усложнённый» психологизм не свидетельствуют прямо о творческом кризисе литературы, вопрос – в статусе традиционно авторитетных принципов понимания-изображения, более того, их адекватности современному видению человеческой природы в целом и современного человека в частности. Традиционный психологизм кажется консервативным, в том числе и вследствие периферийного положения литературы в современной культуре, даже если она сохраняет творческий приоритет. Красноречив пример торжества визуального искусства: тонкий интеллигент и незадачливый педагог Виктор Служкин из романа А. Иванова «Географ глобус пропил» (1995, опублик. в 2003) не был замечен, а тем более – признан положительным героем нашего времени, пока не вышел одноимённый фильм 2013 г., ибо зримое представление, схватывая главное в персонаже, остаётся убедительнее и несравненно коммуникативнее, заразительнее, чем добротное словоописание. Герой вполне классический: совестливый, проникательный, добрый, самоотверженный вплоть до готовности временно уступить жену другу ради её же радости – в телевизионной беседе 26.12.2013 на канале «Культура» сам А. Иванов сравнил Служкина с князем Мышкиным. Фильм имел неожиданный кассовый успех: именно такой «неудачник» оказался востребованным зрителем, этого персонажа почти 20-летней давности можно приводить как пример разрешения задачи реабилитации ближнего человека: автором – своего героя, самим героем – окружающих. Генетическая матрица ещё способна убедительно воспроизводить национальную модель самоопределения личности и тех ценностей, которыми она руководствуется. Но творцы романа (А. Иванов, 1969 г. р.) и фильма (А. Велединский, 1959 г. р.) – сами родом из последних позднесоветских поколений, воспитанных на традиционных ценностях и в преобладающем национальном культурном пространстве.

Но сохраняет ли проза эвристический потенциал в художественном постижении действительно нового персонажа и новым типом творческого сознания? Какова степень участия традиционного рефлексивного психологизма в раскрытии изнутри героя, не вписывающегося в архетипы национальной культуры?

Шкала жестокого гуманизма Романа Сенчина

Если дефицит любви отмечен как признак духовного кризиса, редукции творческих сил современного авторского сознания, то пример Сенчина красноречив и одновременно спорен. На репутацию беспощадного писателя указывает аннотация на самый яркий его роман – «семейный эпос» «Ёлтышевы» (2009), рисующий стремительный процесс деградации и гибели рода: «Сенчин жесток и не жалеет никого – но в этой жестокости кроется очищение.

После “Ёлтышевых” не так-то просто будет сказать привычное “люблю”. Это слово для вас изменится на вкус...» [3. С. 4]. Очищение можно считать катартическим только в терминологии психиатрии, поскольку в книге до конца высказана правда о гибели человека и общества, переставших различать добро и зло.

История начинается с насилия дежурного по вытрезвителю над непокорными, изгнания с блатного хлебного места и переселения семейства в голодную деревню, а завершается нечаянным убийством старшего сына и гибелью младшего, зарезанного местными из страха и ненависти к отцу. Правда состоит и в том, что сознание бывшего майора милиции и троекратного убийцы страдает не от чувства вины, а от неблагополучия семьи – так в человеческой среде работает инстинкт предводителя рода. Нравственная патология раскрывается как естественное состояние, в котором пребывают практически все персонажи. Когда-то модернист Ф. Сологуб язвительно рисовал мир провинции как скопище моральных уродов («Мелкий бес», 1902), а неисправимый идеалист М. Горький активно противопоставлял «свинцовым мерзостям жизни» «выломившегося героя». Сенчин реалист-пессимист: он не видит альтернативы, не ищет ничего обнадеживающего в человеке, тем более – в социуме, все его персонажи движимы биологическими инстинктами, слегка закамуфлированными культурными установками, их цель – продолжение жизни, но с минимальными усилиями, совесть попросту отсутствует. Герои однозначны в своём биосоциальном статусе жестоких, но пассивных паразитов, брошенных властью и обречённых на мучительное вымирание.

Внутренний монолог старшего Ёлтышева лишён рефлексии, все слова просты и выражают обиду на недостаток желаемого благополучия, в частности – на неурядицы с детьми: «Старший никуда не поступил, в увальня превратился, в двадцать пять – ребёнок ребёнком, а младший... С младшим вообще беда: в драке бахнул одного в лоб кулаком и сделал клоуном. Теперь тот инвалид, а сын на пять лет в колонии» [3. С. 18]. Работа сознания поначалу отчётлива и лишена подтекста как недосказанности, по мере социальной деградации героя мысли становятся «зыбкие, неоформленные, но навязчивые» [3. С. 291]. Мастерство писателя состоит в полной объективности представления героя, не сознающего своего уродства, нравственный смысл коллизии считывает читатель. Так, оставшаяся одна Валентина Викторовна случайно увидела внука и, не сразу узнав его, в отчаянии буквально вцепилась в ребёнка, не помнившего родного отца: «– Ты Ёлтышев. Запомни на всю жизнь! <...> Последний ты у меня! – Схватила мальчика за плечо, затрясла. – Запомни!.. Я в суд подам... Ишь ты!..» [3. С. 317]. Жуткая сцена выразительна не красноречием описания, но благодаря простоте фраз и безжалостности глаголов. Экспрессия чувств не может быть определена одним словом, спектр распахнут от отчаяния до ярости, больная, очнувшаяся от растительного прозябания старуха отвратительна, как фурия, но до высот трагедии эта судьба не дотягивает, поскольку героиня обречена на ничтожество: не было задатков и потому предпосылок очищения в страдании, она постепенно теряла культурные навыки и связь с миром.

Можно ли любить таких персонажей, вполне убедительных в своей негативной органичности? Можно ли им сочувствовать и сочувствием ли назы-

ваются переживания от беспросветного ужаса расчеловечивания бывшего майора милиции и его жены-библиотекарши (их социальные роли – опора государства и проводник классической литературы в массы) – это вопрос к многозначности ограниченной лексики любви в русском языке и к писателю, не озабоченному поиском адекватного слова. Классическая русская проза, сосредоточенная на познании человека, творила язык для определения оттенков переживания и поведения: «влюблённость», «трогательный», «утончённый» (Н.М. Карамзин), «стусеваться» (Ф.М. Достоевский). Негативный образ беспамятности зафиксирован в забытом теперь слове «манкурт» (Ч. Айтматов). Для обозначения мистической связи человека с миром В. Распутин пользовался словом «чувствилище». Если писателю не нужны новые и собственные слова, это значит, что он сам и его герои не обновляют восприятие мира, психология не развивается как умножение знаний и палитры чувств, картина строится не на многоцветности, а на интенсивности красок – или на графике с мраком густой черноты.

Таков принцип психологизма Сенчина: объективное представление процесса, но не номинативное описание работы сознания, живущего не рефлексией, но рефлексами. Названия реактивным состояниям психики героя даёт читатель: агрессия, но с оглядкой; привязанность к кровно родному, но сильному, а не слабому; тоска от потери жизненных сил и страх одиночества. Вместо совести – вспышки картинок в сознании в ответ на неприятные звуковые ассоциации, напоминающие об убийстве, но они легко вытесняются новыми сильными впечатлениями – сыростью воздуха и терпким запахом свиного навоза.

Акцент на физиологию, знаменательный для современной антропологии с телесной доминантой видения человека, оправдан буквальной физиологией быта, тяжким бременем существования. Но физиология – это ещё и ощущаемая экзистенция, и протекание жизни героев у Сенчина точно отхронометрировано. Сосредоточенная хроносенсорика – спутник утончённой рефлексии. А.П. Чехов замечал в наблюдениях за каторжниками, что они не помнят ни времени прибытия, ни сроков пребывания на Сахалине: небытие заживо не имеет ни длительности, ни динамики¹. Сенчин присваивает героям собственную точность отслеживания процесса жизни, но только в завязке событий. Так начинается действие в «Ёлтышевых»: «Та, как оказалось, последняя смена началась обыкновенно – к пяти часам вечера двадцать четвёртого апреля две тысячи второго года выпавшийся, плотно пообедавший, но какой-то застарело усталый Ёлтышев вошёл в дежурное помещение» [3. С. 9]. Основные события закончатся через четыре с половиной года – двадцать пятого сентября, когда любимый сын вернётся из заключения и будет убит той же ночью. Потом числа уже не имеют значения: отец умрёт в марте, остальные три года уйдут на доживание матери, подробно протянутся три последних часа последней из Ёлтышевых, но дата ясного сентябрьского дня не нужна ни героине, ни автору.

¹ «Год прибытия на Сахалин – год страшного несчастья, а между тем его не знают или не помнят» [4. Т. 10. С. 68].

Так раскрывается экзистенция вымирания: угасание воли к жизни, сознания и чувства времени. Третья компонента ряда – оценочная, это авторский приём, средство драматизации событий и возможность привязать их к конкретной истории (при очевидном нарушении реалий: торговля спиртом процветала в 90-е гг., а не в 2000-е). Так жёсткая оценка героев, однозначных, одинаково примитивных во внешней и внутренней жизни, даётся через включение в природу человека чувства времени как важнейшего фактора самосознания. Психологизм Сенчина антропологический: только человеку дано переживать время, его ценность и ускользание жизни, но принцип хроносенсорики реализуется сообразно возможностям персонажей.

Приём соединения рефлексии времени и тела успешно реализован в повести «Ждём до восьми» (2013): беспощадный аналитик обыденности нашёл нового героя, волевого и сильного, и представил процесс самосознания обречённого – последний день разорившегося питерского бизнесмена. Текст демонстрирует знаковые симптомы современного психологизма и решает творческую и социальную задачу – раскрыть духовный потенциал русского предпринимателя, по-прежнему нового для литературы персонажа. Человеческие качества рассматриваются не по принципу дополнительности, как это было прежде: отдельно от деловых, по формуле «и богатые любить умеют». Дан образ цельного человека, чья судьба и бизнес неразделимы. В отличие от купцов Островского, богатых людей со страстями, или сорвавшегося на пошлость Лопухина, дельца с тонкими руками из «Вишневого сада», Евгений Николаевич Колосов – это человек, персонифицирующий историю среднего предпринимательства с конца 1980-х до 2012 г. Он не пропустил волну, поднялся с нуля, с торговли пэтэушником на толкучке, до соучредителя строительной корпорации «Эволюшн», но в 40 лет, потеряв всё из-за новой расстановки сил в чиновничьем аппарате, готовится заплатить за «долги, несовместимые с жизнью» [5. С. 17]. Срок возвращения долга – до 8 часов вечера 14 мая 2012 г., воскресенья. Указание дня недели, видимо, символично: по реальному календарю это был понедельник.

Герой не аутсайдер, не проходимец, не спекулянт, он равен жестокой истории, принял правила игры и целиком раскрылся в новых условиях. Повесть о настоящем бизнесмене написана как история свободного человека. Но написана конспективно, и причина не только в том, что в фокусе последние 11 с половиной часов жизни с минимальными ретроспекциями. В этой жёсткой конструкции – художественный расчёт и творческий просчёт, знаменательный для новейшего психологизма. Расчёт очевиден: краткость процесса обеспечивает его интенсивность и захватывает читателя. Просчёты обусловлены видимым неумением сурового аналитика писать пронзительные лирические эпизоды, без которых трудно представить процесс прощания с жизнью, её переосмысления и, может быть, переоценки. Сказалось нежелание или неумение раскрыть то состояние, без которого невозможно пережить высокое откровение, да и простая любовь к жизни в неповторимых проявлениях оказывается для автора тайной за семью печатями.

В русской традиции существует своя типологическая канва изображения процесса сознательного приближения к смерти. Он раскрывается как постепенное отречение от своего эгоистического «я», преодоление озлобления,

обида, отчуждения и обретение любви к миру и к тем людям, что окружают в последние минуты, и, наконец, открытие, что смерти нет, а есть переход и начало. Что является основанием для чувства бессмертия – интуиция иного или достижение духовного совершенства здесь и сейчас – вопрос остаётся открытым. Примечательно, что начавший в XIX веке тему рефлексии обречённого монолог «Последний день приговорённого к смерти» (1829) В. Гюго написан как протест, избличение жестокости казни, а герой полон ненависти ко всем, ибо все они против него: толпа зевак, судьи, охрана, другие обречённые... Ф.М. Достоевский знал этот текст, но дорожил собственным опытом и передал его в «Идиоте» (1869) в пересказе князя Мышкина. Это предельная концентрация сознания, необыкновенная энергия мысли и воли: «Выходило, что остаётся жить минут пять, не больше. Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживёт столько жизней, что ещё сейчас нечего и думать о последнем мгновении, так что он ещё распоряжения разные сделал: рассчитал время, чтобы проститься с товарищами, на это положил минуты две, потом две минуты ещё положил, чтобы подумать в последний раз про себя, а потом, чтобы в последний раз кругом поглядеть» [6. С. 61]. Соппротивление инстинкта самосохранения не менее сильно, и, когда свет этого мира сконцентрировался в сияние позолоченной крыши собора, состояние просветления и мука ожидания оказались невыносимее страха смерти: «Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от неё сверкавшие; оторваться не мог от лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он через три минуты как-нибудь сольётся с ними... Незвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны: но он говорит, что ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: “Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность! И всё это было бы моё! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую б минуту счётом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!” Он говорил, что эта мысль у него, наконец, в такую злобу переродилась, что ему уж хотелось, чтобы его поскорей застрелили» [6. С. 62].

Герой Сенчина неспособен к таким горячим монологам, но это не значит, что само по себе страстное высказывание – пережиток позапрошлого века. В документальном фильме Г. Франка «Высший суд» (1987) приговорённый к расстрелу убийца так же горячо и искренне выговаривает жажду жить и, главное, любить всех. Герою Сенчина чужда сама форма монолога как пафосный образ самосознания, он аналитичен и до последнего момента отчётливо сознаёт раздвоенность воли разума и слабости тела, более того, готов судить себя за малодушие: «И неужели есть такие долги, за которые необходимо стереть человека с лица земли? <...> Колосов чуть не захохотал. / Ах ты, бедный, слабый, драгоценный человечек! Уникальная молекула цивилизации!.. А сам... Нет, сам не отдавал приказов убивать, но косвенно-то участвовал. Соглашался с тем, что тот или этот достойны смерти. Что долги их несовместимы с жизнью. Что ж, они тоже были уникальными молекулами, и их вдовы тяжело, одиноко стареют, и их дети без отцов» [5. С. 20]. Изображение остранённой рефлексии как бескомпромиссного суда над собой типо-

логически сходно с толстовским, близкий по теме рассказ «Смерть Ивана Ильича» (1886), по собственному признанию Сенчина, «вершина того, что можно назвать экзистенциализмом» [7. С. 272].

Умиравший Иван Ильич, испытывая невыносимые телесные муки, в силах задаться вопросом и открыть в себе нового человека: «“Да, всё было не то, – сказал он себе, – но это ничего. Можно, можно сделать ‘то’. Что же ‘то’?” – спросил он себя и вдруг затих. / Это было в конце третьего дня, за час до его смерти. В это самое время гимназистик тихонько прокрался к отцу и подошёл к его постели. Умиравший всё кричал отчаянно и кидал руками. Рука его попала на голову гимназистика. Гимназистик схватил её, прижал к губам и заплакал. / В это самое время Иван Ильич провалился, увидал свет, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно ещё поправить. Он спросил себя: что же ‘то’, и затих, прислушиваясь. Тут он почувствовал, что руку его целует кто-то. Он открыл глаза и взглянул на сына. Ему стало жалко его. <...> И вдруг стало ясно, что то, что томило его и не выходило, вдруг выходит сразу, и с двух сторон, с десяти сторон, со всех сторон. Жалко их, надо сделать, чтоб им не больно было. <...> Он стал искать своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было. / Вместо смерти был свет» [8. С. 352–353]. Кульминация преображения как освобождения от эгоцентризма приходится на последние минуты жизни – таков гуманизм сурового автора, в течение всего текста (и жизни Ивана Ильича) избличавшего героя в эгоизме и нелюбви даже к близким, но когда жалкий «гимназистик» всё-таки превратился в сына – жалость, горе, любовь одинокого ребёнка подтолкнули к тому повороту в душе, которое искало сознание умирающего.

Жёсткость Сенчина и суровость Толстого соразмерны, ибо исходят из высокой требовательности, но ригорист XXI в. великодушен только к тому, кто всё-таки в течение жизни совершал поступки, достойные человека. Колосов, в отличие от Ёлтышевых, боролся, стремился к лучшему, не спекулировал, а строил. Писатель, правда, не раскрыл степень сроднённости героя с его делом, зато показал, насколько выходец из провинции любит город, в который в юности приехал ради его красоты и который всё-таки «завоевал»: три с лишним часа последнего дня отданы поиску информации об истории Петербурга – и этот живой интерес отвлек от сознания обречённости. Описание любви к жене и детям удаётся хуже: нет ни имён детей, ни портретов, ни пронзительных подробностей, вызывающих жалость или отчаяние. Семейное счастье представлено почти рекламной картинкой о прогулках по Парижу, благоустроенной квартирой и последней заботой – купить жене посудомоечную машину. Очевиден стереотип киношного изображения любви как безмятежной гармонии, а отношение к сыну высказано поразительно деревянным языком: «Это ведь так прекрасно, когда ребёнок из живой куклы становится человеком» [5. С. 19]. Сказывается и акцент на телесной рефлексии роковой ситуации. Знаменательно, что воспоминание о жене сопровождается физиологической реакцией: «Затошнило. Колосов открыл глаза, сел, и его вырвало вязкой, жёлтой струёй. Одновременно член метнул в воду беловатое семя» [5. С. 22]. Телесный дискурс, контраст болезненного состояния и рефлекторных

возможностей плоти видится автору более убедительным в раскрытии ситуации предельного экзистенциального напряжения.

В этом он следует в том числе за Л. Андреевым, который сосредоточенно разрабатывал тему приготовления к смерти в знаменитом «Рассказе о семи повешенных» (1908). Параллель обусловлена и признанием Сенчина об особом интересе к реалистической прозе Андреева: «Он, по-моему, ярче всех остальных писателей показал то, что происходило в русской жизни на стыке девятнадцатого и двадцатого веков. <...> Я вижу в произведениях Андреева 1898–1908 годов много схожего с тем, что произошло через столетие, вплоть до года, чувствую близость своего сознания с сознанием его героев» [7. С. 272]. Родство сказывается в том, что анализируется психология идейных самоубийц – террористов начала XX в. и бизнесмена, не пожелавшего прятаться от расплаты или купить несколько часов ложным обещанием всё уладить. Так внутреннее течение мыслей венчается ясным словом: «Правильнее как-то получить пули, чем прятаться... Этих, прячущихся, называют в последнее время хусейнами. И они хуже убитых, ниже. Их презирают, они, как опущенные. <...> – Правильней выйти, – сказал себе Колосов, подводя итог хоть смутным, невольным, но сомнениям» [5. С. 31]. Сенчинский Колосов родствен андреевскому Сергею Головину, волевому, бесстрашному, но в канун казни удручённому своей невольной слабостью: «Боялся не он – боялось его молодое, крепкое, сильное тело» [9. С. 452]. Так и герой Сенчина никак не может справиться со слабостью ног, горьким вкусом во рту. Поначалу это понятное состояние раздвоенности духа и плоти: «Мозг смирился, а пальцы, желудок, сердце боролись. Сердце билось и рвалось изнутри, тоже хотело бежать, спастись» [5. С. 11]. Мужественный Колосов не может победить биологический инстинкт и брезгливо смыть постоянно выступающий предательский пот: «Где-то читал или слышал, что в человеке живёт несколько килограммов бактерий. И вот, наверное, чувствуя близкий конец своего обиталища, вся эта микроскопическая живность полезла из него, спасалась» [5. С. 21]. В действительности килограммы бактерий обитают в кишечнике, но до такой подробности очищения организма автор своего героя не унизил.

Переживание близости смерти как страдания плоти – первый и очевидный уровень правды, но вопрос, хочет или может жёсткий реалист начала XXI в. последовать за духовным и художественным опытом классики прошлого века? Или жизнь вообще стала такой примитивной, что душевная организация современника не способна обрести опыт трансцендентальных прозрений? Или сказывается приверженность самого автора к сугубо земному как последней правде о человеке?

Разница между Сенчиным и классикой изображения предельной ситуации – в отношении к недоговорённому слову и мистической образности. Жёсткий Толстой описывал последние мгновения князя Андрея как борьбу с чем-то жутким, ломившимся в двери, и он же обошёлся местоимением «то» для обозначения чуда преображения, к которому стремился Иван Ильич, таков был язык сознания героя, а для обозначения его нового состояния понадобился архетипический образ света. Модернист Андреев посвятил рассказ Толстому, очевидно, не только в ответ на его протестное «Не могу молчать» (1908) и так же построил психологический сюжет на переходе к очищению в

финале. Он не был удовлетворён одной физиологической правдой и номинативной точностью слов, для описания самосознания перед лицом смерти потребовалась выразительная метафора, и, раскрывая саморефлексию Головина, автор прибег к толстовскому приёму остранения: «Когда он проснулся в камере с ясным сознанием, что с жизнью всё покончено, что впереди только несколько часов ожидания в пустоте и смерть, – стало как-то странно. Точно его оголили всего, как-то необыкновенно оголили – не только одежду с него сняли, но отодрали от него солнце, воздух, шум и свет, поступки и речь» [9. С. 453]. Наконец, объективное повествование (таков ход автора) признаётся в недостатке слов для представления пограничного опыта: «И не в том было мучение, что видна смерть, а в том, что сразу видны и жизнь и смерть. Свято-татственнымую рукою была отдёргнута завеса, сызвека скрывающая тайну жизни и тайну смерти, и они перестали быть тайной, – но не сделались они и понятными, как истина, начертанная на неведомом языке. Не было таких слов на его человеческом языке, которые могли бы охватить увиденное. <...> Так было бы с человеком, если бы он, оставаясь в пределах человеческого разума, опыта и чувств, вдруг увидел самого Бога, – увидел и не понял бы, хотя бы и знал, что это называется Бог, и содрогнулся бы неслыханными муками неслышанного непонимания» [9. С. 454]. Андреев не настаивает на общечеловеческом законе мистического преображения, поэтому с другим приговорённым, суровым сверхчеловеком Вернером, предсмертное очищение происходит как преодоление презрения к людям и обретение любви: «– Милые товарищи мои! Милые вы, товарищи мои! / В этом горько плачущем и сквозь слёзы улыбающемся человеке никто не признал бы холодного и надменного, усталого и дерзкого Вернера – ни судьи, ни товарищи, ни он сам» [9. С. 465]. Глава, посвящённая Вернеру, называется «Стены падают», в ней решена тема обретения полной свободы через любовь, как это произошло в конце жизни с князем Андреем. В целом «Рассказ о семи повешенных» написан в духе толстовского христианства – вплоть до помещения на эшафоте среди мучеников идеи разбойника Цыганка, тоже пережившего преображение.

У Сенчина никаких симптомов религиозной рефлексии нет – ни у героя, ни у автора. Но можно отметить косвенные указания на высокую символику: последний день Колосова приходится на воскресенье и само имя Евгений (благородный) и фамилия (колос, полный зерна, которое упадёт не на обочину и не на камень) позволяют говорить, что опыт чтения и сопереживания героям Толстого и Андреева не остался невостребованным. Можно предположить, что мотив финального просветления тоже представлен, но – редуцированно, в соответствии с обмирщённым культурным самосознанием героев. Колосов встречает смерть словами песни, которую слушал в той же ситуации его товарищ Дрон: «Там для меня горит очаг, / Как вечный знак / Забытых истин...» [5. С. 31]. Момент встречи со смертью написан почти мистически, киллер является чуть ли не из пустоты (на пройденной лестнице никого не было), диалог с небытием дан кратко и сильно: «– Как вечный знак... / – Евгений Николаевич? – спросили за спиной. / Не оборачиваясь, Колосов сказал: / – Да. / Голову его сильно дёрнуло вперёд и вбок. Звука выстрела Колосов уже не услышал» [5. С. 33]. Физиология ощущений в описании конца воспроизводит законы сенсорики и закономерна для телесно акцентированного

изображения человека, когда именно простые и ясные слова создают эффект мистического и возвышенного подтекста. Ответ «Да», а не «Я» можно толковать как согласие с фатумом, как победу над эго и как норму представления при деловой встрече. Знак «вечности» в образе горящего очага – редуцированный мотив финального просветления, неслышанный выстрел при желании выглядит сигналом здешнего мира, уже не действительным для вступившего в вечность. Так просто выглядит новая свобода – но всё-таки существования ли?

Психологический разбор двух реалистических текстов, посвящённых чрезвычайно ответственной теме приближения к смерти, требующей особой тонкости и сострадания, позволяет обнажить проблемы изображения современного человека писателем новой генерации. Метафизические интуиции среднего, «нормального» человека – первый вопрос для писателя, представляющего свободное как от идеологии, так и от веры поколение. Это проблема не качества изображения героя, а горизонтов самоопределения как духовно неразвитого персонажа, так и личности определённой, вполне убедительной в своей значительности. Ни Ёлтышевы, ни Колосов к Богу не апеллируют. Очевидно, по Сенчину, истина самостоянья находится внутри человека – и он сам в меру своих духовных сил справляется с экзистенциальным и нравственным выбором. Это не только редукция личных качеств, но редукция представлений о личности: она равна себе и не вырастает в процессе самораскрытия.

Вторая проблема – всё-таки дефицит любви – но уже как проблема художественных возможностей. К сенчинскому изображению примитивных чувств вопросов нет: семейная любовь Ёлтышевых не одухотворена, это привязанность крови и быта, но таковы их предельные возможности, в чём убеждает не сочувствующий своим персонажам мастер. С Колосовым сложнее: автор, несомненно, любит героя, герой – жену, детей, старых товарищей. Но, возможно, из-за жёсткости позиции (или ограниченности воображения?) автора герою не дано пережить это чувство богаче, чем вспышки сексуальной и сентиментальной памяти в отношениях с женой, он не может раскрыться в переживании привязанности к ребёнку, в припоминании лиц товарищей (кроме единственного образа обречённого Дрона, который проецируется на него самого). Очевидно, редукция художественных средств – следствие редукции чувств, коллапса эмоциональной сферы личности, свернувшей связи с миром до здешнего присутствия.

Третья проблема – глубина рефлексии персонажа, но она связана с объективной проблемой современного человека, редуцированного в своих жизненных стремлениях. Автор, видимо, оказывается заложником этой общей тенденции, и он не намерен её преодолевать хотя бы собственным порывом к неведомому, не доступному в ощущениях. Способность победить собственную неприязнь к герою отнюдь не новая проблема, с ней справлялись классики: самый естественный способ открыть в себе великодушие – показать неприемлемого персонажа страдающим и бессильным, и смерть Ивана Ильича или Евгения Базарова тому подтверждение. Судя по «Ёлтышевым», Сенчин не умеет писать сочувственно к тем, кто недостоин существования: чем бессильнее его герои, тем они отвратительнее. Такова правда жизни. И современный писатель, в отличие от классиков, ей не сопротивляется. В этом

мужество безыллюзорности, бескомпромиссность, неподвластность искушению пожалеть хотя бы читателя, но нет воли к самопреодолению, которую передавали своим героям классики. Сочувственное изображение Колосова обусловлено его мужеством, да и сам герой, принимающий смерть от кредиторов, рассчитывает на специфическое уважение своей «референтной группы», оценившей в нём достоинство не убегающего от ответственности. Так через императив чести невольно утверждается новая мораль денег, которую никогда не признавали классики (застрелившийся разорённый отец Живаго – исключение и антитеза сыну), тем более не представлявшие наёмного убийцу орудием рока. Очевидно, что герой всё-таки не поднялся над средой, не обрёл полную свободу личности. Может быть, Сенчин в неё не верит, может быть, эта тема не кажется ему ключевой в изображении человека, или свобода не связана с самопреодолением границ, а равна сохранению достоинства перед смертью.

Претензии к Сенчину, сознательно производящему редукцию любви и смыслов, выходящих за пределы современных отношений, обусловлены его статусом лидера в поколении. Как отмечает вдумчивый и независимый критик Л. Данилкин (1974 г. р.), принадлежащий к той же генерации, «это настоящий Мастер; знаете, я ему предрекаю место в самом высшем пантеоне» [10. С. 321]. Если редукцию производит мастер, т. е. художник с повышенной внутренней рефлексией, это не недостаток опыта или способностей, но проявление природы – новой природы талантливого русского человека.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 15 т. СПб., 1996.
2. *Сорокин В.* Mea culpa? «Я недостаточно извращён для подобных экспериментов» // НГ – Ex libris. 2005. 14 апр.
3. *Сенчин Р.* Ёлтышевы: роман. М., 2009.
4. *Чехов А.П.* Остров Сахалин. Из путевых записок / Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1956. С. 39–379.
5. *Сенчин Р.* Ждём до восьми: повесть // Знамя. 2013. №9. С. 9–33.
6. *Достоевский Ф.М.* Идиот: роман. Л., 1987.
7. *Роман Сенчин: «Если слушать писателей – всё развалится»* // Прилепин З. Именины сердца: разговоры с русской литературой. М., 2009. С. 262–281.
8. *Толстой Л.Н.* Смерть Ивана Ильича / Толстой Л.Н. Холстомер: повести и рассказы. М., 2009. С. 277–353.
9. *Андреев Л.* Рассказ о семи повешенных / Андреев Л.Н. Проза. Публицистика. М., 1998. С. 406–482.
10. *Лев Данилкин: «Объективная история современной литературы пока невозможна»* // Прилепин З. Именины сердца: разговоры с русской литературой. М., 2009. С. 313–325.

ON REDUCTION OF THE PSYCHOLOGICAL ASPECT IN CONTEMPORARY PROSE.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 109–125. DOI 10.17223/19986645/28/10
Plekhanova Irina I., Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: oembox@yandex.ru

Keywords: psychology, realism, anthropocentrism, reflection, sense of time.

The article proposes to discuss the problem of changing the quality of the psychological aspect in the prose of the new generation of authors that came into literature in the post-USSR period. The article reviews common cultural preconditions of simplification of viewing the human being and methods of its portrayal: rejection of anthropocentrism; dehumanization of art; influence of natural science and cinematographic aesthetics; media pressure; the spiritual potential of writers. It seems that the purpose

of modern literature consists in rehabilitation of the human being after the anthropological defeat of the 20th century; after scientific decoding of secrets of psychological activity; after aggressive domination of mass visual arts. It seems that conceptions of human's nature are exhausted, as well as the classic heuristic principle of depicting a character in its development, self-knowledge, ambiguity, and charming originality. Complicated psychology assumes the depth of internal life and the secret of personality, while simplified psychology assumes well-known behavior and univocacy of definition. The problem of rehabilitation is complicated by dehumanization of art that is concentrated on exploring the opportunities of creating new forms, and by intellectual dominant in artistic thinking on the edge of the 20th and 21st centuries. Evident conventionality gives a symbolic insight of the human being, that is why discussing the quality of the psychological aspect and adaptability of the traditional principles of depicting the human being is relevant only for the kind of prose that pretends to imitate real life, social meaning of the concept and objectivity of the author's vision.

Comparison with the classic literature of the 19th-20th centuries (F. Dostoevsky, L. Tolstoy, L. Andreev) is made by example of how R. Senchin's prose (*Elytshevy* (*The Yeltyshevs*), *Zhdom do vos'mi* (*Let's Wait Until Eight*)) depicts the character approaching death. The writer proved to be a radical realist. The psychological aspect of his prose is very analytical, but it reflects modern trends: the biosocial accent of depicting the degradation of family; scarcity of descriptions; dependence on cinematographic effects, and the accent on reflection of modern time. The main problem here is the deficit of sympathy for characters (*Elytshevy*) and the distrust in the very possibility of human's spiritual transformation. It is not necessarily reduction of personal qualities, but reduction of the very concept of personality, which is shown as equal to itself and does not develop in the process of self-opening.

The Russian tradition of portrayal of the process of conscious approaching to death shows a gradual renunciation of one's egoistic "I", overcoming bitterness, resentment and alienation, and finding love for the world and for people who stay close before one's death. Finally, this tradition shows the discovery that there is no death, but there is a transition and a new beginning. The reasons that R. Senchin's characters cannot experience the depth of existential insight are not only in their social degradation or narrow mental outlook, but also in the denial of the spiritual crisis by the writer himself. Deficit of love becomes apparent as a sign of the spiritual crisis, reduction of the creative power of contemporary author's consciousness.

References

1. Dostoevsky F.M. *Sobraniye sochineniy v 15 t.* [Collected works in 15 vols.]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1996.
2. Sorokin V. Mea culpa? "Ya nedostatochno izvrashchen dlya podobnykh eksperimentov" [Mea culpa? I'm not perverted enough for such experiments]. *NG – Ex libris*, 2005, April 14.
3. Senchin R. *Elytshevy* [The Yeltyshevs]. Moscow, Eksmo, 2009. 320 p.
4. Chekhov A.P. *Ostrov Sakhalin. Iz putevykh zapisok* [Sakhalin Island] in *Sobr. soch. v 12 t* [Collected works in 12 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1956, pp. 39 – 379.
5. Senchin R. *Zhdom do vos'mi* [We'll wait up to eight]. *Znanya*, 2013, no. 9, pp. 9 – 33.
6. Dostoevsky F.M. *Idiot* [The Idiot]. Leningrad, 1987.
7. Prilepin Z. *Imeniny serdtsa: razgovory s russkoy literaturoy* [Birthday of the heart: conversations with Russian literature]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2009, pp. 262 – 281.
8. Tolstoy L.N. *Kholstomer: povesti i rasskazy* [Kholstomer: short stories]. Moscow, Belyy gorod Publ., 2009, pp. 277 – 353.
9. Andreyev L. *Proza. Publitsistika* [Prose. Essays]. Moscow, 1998, pp. 406 – 482.
10. Prilepin Z. *Imeniny serdtsa: razgovory s russkoy literaturoy* [Birthday of the heart: conversations with Russian literature]. Moscow, AST, Astrel Publ., pp. 313 – 325.

УДК 821.161.1-1

DOI 10.17223/19986645/28/11

С.Ю. Суханова, П.А. Цыпилёва

ФУНКЦИИ АНТИЧНОГО ПРЕТЕКСТА В ЛИРИКЕ А. КУШНЕРА

Статья посвящена исследованию роли античного претекста в лирике А. Кушнера. Целью работы является выявление причин включения Античности в художественный мир поэзии А. Кушнера и определение функций античного претекста в его лирике. В художественной концепции мира А. Кушнера жесткие временные границы между прошлым и настоящим отсутствуют, деятели прошлого и современники поэта (в том числе и сам лирический герой) присутствуют в едином для всех эпох художественном пространстве, где существуют одновременно, общаясь между собой посредством поэзии. Концепция повторяемости времен и сходное с римскими стоиками мироощущение А. Кушнера обусловили обращение к Античности и наследию римских авторов. Образ мира поэта обнаруживает корни в философии поздних римских стоиков.

Ключевые слова: А. Кушнер, рецепция, интертекст, античная литература; русская поэзия.

В своей поэзии и эссеистике А. Кушнер осмысляет творчество и жизненный путь широкого круга предшественников – представителей русской, зарубежной и античной литературы: поэт посвящает им эссе, использует их строки в качестве эпиграфов к стихотворениям, включает их имена, цитаты и реминисценции из их текстов в художественный мир своей лирики. «Филологичность А.С. Кушнера – явление внутреннее, свойство его образного мышления, определяющее индивидуальный «ракурс», «угол зрения» на предметы и явления мира» [1].

Как правило, детальному осмыслению в прозе подлежат судьбы и творчество русских поэтов: эссе А. Кушнера посвящены А. Пушкину, Е. Баратынскому, А. Фету, Ф. Тютчеву, И. Анненскому, А. Ахматовой, О. Мандельштаму, Б. Пастернаку, И. Бродскому и др.; их поэтические строки служат эпиграфами к стихотворениям А. Кушнера. Лирические тексты поэта насыщены именами греческих и римских авторов (Гомер, Алкей, Еврипид, Катулл, Овидий, Гораций, Петроний, Вергилий, Плиний, Марциал, Плавт, Тацит, Ювенал). Труды Тацита, Светония, письма Плиния, стихи Катулла А. Кушнер называет своими любимыми книгами [2], в интервью и эссе в связи с размышлениями о трагизме жизни упоминает имена Сенеки и Марка Аврелия [3, 4]. Так, обращение к трудам античных авторов, активное использование аллюзий и реминисценций, связанных с Античностью в лирике А. Кушнера, служат основанием для осмысления причин обращения поэта к Античности.

В критических и научных исследованиях указывается на присутствие в поэзии А. Кушнера античных цитат, аллюзий и реминисценций. Так, О.В. Мирошникова упоминает об античных сюжетах, говоря о широте тематического диапазона [1]; использование античных реминисценций в поэзии А. Кушнера отмечают А. Арьев [5], А. Машевский [6], Л. Дубшан [7], Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий [8] и др. Вместе с тем отсутствуют обоб-

шающие работы, посвященные анализу роли античного наследия в лирике А. Кушнера и выявлению причин обращения поэта к Античности.

Кроме того, диалог А. Кушнера с античными стоиками не становился предметом специального исследования, хотя не раз отмечалось, что мужество, стоицизм, принятие мира являются важнейшим аспектом его художественного сознания. Так, говоря об обращении А. Кушнера к творчеству Пушкина, Т.Л. Рыбальченко определяет смысл их творческого сближения: «В годы мирового признания Бродского и возвращения его поэзии в Россию Кушнер в «Заметках на полях» выделяет ряд имен, с которыми связывает не откровенность отчаяния, а мужество стоицизма, «пушкинский путь» (называя Рублева, Вермеера)...» [9. С. 256–257]. И. Бродский пишет: «Поэтика Кушнера, говоря коротко, поэтика стоицизма, и стоицизм этот тем более убедителен и, я бы добавил, заражающ, что он не результат рационального выбора, но суть выдох или послесловие невероятно напряженной душевной деятельности» [10. С. 6].

Целью работы является выявление причин включения Античности в художественный мир поэзии А. Кушнера и определение функций античного претекста в его лирике.

В концепции А. Кушнера историческое время характеризуется повторяемостью событий: все империи проходят равные этапы развития, вслед за расцветом неизбежно приходит упадок и разрушение (« – Все империи разваливаются, друг мой, – / Говорил я у римских развалин в стране чужой» [11. С. 18]). Взгляд поэта обращен в прошлое, так как дистанция между прошлым и настоящим, а также целостность, завершенность, сформированность Античности и непричастность поэта к описываемой эпохе позволяют максимально полно и объективно анализировать социальные, исторические, политические и культурные явления, которые оказываются идентичны событиям современности. Современность, текучая и изменчивая, осмысливается посредством восприятия завершившей полный цикл развития Античности.

В художественной концепции мира А. Кушнера деятели прошлого выстраиваются в строгой хронологической последовательности («Цезарь, Август, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон... <...> / Ни порвать, ни разбить, ни местами нельзя поменять» [12. С. 63]), однако жесткие временные границы между прошлым и настоящим отсутствуют, деятели прошлого и современники поэта (в том числе и сам лирический герой) присутствуют в едином для всех эпох художественном пространстве, где существуют одновременно, общаясь между собой посредством поэзии: «Фет стихи посылает Толстому... / Это Пушкину нравится тяга / И случайность в стихах Пастернака, / Это Тютчеву мил Мандельштам» [13. С. 40].

А. Кушнер пишет с оглядкой на своих предшественников, так как и они оценивают его творчество: «Но лгать и впрямь нельзя, и кое-как / Сказать нельзя – на том конце цепочки / Нас не простят укутанный во мрак / Гомер, Алкей, Катулл, Гораций Флакк, / Расслышать нас встающий на носочки» [14. С. 95]. Современность и прошлое существуют в художественной модели мира А. Кушнера одновременно, диалог поэтов прошлого и настоящего непрерывно ведется в едином поле поэтических текстов. Так строится пересечение

времен и рождается единое вертикальное время, в котором все времена окликают друг друга, и средством этой коммуникации оказывается поэзия.

Концепция единообразия всех эпох А. Кушнера имеет сходство со взглядами на историю римских стоиков. Ср.: А. Кушнер: «А воз и ныне там, где он был найден нами. / Что делать? Вылеплен так грубо человек. / Он не меняется с веками, / Хотя и нет уже возов тех и телег <...> Иначе бы мы древних понимали?» [14. С. 66]), «Марциал, унывать нам смысла нету. / Если так у вас было в жестком Риме, / То, поверь, точно так и в Ленинграде» [15. С. 119]; Марк Аврелий: «Кто видел настоящее, тот уже видел все, бывшее в течение вечности <...> Ибо все однородно и единообразно» [16. С. 310], «поэтому и безразлично, будешь ли ты наблюдать человеческую жизнь в течение сорока лет или же десяти тысяч лет. Ибо что увидишь ты нового?» [16. С. 319].

В стихотворении «Хотел бы я поверить в час ночной...» (2008) [13. С. 7] лирический субъект, обладающий сознанием современного человека, представляет модель мира, соответствующую воззрениям римских стоиков. Именно влияние концепции стоиков (а не самостоятельно выработанная философия) подчеркнуто в трижды повторяющихся словах «хотел бы я поверить».

Стоики представляют мир единым целым, лишенным пустоты, состоящим из отдельных, но взаимосвязанных элементов, в нем все логично и упорядочено, подчинено необходимости, строго детерминировано. Марк Аврелий: «Мир или стройный порядок или же смешение и путаница. Но несомненно первое. Или в тебе может существовать известный строй, а во всем должно быть настраение? И это, когда все различено, расчленено и находится в постоянном взаимодействии!» [16. С. 291], «Чаще размышляй о связи всех вещей, находящихся в мире, и об их взаимоотношении. Ибо все они как бы переплетены между собою и поэтому в содружестве друг с другом, следуя друг за другом в определенном порядке. Это объясняется непрерывностью движения, общей согласованностью и единством сущности» [16. С. 310]; «Все сплетено друг с другом, всюду божественная связь, и едва ли найдется что-нибудь чуждое всему остальному. Ибо все объединено общим порядком и служит к украшению одного и того же мира» [16. С. 314].

Мировое пространство представлено как совокупность хаотически расположенных, однако взаимосвязанных элементов, служащих строительным материалом для создания единого целого. И хотя творящим началом и основой мира служит хаос («хаос – заготовка вещества, / Строительный несметный матерьял, / Подручная основа волшебства, / Чудесная возможность всех начал») [13. С. 7], в мире все подчинено высшему разумному закону, а потому логично и упорядочено («Хотел бы я в разумный небосвод / Поверить, в предначертанность орбит») [13. С. 7]. Высший закон – это судьба, фатум, или логос. Логос равен богу, или мировой душе («Хотел бы я поверить, что живет / Душа и там, где наших нет обид» [13. С. 7]), правит миром, в котором все предначертано: «...среди звезд случайной ни одной, / Напрасной ни одной и праздной нет, / ...все они недаром зажжены» [13. С. 7]).

Понятие «логос» впервые встречается в трудах не стоиков, а Гераклита Эфесского. Логос, по Гераклиту, – это закон, всеобщая смысловая связь сущего [17. С. 60]. В дальнейшем именно от Гераклита стоики почерпнули учение о мироправящем логосе, или законе, а также мысль о происхождении ми-

ра из огня и о периодически повторяющемся возвращении мира в огонь [18. С. 336–337].

В стихотворениях А. Кушнера «Венеция» (1998) [19. С. 17], «Я все-таки, представь себе, в Эфес...» (2002) [20. С. 41], «Кто душу назвал пауком? Гераклит» (2006) [21] воспроизводится и интерпретируется философия древнегреческого мыслителя Гераклита. В строке А. Кушнера «Все течет. И при этом горит» [19. С. 18] находят выражение два основных положения философского учения Гераклита – древнегреческого материалиста и диалектика, первое из которых передает Платон в диалоге «Кратил» («все движется и ничто не покоится <...> невозможно дважды войти в ту же самую реку» [18. С. 16]), а второе является исходным пунктом учения Гераклита о космосе: «Этот космос, один и тот же для всего [сущего], не создал никто из богов и никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим» [17. С. 54].

Гераклиту был присущ пессимизм во взглядах на жизнь, вследствие чего философ, в отличие от «смеющегося» Демокрита, получил прозвище «плачущий» («Он, плачущий философ, из огня / В слезах таскал для нас свои понятия» [20. С. 42]). Гераклит постигал вечную изменчивость в природе и общественной жизни, вечное движение, которое в то же время есть и вечное изменение [18. С. 16–17]. А. Кушнер, вслед за Гераклитом, признает вечную текучесть времени и изменение души: «Проплывшим вдвоем / Этот путь, как прошедшим по краю / Жизни, жизнь предстает не огнем, / Залетевшим во тьму, но водою, / Ослепленной огнями, обид / Нет, – волненьем, счастливой бедою. / Все течет. И при этом горит» [19. С. 18]; «Это город Гераклита / Эфесского, вменившего душе / В обязанность огнем пылать открыто. / Он, плачущий философ, из огня / В слезах таскал для нас свои понятия / И, может быть, в виду имел меня, / Тебя, всех, всех, для нас свои объятья / Горячие раскрыв: огонь течет, / Меняется душа, взрослеют дети, / Гори и ты, как этот небосвод, / Как знойные пылают горы эти» [20. С. 42].

Учение Гераклита, которое состоит в выделении противоположностей из огня и в последующем возвращении всех вещей в огонь, имело сильное влияние на Эмпедокла, Платона, Аристотеля – древнегреческих философов, чьи имена упоминает в своей поэзии А. Кушнер: «А что до теории нашего происхождения, / То самая грубая принадлежит Эмпедоклу...» [11. С. 50], «Ты, душа, энтелехия, как говорил / Не Платон, а строптивый его ученик...» [22. С. 24], а также на поздних римских стоиков (Сенека, Марк Аврелий).

Итак, если логос равен богу, или мировой душе, то мировая душа состоит из множества отдельных душ. Образ души возникает на ранних этапах творчества А. Кушнера. Представление лирического героя о душе восходит к учению античных философов (Гераклит Эфесский, Сократ, Платон, Аристотель, Сенека, Марк Аврелий), полемизируя или соглашаясь с которыми А. Кушнер выстраивает в своей лирике оригинальный образ души.

Античные философы не ставили под сомнение существование души человека и животных. В философском учении Гераклита душа является «разумным и мыслящим», «божественным» разумом, человек становится разумным, втягивая в себя божественный разум. По А. Кушнеру, душа также есть разум, поэтому именно душа дорастает до смысла по мере взросления чело-

века: «Лет двадцать пять должно пройти. / Душа, цепляясь по пути / За все, что высылось и висло, / Цвело и никло, дорости / Сумеет, нехотя, до смысла» [12. С. 29].

Гераклит, говоря о связи души, наделенной разумом, и тела, уподоблял их пауку и паутине: как паук чувствует, что нить повреждена, и бежит туда, где запуталась муха, так и душа человека стремится к месту, где соприкоснулись ее тело и внешний предмет [17. С. 59–60] («Кто душу назвал пауком? Гераклит. / А тело сравнил с паутиной. / За что на нее он так страшно сердит? / И врач-психиатр его мысль подтвердит / Своей саркастической миной» [21]).

Душа по своей природе есть у Гераклита воздух или тонкое и подвижное испарение. Так же у Кушнера душа – легкая субстанция, прозрачная, шарообразная, воздушная: «Душа – таинственный предмет. / И если есть душа, то все же / Она не с крылышками, нет! / Она на колбочку похожа. / Прозрачна так же и чиста / И, как она, шарообразна. / Пар на морозе изо рта / Ее очерчивает ясно» [23. С. 94], «То, что мы зовем душой, / Что, как облако, воздушно / И блестит во тьме ночной / Своенравно, непослушно» [24. С. 5].

Существует еще одна сторона понимания Гераклитом «души» – ее сопоставление с огнем как первоначалом, которая также воплощается в поэзии А. Кушнера. В стихотворении «Душа – таинственный предмет...» [23. С. 94] лирический герой метафорически представляет жизнь души, и это описание восходит к философии Гераклита Эфесского, который, будучи материалистом, выводившим все из огня, пытался возвести душу к ее материальной основе. Поэт представляет жизнь души метафорически как жизнь огня в колбочке: «Сжимаясь ночью от обид, / Она весь день в огне проводит. / В ней вечно что-нибудь кипит, / И булькает, и происходит: / Взрывается и гаснет вновь, / Откладывается на стенки» [23. С. 94]. Однако этот огонь есть эмоции. Так, по Кушнеру, душа – легкая субстанция, жизнь которой идентична жизни огня («кипит», «булькает», «взрывается», «гаснет», «откладывается на стенки»), но не потому, что она умирает и возрождается, как в учении Гераклита, а потому, что ей принадлежат эмоции («И получается любовь, / И боль, и радость, и оттенки» [23. С. 94]). И если, по Гераклиту, душа после смерти сливается со всеобъемлющей живой природой с тем, чтобы вновь из нее родиться, то, по А. Кушнеру, душа бессмертна, хотя приметы бессмертия души «еле-еле видны». В этом он полемизирует с Гераклитом, утверждающим вечный круговорот, смерть и возрождение: «Кто душу назвал пауком? Гераклит. / А тело сравнил с паутиной. / За что на нее он так страшно сердит? / И врач-психиатр его мысль подтвердит / Своей саркастической миной. / Я не поленился и в книге нашел / Скульптурный портрет Гераклита. / Итак, бородат, волосат, полугол, / И взгляд неприятен, пожалуй, тяжел, / И в каменных складках хламида. / А как же душа и скептический взгляд / На эту субстанцию? Явимся в сад / Загробный, поверив в спасенье: / Висит паутина, и нити блестят. / Снует паучок — загляденье!» [21].

Бессмертие – это важное свойство души лирического героя А. Кушнера: («Телефонный звонок и дверной – / Словно ангела два надо мной <...> Разрывают на части меня. / И дерутся, пока я стою, / За бессмертную душу мою») [23. С. 21]. Говоря о бессмертии души, А. Кушнер продолжает философскую традицию Сократа, Платона, Аристотеля, Сенеки. По Платону, бог

образует души по числу неподвижных звезд, каждую из них соотнося с соответствующей звездой. После смерти тела души возвращаются «в обитель соименной звезды» и ведут там блаженную жизнь [17. С. 177–178]: «Хотел бы я поверить в час ночной, / Когда во всех домах погашен свет, / Что среди звезд случайной ни одной, / Напрасной ни одной и праздною нет, / Что все они недаром зажжены, / И даже те, что умерли давно, / Влияют и на судьбы, и на сны, / И в погребке на старое вино» [13. С. 7]; «Как будто в самом деле чья-то / Малоуспешная душа / Переселилась виновато / В них, здесь живущих не спеша. / Об этом что-то у Сократа / Есть. И в лягушку, и в ежа» (2006) [25].

Таким образом, душа бессмертна и разумна, однако ей принадлежит не только разум, душа человека отвечает за мир эмоций. Жизнь души проявляется на теле: краска, приливающая к лицу, улыбка, подкожная судорога – приметы жизни души. По Кушнеру, разум, мысль взаимосвязаны с эмоциями, имеющими телесное выражение (сердцебиение, дыхание, смех, плач, судорога, дрожь, жар, бред – признаки жизни души: «Без этой краски, приливающей / К лицу, без судороги подкожной / Кому нужна душа, без тающей / Улыбки нежной, осторожной? / Мысль, только мысль? Но мысль – и та еще, / Как знать, представится ль возможной? / Ей, мысли, нужно раздражение, / Телесный нужен отголосок. / Она мертва без отношенья, / Без жил, прожилок и желёзок. / Ей тоже важно наважденье / Сосновых смол и свежих досок. / Сердцебиение, дыхание, / Мысль дремлет без их учащенья. / Среди безвкусного питания / Она так любит угощенье / Объемом, запахом, осязанье, / Сучка слепое утолщенье. / О, сшибка чувств и мыслей сутолока – / Над смертью легкий мост висячий! / Древесный средь земного сумрака / Глядит во тьму глазок незрячий. / Душа есть смех, есть плач, есть судорога, / Есть вздох, и нет ее иначе» [12. С. 25].

Наделяя душу эмоциональным содержанием, А. Кушнер полемизирует с древними мыслителями: «Душа не то, что нам твердят / В течение двух тысяч лет / О ней. От головы до пят / Вся – дрожь, вся – жар она, вся – бред! / Ее целуют, с нею спят. / Она на пальцах у меня, / На животе, на языке, / И ангелы мне не родня! / И там, где влажного огня / Мне не сдержать, и на щеке» [11. С. 83].

Выше упоминалось, что античные философы не ставили под сомнение существование души человека и животных. Однако, по Кушнеру, душу имеет не только человек, но и материя: «Разрешите мне, Вергилий, добавить, что есть душа / У материи тоже, не только у человека» («Что Вергилий про воду в ведре и про лунный луч...» (2011)) [26], и в этом поэт также полемизирует с античными мыслителями.

Человек неминуемо расстается с душой. Если человек имеет душу, то смерть есть отделение души от тела (как в философии стоиков, так и в поэзии А. Кушнера): «То, что мы зовем душой, / Что, как облако, воздушно / И блеснет во тьме ночной / Своенравно, непослушно <...> То, что мы должны вернуть, / Умирая, в лучшем виде <...> В самом деле хороша, / Бесконечно старомодна, / Тучка, ласточка, душа! / Я привязан, ты – свободна». [24. С. 5]; «Не спрашиваю, где теперь душа? / Но где теперь твой острый слух и зренья? / Нырять стрижа. Но нет без них стрижа. / Ни белых крон, кипящих в отдаленье. / Кому отдал хрусталик чудный свой, / В коробочку его замкнул какую? /

Как если бы пришел к себе домой, / Свет не зажег, разделся, лег вслепую. / А тонкий слух улиткой был завит. / И так любовно льнуло осязанье / К поверхностям... Души не жаль! Томит / Совсем не с ней, а с миром расставанье» [12. С. 30].

Если Гераклит утверждает, что души умирают и возрождаются, Сократ говорит о переселении, а Платон – о блаженной жизни в обители соименной звезды, то Аристотель – о бессмертии поэтической, творческой души. А. Кушнер продолжает традицию Аристотеля: умирает тело, но душа лирического героя – поэта – бессмертна («Ты, душа, энтелехия, как говорил / Не Платон, а строптивый его ученик, / Ты устала, потратив так много чернил, / Столько строк сочинив, повлияв на язык / Поэтический, только! — в обиду не дав, / Как дитя, на растление семье воровской, / Не покинув его, но держа за рукав, / Да не вырвется, не соблазнится тоской / Трехкопеечной, помня и в черные дни / О еще не разгаданном нами родстве, / Но счастливом, лишь руку во тьме протяни, / Со звездой в облаках и дыханьем в листве») [22. С. 24].

Таким образом, отдельная душа в поэзии А. Кушнера бессмертна, разумна, ей принадлежат эмоции. При этом если лирический герой А. Кушнера вслед за Сократом допускает переселение, то только не творческой, поэтической души, уникальной, вечно существующей в космическом пространстве.

Отдельные души составляют душу мировую, равную богу, логосу, судьбе, фатуму. «Судьба» в философском учении стоиков – это необходимость, по которой все происходит в мире, целесообразность мира, целевой план и целевое начало, действующее в мире [18. С. 337]. Противостоять ей бессмысленно, поэтому стоик мужественно и с достоинством повинует судьбе и, более того, любит ее. Мотив трудной жизни и одновременно принятие ее таковой один из важнейших в художественном мире А. Кушнера: «Все жизнью жесткою живем, как жость, простой, / Без завитков и украшений» [12. С. 7]; «Жизнь трудная, крутая, но другой – нету. / Какая есть, такую и любить будем» [12. С. 8]; «Жизнь – это радость, при том что без горя и слез / Жизнь не обходится, к смерти склоняясь и мраку» [13. С. 11]), отсюда возникает и мотив терпения: «Опять на улице мороз, / И скрип подошв, и скрип колес, / И голых веточек скрипенье. / И жизнь поскрипывает так, / Что я твержу себе: «Терпенье!» / А если под вечер: «Приляг...» / Терпенье!» [23. С. 38].

Лирический герой А. Кушнера повинует собственной судьбе, смиренно принимая свое время и место: «Времена не выбирают, В них живут и умирают...» [15. С. 24]; «Как я люблю тебя, город во мраке» [11. С. 15]; «Но мне повезло – я родился в России, такой, / Сякой, возмутительной, сладко не жившей ни дня» [19. С. 29]; «Я в этом городе провел всю жизнь свою, / Не променял его на выгоды и климат» [13. С. 17]; «Затем, что есть любовь и есть такая связь / И есть понятие: единственное место» [13. С. 17]; «С тобой, со мной, с продрогшим садом / Случится мягкая зима. / Окинешь город долгим взглядом: / Какие черные дома! / Блестит фонарь заиндевелый, / И пешеход во мгле дневной, / На миг сойдя с панели белой, / Идет по черной мостовой. / Ты тоже, хмурый и унылый, / Наставив ворот, смотришь вниз. / Не привередничай, мой милый! / Побойся бога, оглянись! / Полузаметен и неяркий, / Как бы увиденный сквозь сон, / Таится город, как подарок, / Что неспроста преподнесен. / Тяжелый снег почти что льется, / Пар вылетает изо рта, / И болью

в сердце отдается / Сырая эта красота» [27. С. 101]; «Закрою глаза и увижу / Тот город, в котором живу, / Какую-то дальнюю крышу / И солнце, и вид на Неву. / В каком-то печальном прозреньи / Увижу свой день роковой. / Предсмертное боли хрипенье / И блеск облаков над Невой. / О, Боже, как нужно бессмертье, / Не ради любви и усад, / А ради того, чтобы ветер / Дул в спину и гнал наугад. / Любое стерпеть унижение / Не больно, любую хулу / За легкое это движенье / С замахом полы за полу, / За вечно наставленный ворот, / За вечную невскую прыть, / За этот единственный город, / Где можно и в горе прожить» [27. С. 115].

Таким образом, глубокое внутреннее противоречие пронизывает как стоическое учение, так и лирику А. Кушнера: мотив всеобщей обреченности порождает пассивность человека, превращая безнадежность в торжество над обстоятельствами благодаря идеалу мужественной красоты. Ср.: Марк Аврелий: «Я счастлив потому, что, хотя это и случилось со мной, я все же не предаюсь печали, не сломлен настоящим, не трепещу перед грядущим... Разве случившееся мешает тебе быть справедливым, великодушным, благоразумным, рассудительным, осторожным в суждениях, правдивым, скромным, откровенным...» [16. С. 295]; А. Кушнер: «...лучше снег, / Нет, лучше белый снег, летящий на дорогу. / Нет, лучше тучами закрытое на треть, / Снежком слепящее, туманы и метели. / Нет лучшей участи, чем в Риме умереть. / Мы не умрем с тобой: мы лучшей не хотели» [14. С. 11]; «Кто нам сказал, что мир у ног / Лежит в слезах, на всё согласен? / Он равнодушен и жесток. / Зато воистину прекрасен» [28. С. 53].

Это возвышенный трагизм стоиков, утверждающих существование гармонии добра и зла в мире, которые зависят от человека и выбираются им добровольно: «Потому и трагична, что в ней, / Кроме смерти и горя, / Есть и хищный узор скатертей, / И дыхание моря» [29. С. 63]; «Да, этот мир жесток и суров, — / Все же в нем место нашлось для стихов. / Значит, тем более, есть в нем ходы / Для справедливости и доброты» [28. С. 107]; «Если камешки на две кучки спорных / Мы разложим, по разному их цвету, / Белых больше окажется, чем черных. / Марциал, унывать нам смысла нету» [15. С. 119]; «Что шума деревьев просторней и шире? / Лишь моря накат вдоль дорожных обочин. / Наверное, не уменьшается в мире / Количество зла — и процент его точен / И вечен, иначе бы лопнуло что-то, / Нарушился принцип и ось надломилась, / Но кроны — вне сметы, и волны — без счета, / И в этом — великая радость и милость! / Иль думаешь, гений, которого в прошлом / Природа, любясь собой, поместила, / Провел свою жизнь меж постыдным и пошлым, / А ты опоздал — и тебе пофартило? / Ни зло не минует, ни счастье не минет, / Умрем — равновесие это продлится, / О, только бы вниз по полыни, по глине, / По щебню — к шумящему морю спуститься!» [14. С. 53].

Человеку предоставлена свобода выбора: философ проявляет непоколебимую стойкость при всех случаях угрожающих ему бедствий и крушений, всегда стремится к добродетели только через добродетель и к избавлению от скорби только через истину, перед человеком открыты бесконечные пути совершенствования, так что в результате настойчивого стремления к добру добро непременно одержит победу над злом [18. С. 368].

Единственная возможность свободы открывается в эмоциональном отношении к миру, так как можно преобразовать только свое эмоционально-ценностное отношение к вещам и ходу событий [17. С. 278]: «И если время складывает зверя, / Давай с тобой, в другой рисунок веря, / На месте лапы выложим крыло! / Пускай страшилой, пугалом, уродом, / Новейший миф наметив мимоходом, / Плеща крылом, себе мешает зло» [15. С. 16]; «У природы, заступницы всех, / Камни есть и есть облака, / Как детей, любя и этих и тех, / Тяжела – как те, как эти – легка. / Заморозить ей осенний поток – / Как лицом уткнувшись в стенку лежать. / Посадить ей мотылька на цветок – / Как рукой махнуть, плечами пожать. / Ей саму себя иначе не снести! / Упадет под страшной ношей, мой друг. / Но на каждый камень облако есть – / Я подумал, озираясь вокруг. / И еще подумал: как легка суть / Одуванчиков, ласточек, трав! / Лучше в горькую дудочку дуть, / Чем доказывать всем, что ты прав. / Лучше веточку зажать в губах, / Чем подыскивать точный ответ. / В нашей жизни, печалях, словах / Этой легкости – вот чего нет!» [27. С. 105]; «Но зато какая радость – / Незвестность, вероятность, / Жизни грубая кора, / Вся ее шероховатость, / Непредвиденность добра! / Кто сказал, что тих и робок / Мир, бушующий бок о бок / С нами, в тучах и дыму? / Он для зла не держит скобок / И прекрасен потому! / Невской дельты спуск покатый... / От любви не ждать пощады / И в глаза беде смотреть. / Влажной полон сад прохлады, / И – не страшно умереть» [29. С. 6]; «Жить чудно, накладно, убыточно, дивно, печально» [12. С. 13]; «Все равно эта жизнь и в конце хороша, / И в долгах, и в слезах, потому что свежа! / И послушная рифма, / Выбегая на зов, и легка, как душа, / И точна, точно цифра» [22. С. 11].

По своей природе человек слаб и беспомощен, только истинный мудрец не знает никаких бурь [18. С. 367]. Однако лирический герой А. Кушнера – поэт – не причисляет себя к мудрецам, а значит, терпеливо переносит тяготы земной жизни: «Пробыв со мной полдня наедине, / Увез он в сердце чудную ошибку: / Приветливость, не свойственную мне, / Запомнил он и легкую улыбку. / Я в памяти его машу рукой, / Безоблачный, плечами пожимаю, / А я стою над ледяной рекой / И, как мне дальше жить, – не понимаю. / Я все ему – в небесном пиджаке, / В подтянутом своем великолепии, / А я снежок сжимаю в кулаке, / И нет меня несчастней и нелепей. / На пальцах стынет острая вода, / Разжав ладонь, разглядываю руку... / Но вспоминаю друга иногда / И сквозь метели улыбаюсь другу» [23. С. 30].

В этом позиция лирического героя А. Кушнера тождественна позиции Цицерона, влияние которого лирический герой испытывает на себе («А еще читаю Цицерона! / И к Монтеню-всаднику на грудь / Припадаю, дабы отвлеченно / Он меня утешил как-нибудь» [20. С. 59]).

В сочинениях Цицерона излагаются основные положения современных ему философских школ, пользовавшихся наибольшей популярностью, – стоиков, эпикурейцев. В занятиях философией Цицерон ищет душевного покоя и жизненной мудрости. Он стремится к самосовершенствованию и непрестанно воспитывает себя: слабый и нерешительный, он хочет стать сильным и мужественным, переносить печали и боль [30. С. 320]. По Цицерону, поэзия является благородным и высоким искусством, оно облагораживает человека, смягчает нравы и доставляет наслаждение. «Прочие занятия не сопутствуют

нам во всякое время, при любом возрасте, во всяком месте, а эти занятия юношество питают, в старости доставляют удовольствие, украшают благоприятные дела, в горе доставляют убежище и утешение, радуют дома, не мешают вне дома, проводят с нами ночь, путешествуют с нами, сопровождают нас в деревню» [30. С. 321].

По Кушнеру, поэзия призвана отогреть человеческое сердце, растопить окружающий лед, это память о том, какой бывает жизнь в лучшие свои минуты, накопитель счастья, хранитель энергии, которую поэт вкладывает в свои стихи, а читатель получает спустя много лет из стихотворных строк. Поэзия избавляет от боли не только читателя, но и поэта, создающего стихи. В самые тяжелые периоды жизни поэт создает стихотворения, в которых воспевают земные радости, счастье, гармонию, строй, в них находит выражение душа поэта: «Я видел подлость и беду. / Но стих прекрасно так устроен, / Что вот – я весел и спокоен, / Как будто я в большом саду. / Черты случайные сотру, / Свою внимательность утрю. / Чему стихи нас учат? Строю. / Точнее – стройности. Добру. / Они, средь шумной полумглы, / Блестящим кажутся прибором / Высокой точности, с которым / Сверяют дали и углы. / Не будем шага прибавлять / И закрывать лицо руками. / Не лучше ль зорко за ветвями / Просвет далекий различать? / И знать, что зло – как сон дурной, / Добро ж подсказано всем ходом / Стиха, размером, хороводом / Дубов, стоящих за спиной» [27. С. 5]; «Хотите знать, где мир прекрасен и высок, / Тенист и солнечен? В стихи их загляните: / В них море плещется и, вдавленный в песок, / Триэры жесткий след мерцает, как на Крите» [15. С. 107]; «Ад, – я жил в нем, я бедствовал в нем, / И обедал, и ужинал, черным / Пожираем незримым огнем, / Но поэзия огнеупорным / Оставалась занятием, в огне / Говорила о счастье, вводила / В заблужденье, мирволила мне, / Ублажала и благоволила» [31. С. 125].

Размышляя о трагической истории и судьбе своей страны, А. Кушнер говорит обо всей России: «Читая шинельную оду / О свойствах огромной страны, / Меняющей быт и погоду / Раз сто до китайской стены, / Представил я реки, речушки, / Пустыни и Берингов лед – / Все то, что зовется: от Кушки / До Карских студеной Ворот. / Как много от слова до слова / Пространства, тоски и судьбы! / Как ветра и снега от Львова / До Обской холодной губы. / Так вот что стоит за плечами / И дышит с тобой заодно, / Когда ледяными ночами / Не спится и смотришь в окно. / Большая удача – родиться / В такой беспримерной стране. / Воистину есть чем гордиться, / Вперяясь в просторы в окне. / Но силы нужны и отвага / Сидеть под таким сквозняком! / И вся-то защита – бумага / Да лампа над тесным столом» [24. С. 88]; «Снег подлетает к ночному окну, / Вьюга дымит. / Как мы с тобой угадали страну, / Где нам родиться! / Вьюжная. Ватная. Снежная вся. / Давит на плечи. / Но и представить другую нельзя / Шубу, полегче. / Гоголь из Рима нам пишет письмо, / Как виноватый. / Бритвой почтовое смотрит клеймо / Продолговатой. / Но и представить другое нельзя / Поле, поуже. / Доблести, подлости, горе, семья, / Зимы и дружбы. / И англичанин, что к нам заходил, / Строгий, как выпел, / Не понимал ничего, говорил / Глупости, выпив. / Как на дитя, мы тогда на него / С грустью смотрели. / И доставали плеча твоего / Крылья метели» [29. С. 12].

Вместе с тем пространство, к которому принадлежит лирический герой А. Кушнера, четко обозначено – это не вся Россия, а Петербург, или Ленинград («Я бы в Томске томился, / В Туруханске струхнул») [32], вводятся символы Петербурга / Ленинграда: «Город и все его двадцать дымящихся рек» [14. С. 14]; «Скоро останется колышек шпилья от нас» [14. С. 14]. Заснеженные просторы Петербурга (Ленинграда) противопоставляются солнечным античным, однако при этом отличное от пространства Древнего Рима по климату пространство Петербурга имеет с ним исторические, событийные пересечения («Нас не затопит, но, видимо, нас заметет: / Всё Геркуланум с Помпеей приходят на ум») [14. С. 14]. Так концепция повторяемости времен не нарушается. Отличия только климатические, заснеженное пространство противопоставляется солнечному душному римскому топосу, однако события тождественны: поэт моделирует условную ситуацию погружения города в снег, вспоминая подобное происшествие в древности (извержение вулкана Везувий): «Царственно-важный, парадный, большой снегопад», «Скоро останется колышек шпилья от нас, / Чтобы Мюнхаузен, едущий издалека, / К острому шпилью коня привязал еще раз» [14. С. 14].

Событийное тождество подтверждают и судьба поэта, отношения поэта и власти. Для Кушнера расширение поэтических тем, противостояние стереотипам, отказ от метафизических исканий, введение в поэзию простых вещей, прославляющих будничную земную жизнь, привело к недовольству власти («Ты перечтешь меня за этот угол зренья. / Все дело в ракурсе, а он и вправду нов» [28. С. 26]).

В стихотворении «В реальности нельзя – в романе можно...» (1991) [11. С. 66]) представлена условная ситуация душевного общения римского поэта, Катутла, с правителем, Цезарем, осознавшим ценность, уникальность частной жизни, проявившим сочувствие к отдельному человеку, увидевшим красоту окружающего мира. В уста Цезаря вложены слова об уникальности личной, негосударственной жизни отдельного человека («Как сладок пир с веселыми друзьями» [11. С. 66]), признание красоты и вечности природы, которая по сравнению с человеком бессмертна («Какие звезды колют сквозь ресницы», «Как кроток Тибр в час утренний» [11. С. 66]). Цезарь осознает важность поэзии, запечатлевающей будничную жизнь простого человека. Однако этот монолог и ситуация разговора по душам с властью условна, что подчеркивается в строках «Не плед, а плащ, не стулом, а банкеткой: / Скамьей, софой, неважно чем – сиденьем!» [11. С. 66]. Здесь Цезарь – власть, дающая право на существование негосударственной поэзии, обосновывающая ее важность и первостепенность для отдельного человека.

По Кушнеру, в поэзии нет мелких и крупных тем, в мире нет вещей, не заслуживающих внимания, любовного к себе отношения. Все, что связано с будничной, счастливой и трагической жизнью человека, получает признание, имеет ценность, значение («Вода в графине – чудо из чудес...» [23. С. 88]; «Скатерть, радость, благодать!..» [24. С. 108]; «Тарелку мыл под быстрою струей / И все отмыть с нее хотел цветочек...» [12. С. 60]; «В рифму просится все, даже пасмурный лист ольхи» [11. С. 18]).

Эпикуреизм, в отличие от стоицизма, вмещает в доблесть незаметный, «скрывающийся» образ жизни, избегание государства и видной обществен-

ной деятельности [17. С. 359]. Однако подобную позицию занимает и стоик Луций Анней Сенека, читающий Эпикура («Сегодня вот на что натолкнулся я у Эпикура (ведь я частенько перехожу в чужой стан, не как перебежчик, а как лазутчик)» [33. С. 6]): «...не поступай подобно тем, кто желает не усовершенствоваться, а только быть на виду, и не делай так, чтобы в одежде твоей или в образе жизни что-нибудь бросалось в глаза» [33. С. 10], а также Марк Аврелий: «Тот, кто мечтает о посмертной славе, упускает из виду, что каждый, помнящий о нем, сам скоро умрет, за ним последует и тот, кто унаследовал ему, и так до тех пор, пока не угаснет вся память, пройдя поколения помнивших и обреченных. Но допусти, что бессмертны помнящие о тебе и неистребима память. Что тебе до этого? Я не говорю уже, что это – ничто для умершего. Но что до похвалы живому, кроме разве имущественных выгод? Оставь же теперь заблаговременно заботы об этом суетном даре, зависящем только от людской молвы» [16. С. 290]; «Вглядишься в образ мыслей честолюбцев, каков он и каково то, к чему они стремятся и чего избегают. На берегу морском один слой песка наносится на другой и скрывает его под собой. Точно так же и в жизни: бывшее раньше очень быстро исчезает под тем, что наступает вслед за ним» [16. С. 318].

А. Кушнер также выступает против ангажированной поэзии и не приемлет славы, стремится провести жизнь в тени, незаметно («Где никто не найдет: ни приятель лукаво / Усмехающийся, ни недоброжелатель, / Ни слепая, на ощупь бредущая слава / С запоздалой улыбкой и счетом к оплате» [34. С. 83]; «Живому кажется, что если будет славен / По смерти в мыслях он, беседах и речах, / То и утешится, своих стихов хозяин, / Своих ноктюрнов царь: не сгинул, не зачах, / Своих теорий Кант, своих походов Цезарь. / Но с пышных в сумерках вернувшись похорон, / Ты видишь: он теперь не гений и не бездарь, / Лишился допуска к своим заслугам он. / Не слышит музыки, стихов своих не может / Прочесть, и галльская зачем ему война? / Не знает камешек, куда его положит / Рука, и дереву скамейка не нужна, / И в этом кроется какая-то загадка, / И что-то чудное в пропаже этой есть. / Молчи, мелодия! Не докучай, тетрадка! / Прощайте, подвиги! И долг, и дар, и честь» [13. С. 82].

По Кушнеру, не славу, а коллективное бессмертие обретает поэт, входя в круг настоящих поэтов: «Умереть – это стать современником всех, / Кроме тех, кто пока еще живы» [29. С. 61]; жизнь поэта продолжается в его поэзии: «Ни тенью, ни звездой, ни ветра дуновеньем / Быть не хочу! / Ни тенью, ни звездой – вернусь стихотвореньем, / которое шепчу. / В стихах вторая жизнь насколько лучше первой, / свободней и звучней!» [29. С. 21]; «Бессмертие – это когда за столом разговор / О ком-то заводят, и строчкой его дорожат, / И жалость лелеют, и жаркий шевелят позор, / И ложечкой чайной притушенный ад ворошат. / Из пепла вставай, перепачканный в саже, служи / Примером, все письма и все дневники раскрывай. / Так вот она, слава, земное бессмертье души, / Заставленный рюмками, скатертный, вышитый рай. / Не помнят, на сколько застегнут ты пуговиц был, / На пять из шести? Так расстегивай с дрожью все шесть. / А ежели что-то с трудом кое-как позабыл – / Напомнят, – на то документы архивные есть. / Как бабочка, ты на приветный огонь залетел. / Синеют ли губы на страшном нестрашном суде? / Затем ли

писал по утрам и того ли хотел? / Не лучше ли тем, кто в ночной растворен темноте?» [14. С. 90].

Отсюда стоическое бесстрашие лирического героя перед смертью: «Я к ночным облакам за окном присмотрюсь, / Отодвинув тяжёлую штору. / Был я счастлив – и смерти боялся. Боюсь / И сейчас, но не так, как в ту пору. / Умереть – это значит шуметь на ветру / Вместе с клёном, глядящим понуро. / Умереть – это значит попасть ко двору / То ли Ричарда, то ли Артура. / Умереть – расколоть самый твёрдый орех, / Все причины узнать и мотивы. / Умереть – это стать современником всех, / Кроме тех, кто пока ещё живы» [29. С. 61]; «Ватикана создатель всех лучше сказал: «Пустяки, / Если жизнь нам так нравится, смерть нам понравится тоже, / Как изделие того же ваятеля»... Ветер с реки / Залетает, и воздух покрылся гусиною кожей. / Растрепались кусты... Я представил, что нас провели / В мастерскую, где дивную мы увидели скульптуру. / Но не хуже и та, что стоит под брезентом вдали / И еще не готова... Апрельского утра фактуру, / Блеск его и зернистость нам, может быть, дали затем, / Чтобы мастеру мы и во всём остальном доверяли. / Эта стать, эта мощь, этот низко надвинутый шлем... / Ах, наверное, будет не хуже в конце, чем в начале» [12. С. 29].

Лирический герой А. Кушнера предпочитает не только жить в тиши и уединении, будь то дача или маленькая городская квартира, комната поэта («Надеваешь на даче похуже брюки» [34. С. 11], «Десять метров мирного житья» [23. С. 20]), но и довольствоваться малым, вернее – самым необходимым. Ср.: Луций Анней Сенека «Нравственные письма к Луцилию»: «Ты спросишь, каков предел богатства? Низший – иметь необходимое, высший – иметь столько, сколько с тебя довольно» [33. С. 7]; А. Кушнер: «Мне нужен стол, и стул, и полка книг в углу. / Еще, наверное, прожить без телефона / Мне трудно было бы» [12. С. 7].

Так, обладая сходным мироощущением с римскими стоиками, А. Кушнер мыслит себя ближе к римской эпохе («Теперь какой-нибудь Филипп Аравитянин / Мне ближе, может быть, чем мальчик во дворе») [14. С. 35], ставит себя в один ряд с поэтами прошлого, но при этом не считает себя им равным: «Трудно выразить общеизвестное» – этот стих / Взял Гораций, как камень, пристроил к себе на плечи <...> / Я хотел бы помочь ему, да на дорожке тесно. / – Отойди, – говорит, – не мелькай, – помогай другим, / Поднимающим то, что легко: что не всем известно» [19. С. 63]. При этом философия стоиков берет свое начало в учении греческих мыслителей, поэтому в поэзии А. Кушнера находят воплощение учения Гераклита Эфесского, Эмпедокла, Сократа, Платона, Аристотеля. Однако именно философия поздних римских стоиков, испытавшая на себе влияние учения Эпикура, наиболее близка мировоззрению поэта А. Кушнера.

Таким образом, концепция повторяемости времен и сходное с римскими стоиками мироощущение А. Кушнера обусловили обращение к Античности и наследию римских авторов. Образ мира поэта обнаруживает корни в философии поздних римских стоиков, т.е. античный претекст выполняет в его поэзии миромоделирующую функцию, позволяет конструировать модель реального мира и эстетическую реальность, развивать такую важную тему, как

судьба поэта и его поэзии, раскрывать суть таких категорий, как «слава», «бессмертие», «смерть», «душа».

Литература

1. Мирошникова О.В. «Времена не выбирают...» (современный антологизм и поэтическая традиция). URL: http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/mirosh.html, свободный.
2. Кушнер А. Римский узор // Новый берег. 2006. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru>
3. Кушнер А. «С Гомером долго ты беседовал один...» // Звезда. 2001. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/3/kush.html>
4. Вольтская Т. 75-летие Александра Кушнера. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24322961.html>
5. Арьев А. Маленькие тайны, или Явление Александра Кушнера // Наказание временем. М., 1992.
6. Машевский А. Полнота высказывания // Новый мир. 2000. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru>, свободный.
7. Дубиан Л. Комментарий к кустарнику // Новый мир. 2003. №6. С. 187–193.
8. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 1: 1953–1968. М.: Изд. центр «Академия», 2003.
9. Рыбальченко Т.Л. А. Кушнер – читатель А. Пушкина // Пушкин и время. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 248–266.
10. Кушнер А.С. Избранное. М.: Время, 2005.
11. Кушнер А. Ночная музыка. Л.: Лениздат, 1991.
12. Кушнер А. Дневные сны. Л.: Лениздат, 1986.
13. Кушнер А. Облака выбирают анапест. М.: Мир энциклопедий Аванта+: Астрель, 2008.
14. Кушнер А. Таврический сад. М.; Л.: Сов. писатель, 1984.
15. Кушнер А. Голос. М.; Л.: Сов. писатель, 1978.
16. Сапов В. Римские стойки. М.: Республика, 1995.
17. Богомолов А.С. Античная философия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
18. Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высш. шк., 2005.
19. Кушнер А. Тысячелистник. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998.
20. Кушнер А. Кустарник. СПб.: Пушкинский фонд, 2002.
21. Кушнер А. В закатном свете // Арион. 2006. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2006/1/ku2-pr.html>
22. Кушнер А. На сумрачной звезде. СПб.: Акрополь, 1994.
23. Кушнер А. Первое впечатление. М.; Л.: Сов. писатель, 1962.
24. Кушнер А. Приметы. Л.: Сов. писатель, 1969.
25. Кушнер А. На вашей стороне // Знамя. 2006. № 1. <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/ku3.html>
26. Кушнер А. Стихи // Звезда. 2011. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/9/ku2.html>
27. Кушнер А. Ночной дозор. М.; Л.: Сов. писатель, 1966.
28. Кушнер А. Прямая речь. Л.: Лениздат, 1975.
29. Кушнер А. Письмо. Л.: Сов. писатель, 1974.
30. Чистякова Н.А., Вулих Н.В. История античной литературы. М.: Высш. шк., 1972.
31. Кушнер А. Живая изгородь. Л.: Сов. писатель, 1988.
32. Кушнер А. Стихи // Нева. 2010. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/4/ku2.html>
33. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Кемерово, 1986.
34. Кушнер А. Летучая гряда. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000.

FUNCTIONS OF THE ANTIQUE PRE-TEXT IN THE LYRICS BY A. KUSHNER.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 126–141. DOI 10.17223/19986645/28/11
 Sukhanova Sofya Yu., Tsypilyova Polina A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
 E-mail: suhanova_sofya@mail.ru / anilopa87@mail.ru

Keywords: A. Kushner, reception, intertext, antique literature, Russian poetry.

The article studies the role of the antique pre-text in the lyrics by A. Kushner. In his poetry and essays Kushner interprets the creativity and life ways of a wide range of predecessors. The lyrical texts of the poet are full of names of the Greek and Roman writers (Homer, Alcaeus, Euripides, Catullus, Ovid, Horace, Petronius, Virgil, Pliny, Martial, Plautus, Tacitus, Juvenal). Kushner refers to the writings of Tacitus, Suetonius, Pliny's letters, and poems of Catullus as his favorite books. In his interviews and essays when reflecting on the tragic nature of life he mentions the names of Seneca and Marcus Aurelius. His appeal to the works of ancient authors, active use of allusions and reminiscences associated with the Antiquity in the lyrics by Kushner allow understanding the reasons for the poet's appeal to the Antiquity.

The aim of the paper is to identify the reasons for the inclusion of the Antiquity in the artistic world of Kushner's poetry and define the functions of the antique pre-text in his lyrics.

In Kushner's conception, a feature of historical time is repeatable events: all empires have similar stages of development: their flourishing inevitably ends in decline and decay. Time lapse between the past and the present as well as the integrity, completeness, and maturity of the Antiquity, noninvolvement in the era described allow the poet to completely and objectively analyze the social, historical, political, and cultural events that are identical to the events of today. The Antiquity with a completed full cycle of development is a means to conceptualize the modernity, fluid and changeable.

In Kushner's artistic conception of the world there are no strict time boundaries between the past and the present, people of the past and the poet's contemporaries (including the lyrical hero) exist in one art space simultaneously and communicate through poetry.

When writing Kushner is cautious of his predecessors as they assess his work. The present and the past co-exist in his art picture of the world. The dialogue of the poets of the past and the present continues in the field of poetic texts. Thus the times meet to create vertical time where all the times communicate in poetry.

The concept of repeated times and Kushner's attitude similar to the Roman Stoics conditioned the appeal to the Antiquity and the heritage of Roman authors. The poet's image of the world is rooted in the philosophy of the late Roman Stoics, i.e. the antique pre-text performs the world modeling function in his poetry and allows constructing a model of the real world and the aesthetic reality, developing such an important topic as the fate of the poet and his poetry, revealing the essence of such categories as "glory", "immortality", "death", and "soul".

References

1. Miroshnikova O.V. *"Vremena ne vybirayut..." (sovremennyy antologizm i poeticheskaya traditsiya)* ["One cannot choose times" (modern anthologism and the poetic tradition)]. Available at http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/mirosh.n2/mirosh.n2/svobodnyy.
2. Kushner A. Rimskiy Uzor [The Roman pattern]. *Novyy bereg*, 2006, no. 12. Available at: <http://magazines.russ.ru>.
3. Kushner A. S Gomerom dolgo ty besedoval odin [You have alone talked to Homer long]. *Zvezda*, 2001, no. 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/3/kush.html>.
4. Voltskaya T. 75-letie Aleksandra Kushnera [The 75th anniversary of Alexander Kushner]. Available at: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24322961.html>.
5. Ar'ev A. *Nakazanie vremenem* [Punishment by time]. Moscow, ROU Publ., 1992.
6. Mashevskiy A. Polnota vyskazyvaniya [Completeness of a statement]. *Novy mir*, 2000, no. 11. Available at: <http://magazines.russ.ru>.
7. Dubshan L. Kommentariy k kustarniku [Comment to the bush]. *Novy mir*, 2003, no. 6, pp. 187-193.
8. Leyderman N.L., Lipovetskiy M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody* [Modern Russian literature: 1950-1990s]. In 2 vols. Moscow, Izdatel'skiy tsentr Akademiiya Publ., 2003. Vol. 1: 1953–1968.
9. Rybalchenko T.L. [A. Kushner – a reader of Pushkin]. *Pushkin i vremya* [Pushkin and time]. Tomsk, Izd-vo Tom. Un-ta Publ., 2010, pp. 248-266.
10. Kushner A.S. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, Vremya Publ., 2005.
11. Kushner A. *Nochnaya muzyka* [Night Music]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991.
12. Kushner A. *Dnevnye sny* [Day Dreams]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1986.
13. Kushner A. *Oblaka vybirayut anapest* [Clouds choosing anapaest]. Moscow, Mir entsiklopediy Avanta + Publ., Astrel' Publ., 2008.

14. Kushner A. *Tavricheskiy sad* [Tavrichesky Garden]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1984.
15. Kushner A. *Golos* [The Voice]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1978.
16. Sapov V. *Rimskie stoiki* [The Roman Stoics]. Moscow, Respublika Publ., 1995.
17. Bogomolov A.S. *Antichnaya filosofiya* [Ancient philosophy]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1985.
18. Asmus V.F. *Antichnaya filosofiya* [Ancient philosophy]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005.
19. Kushner A. *Tysyachelistnik* [The Milfoil]. Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs Publ., 1998.
20. Kushner A. *Kustarnik* [Bushes]. St. Petersburg, Pushkinskiy fond Publ., 2002.
21. Kushner A. V zakatnom svete [In the sunset light]. *Arion*, 2006, no. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/arion/2006/1/ku2-pr.html>.
22. Kushner A. *Na sumrachnoy zvezde* [On the Dark Star]. St. Petersburg, Akropol' Publ., 1994.
23. Kushner A. *Pervoe vpechatlenie* [The First Impression]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1962.
24. Kushner A. *Primety* [Omens]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1969.
25. Kushner A. Na vashey storone. Stikhi [On your side. Poetry]. *Znamya*, 2006, no. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/ku3.html>.
26. Kushner A. Stikhi [Poetry]. *Zvezda*, 2011, no. 9. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/9/ku2.html>.
27. Kushner A. *Nochnoy dozor* [The Night Watch]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1966.
28. Kushner A. *Pryamaya rech'* [The Direct Speech]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1975.
29. Kushner A. *Pis'mo* [The Writing]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1974.
30. Chistyakova N.A., Vulikh N.V. *Istoriya antichnoy literatury* [The history of ancient literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972.
31. Kushner A. *Zhivaya izgorod'* [The Fence Hedge]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1988.
32. Kushner A. Stikhi [Poetry]. *Neva*, 2010, 4. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/4/ku2.html>.
33. Seneka L.A. *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu* [Moral letters to Lucillo]. Kemerovo, 1986.
34. Kushner A. *Letuchaya gryada* [Bank of Clouds]. Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs Publ., 2000.

УДК 82'31

DOI 10.17223/19986645/28/12

Г.А. Шпилевая

«ЯЗЫК БАЛА» И «МУЗЫКА ЖИЗНИ» В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

В статье рассматривается сцена бала в романе «Анна Каренина»: ее сюжетно-композиционная функция. Указанный фрагмент изобилует деталями (звуковыми, цветовыми, предметными), которые нуждаются в дешифровке. Цвет платьев героинь, их украшения, дополнение туалета цветами помогают раскрыть суть надвигающегося конфликта. Особую роль играет двухчастная композиция фрагмента (вальсовая и мазурочная), обусловившая дальнейшее развитие судьбы персонажей. «Язык бала», являясь составной частью общей «музыки жизни», звучащей в романе, представляет сложную симфонию бытия.

Ключевые слова: балльный текст, деталь, дворянская культура, флорошифр, бидермейер, экфрасис, мазурка, авторская оценка.

В настоящей статье будет предпринята попытка целостного анализа сцены бала в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (ч. I, гл. XXII–XXIII). Под целостным анализом в данном случае понимается рассмотрение особенностей сюжетно-композиционной системы указанных глав, роли звуковых, цветовых и предметных деталей, а также определение места данного фрагмента относительно всего произведения.

* * *

В.Б. Шкловский в свое время отметил, что «особенностью прозы Толстого является то, что он пользуется почти всегда словами общеупотребительными, описывая явления с необыкновенной подробностью» [1. С. 209]. Это замечание очень верное, так как исследователь справедливо полагал, что писатель избегал частых сравнений и других тропов, стремясь услышать *чистую* «музыку жизни».

Соединяя множество деталей, передавая глубокие переживания, страсти героев, тончайшие оттенки их чувств, Толстой в сцене бала, «так много решившего в судьбе персонажей», показал и «обыденный ход вещей», и «через личность» героев (действующих лиц балльной сцены) представил те мощные роковые силы, которые «сами по себе носят характер всеобщий и надличностный» [2. С. 93].

В.А. Свительский указывает на проявление в романе Толстого *начал* «равно правомерных и равно могущественных» (по Гегелю – *субстанциальных*) – любовь и долг, счастье и горе, «роковые ошибки» и абсолютную невозможность «их не допустить» [2. С. 93], составляющих сущность любой трагедии, где герой гибнет, раздавленный этими неодолимыми *началами*.

Видимо, эти могущественные силы, приведшие к трагедии, исподволь, растворяясь в деталях, значимых мелочах, концентрируются в сцене бала,

чтобы затем развиваться в сюжетно-композиционной системе всего романа – этого «эпоса частной жизни» (по определению В.Г. Белинского).

К бальным главам (XXII–XXIII) автор начинает готовить героев и читателя заранее: уже будучи знакомой с Вронским, Анна в беседе с Кити говорит, что на балах ей чаще всего «трудно и скучно». Кити, напротив, как будто испытывая судьбу, настойчиво зовет Анну на бал – «прекрасный бал», где «всегда весело» [3. С. 80].

Здесь же начинается игра (которая на самом бале разовьется до решающей роли) предметных деталей и цвета: маленькая дочь Долли, играя, снимет кольцо с «белого, тонкого в конце» пальца Анны; Анна поправит «выбившуюся прядь волос, которою играл Гриша» [3. С. 81], Кити скажет, что представляет Каренину на бале в лиловом платье.

Заходит речь о самом главном: Кити ждет на предстоящем бале объяснения с Вронским, его *предложения*, и юная невеста, по словам Анны, хочет, «чтобы все тут были, все принимали участие» [3. С. 81], все разделили ее счастье. При этом из реплик Анны следует, что она не хочет ехать на этот бал.

Далее, в XXI главе, появляется в доме Облонских сам Вронский (его визит расценивается как слишком поздний и странный), и автор подчеркивает двойственность чувств Анны – «удовольствия и вместе страха». Отмечено и выражение лица Алексея Вронского: «пристыженное и испуганное» [3. С. 84].

Итак, персонажи романа и читатель предчувствуют события и переживания, которые развернутся на ожидаемом бале, так как Толстой создал то, что исследователь назовет «предвосхищением ожиданий или реакций читателя» [4. С. 662].

Однако современный читатель (вступивший с автором в отношения, которые «характеризуются не пассивным восприятием, а имеют природу диалога» [4. С. 646]) должен подготовиться к балу не менее, чем герои, и здесь нельзя недооценить роль комментариев, открывающих бездну незнакомых и неактуальных сейчас (по причинам социальным и историческим) нюансов.

В комментариях к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» Ю.М. Лотман начинает главу «Бал» следующим заявлением: «Танцы были важным структурным элементом дворянского быта. Их роль существенно отличалась как от функции танцев в народном быту того времени, так и от современной» [5. С. 79]. Бал был, как известно, строго организован, и эта «внутренняя организация» была исполнена «исключительной культурной важности», поскольку «была призвана дать формы общению “кавалеров и дам”, определить тип социального поведения внутри дворянской культуры» [5. С. 80]. Вследствие этого возникла «ритуализация бала», его строгая «грамматика», «некоторое целостное театрализованное представление, в котором каждому элементу соответствовали типовые эмоции» [5. С. 80–81].

Бал – это, прежде всего, танцы и музыка, поэтому первая из бальных глав открывается звуками вальса: «...из зала послышались осторожно-отчетливые звуки скрипок оркестра, начавшего первый вальс» [3. С. 85]. Вальс был одним из первых танцев бала, и Ю.М. Лотман напоминает, что А.С. Пушкин назвал его «однообразным и безумным». «“Однообразный” –

поскольку в отличие от мазурки, в которой в ту пору огромную роль играли сольные танцы и изобретение новых фигур <...> вальс состоял из одних и тех же постоянно повторяющихся движений» [5. С. 85]. «Безумным», – продолжает Ю.М. Лотман, – вальс назван потому, что он, будучи относительно новым (по сравнению с классическими менуэтом, мазуркой, котильоном), слыл еще и очень дерзким (романтическим – «страстным <...> опасным и близким к природе»): партнеры находились в опасной близости друг к другу, и этот «интимный» танец противоречил строгой морали как «излишне вольный» [5. С. 86].

Хотя Ю.М. Лотман описывает бал 1810–1820-х гг., в балльном фрагменте толстовского романа есть отголоски традиционной («недобропорядочной») репутации этого танца: «Как хорошо, что вы приехали вовремя, – сказал он ей, обнимая ее талию, – а то, что за манера опаздывать» [3. С. 86], – говорит Корсунский Кити; Корсунский «...повернул круто свою даму, так что открылись ее тонкие ножки в ажурных чулках, а шлейф разнесло опахалом и закрыло им колени Кривину» [3. С. 87].

«Текст вальса» вбирает все больше персонажей, микрособытия множатся, создаются различные ситуации, которые играют очень важную роль во всем бале и в конечном итоге – в судьбе героев. На умение Толстого развивать сюжетное действие как органичный процесс обратил внимание А.А. Фет, написавший в письме (февраль, 1875) автору романа: «Какое мастерство вводить новые лица, какое прелестное описание бала» [6. С. 436].

Бал описывается объективным *повествователем* (и этот субъект речи организует повествование на протяжении всего романа), который все равно так или иначе оценивает происходящее. По словам Б.А. Успенского, автор «может оперировать данными какого-то *восприятия* (или нескольких восприятий) или же известными ему *фактами*» [7. С. 138]. В тех случаях, когда «авторская точка зрения опирается на то или иное индивидуальное сознание (восприятие)», исследователь предлагает говорить о «*психологической* точке зрения», в то время как «самый <...> план, на котором проявляется соответствующее различие точек зрения», Б.А. Успенский называет «планом психологии» [7. С. 139]. Если «излагаются *факты*» и «описание <...> ведется с объективных позиций» [7. С. 140], то повествование можно назвать *синхронным* (автор как будто бы знает столько же, сколько и герой). В случае описания *впечатлений* – когда «автор основывается <...> на своей собственной точке зрения» [7. С. 140–141], – речь идет о *ретроспективной* позиции.

«Бальный» фрагмент представляет собой сложное синтезированное явление в плане повествования. *Факты* даются в восприятии и повествователя, и Кити (это будет «план психологии»). «Психологическая» же точка зрения – это поле деятельности только *всезнающего* автора: за деталями, за жестами, за едва уловимыми изменениями лиц персонажей он угадывает их состояние (глубокое несчастье, торжество, радость и пр.) и даже предвидит их будущее: «Кити посмотрела на его лицо, которое было на таком близком от нее расстоянии, и долго потом, чрез несколько лет, этот взгляд, полный любви, которым она тогда взглянула на него и на который он не ответил ей, мучительным стыдом резал ее сердце» [3. С. 88].

«Бальный» фрагмент, в его «вальсовой» части, в «плане психологии» изобилует деталями: герои вальсируют, разговаривают, улыбаются, оцени-

вают наряды в «тюлево-ленто-кружевно-цветной толпе» [3. С. 86], и само слово «вальс» на четырех страницах появляется около десяти раз.

Авторская точка зрения в «вальсовой» части (гл. XXII) опирается на «индивидуальное сознание» [7. С. 139] Кити, которая еще надеется на то, что Вронский ее любит и непременно сделает ей сегодня вечером предложение.

После вальса последовала кадриль, на которую Кити была приглашена Вронским. «Во время кадрили ничего значительного не было сказано», да Кити «и не ожидала большего от кадрили». Кадриль – это короткая передышка, состояние неопределенности и еще каких-то надежд, а также граница между вальсом и мазуркой, которую Кити «ждала с замиранием сердца» [3. С. 89].

Мазурка, как известно, «составляла центр бала и знаменовала собой его кульминацию» [5. С. 86]. О том значении, которое придавали мазурке (и «мазурочной болтовне») влюбленные люди, можно судить по целому ряду художественных произведений: Иван Васильевич, герой толстовского рассказа «После бала», сетует, что мазурку он танцевал «не с нею», т.е. не с Варенькой; Павел Петрович Кирсанов («Отцы и дети» И.С. Тургенева) влюбился в княгиню Р. во время мазурки, «в течение которой она не сказала ни одного путного слова», т.е. не блистала остроумием в беседе.

«Язык бала» – ясный и неумолимый: Кити, не приглашенная Вронским на мазурку, все поняла без объяснений, и здесь развернутый «план психологии» (факты) позволяет автору полно показать то, как Кити *воспринимает* («психологическая точка зрения») происходящее: «Кити посмотрела на него и ужаснулась. То, что Кити так ясно представлялось в зеркале лица Анны, она увидела на нем. <...> Кити казалось, что всякое сказанное ими слово решало их и ее судьбу... <...> на Кити нашла минута отчаяния и ужаса <...> Она чувствовала себя убитой» [3. С. 90]. «Язык бала» понимает, разумеется, не только Кити, утешить ее пришла графиня Нордстон: «Кити, что ж это такое? <...> Он при мне звал ее на мазурку» [3. С. 91]. Анна и Вронский также говорят на «языке мазурки»: «они чувствовали себя наедине в этой полной зале»; «Анна улыбалась, и улыбка передавалась ему. Она задумывалась, и он становился серьезен» [3. С. 91]. Как и слово «вальс», слово «мазурка» также повторяется около десяти раз на четырех страницах, и Толстой показывает, как оно ранит сердце Кити – сама жесткая, взрывная гармония согласных (мазур-ка) подтверждает это.

Чередую планы *изображения* и *выражения*, Толстой накапливает *эмпирический* материал, делает *эмоциональные* оценки и *психологические* обобщения. «План психологии» в «бальных» главках наполнен красноречивыми деталями, раскрывающими смысл знаков портретов персонажей: описание глаз, улыбок, туалетов дам и мужчин также составляет «музыку жизни».

Особое внимание уделяется женским портретам, нарядам и прическам Кити и Анны – двум соперницам, которые во время мазурки стали врагами на всю жизнь.

Юная красавица Кити, которая, видимо, долго и «трудно» готовилась к балу, появилась в очень «сложном тюлево-ленте на розовом чехле». Толстой показывает ее неестественное состояние и положение (читатель будет иметь возможность в дальнейшем видеть героиню гармоничной и гораздо более естественной – в жизни с Левиным) словами «как бы», повторенными

дважды, и с помощью сравнения (на «маленькой головке» Кити сложно уложенные волосы «держались как свои»). Используя несобственно-прямую речь, автор с *голосом* повествователя переплетает *слово* Кити: «Черная бархатка медальона особенно нежно окружила шею. Бархатка эта была прелесть, и дома, глядя в зеркало на свою шею, Кити чувствовала, что эта бархатка говорила. Во всем другом могло еще быть сомнение, но бархатка была прелесть» [3. С. 85]. Несколько раз повторенное словечко Кити (или кого-то из домашних) «прелесть», ощущение собственной «холодной мраморности», восхищение мужчин доказывают, что Кити действительно хороша.

Однако эта «холодность», уверенность в себе, удовлетворенность собой, блеск в один миг превращаются в нечто противоположное именно во процессе мазурки: «Она зашла вглубь маленькой гостиной и опустилась на кресло. Воздушная юбка платья поднялась облаком вокруг ее тонкого стана; одна обнаженная, худая, нежная девичья рука, бессильно опущенная, утонула в складках розового тюника; в другой она держала веер и быстрыми, короткими движениями обмахивала свое разгоряченное лицо. Но, вопреки этому виду бабочки, только что уцепившейся за травку и готовой, вот-вот вспорхнув, развернуть радужные крылья, страшное отчаяние щемило ей сердце» [3. С. 90–91]. Таков переход в восприятии бала от «вальсового» счастья и ожидания («волшебное сновидение радостных цветов, звуков и движений») к «мазурочному» ощущению ужаса, стыда и отчаяния. Это и будет расплатой за то, что Кити «вчера отказала» Левину, «человеку, которого она, может быть, любила» [3. С. 91].

Туалет Анны также многое говорит о ее характере и создающейся на глазах у всех ситуации. Каренину Кити на бале видит в черном бархатном платье, хотя представляла ее в лиловом. Черный цвет – торжественный, парадный, глубокий, не терпящий конкуренции. Если в руках и плечах Кити была «холодная мраморность», то низкое декольте платья Анны открывает «ее точеные, как старой слоновой кости, полные плечи и грудь и округлые руки с тонкою крошечною кистью». Венецианский гипюр, кружева подчеркивают блеск, торжество, зрелую красоту Анны. Ее прекрасные, своевольные, черные и густые волосы («свои без примеси») уложены в простую («незаметную») прическу, из которой выбиваются крутые завитки кудрей.

Описывая Анну, Толстой прибегает к экфрасису, что подчеркивается *словом* повествователя, который намеренно «рисует» картину (портрет) в раме: «И черное платье с пышными кружевами не было видно на ней; это была только рамка, и была видна только она, простая и естественная, изящная и вместе веселая и оживленная» [3. С. 87]. Эффект экфрасиса был отмечен уже первыми читателями романа, так, Н.Н. Страхов в феврале 1875 г. пишет Толстому: «...и в самом деле, этот чистый, ясный, как кристалл, рассказ, в котором все видишь, как на картине, где все и верно и ново...» [6. С. 434].

Зная «язык цветов» («алфавит флоры»), Толстой украшает волосы и пояс платья Анны «маленькой гирляндой анютиных глазок». Анализируя «язык цветов», К.И. Шарафадина в своей книге «Алфавит Флоры...» опирается на «ботанические» тексты произведений Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера, Ж.-А. де Реверони Сен-Сира, С.-Ф. Жанлис, Ф.Р. Шатобриана, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского и пр., которые, безусловно, были хорошо знакомы

Толстому и читателю-современнику. «Флорошифры», конечно же, основаны на «языке любви», и анютиным глазкам отводится в нем значительное место, «их реплика, согласно пособию Ознобишина» гласит следующее: «если б это было для меня» [8. С. 88].

«Потаенный смысл» этой «цветочной игры» в облике Анны (в волосах и на поясе платья) как нельзя лучше передает состояние влюбленного, но еще не уверенного во взаимном чувстве Вронского: «...он теперь, каждый раз, как обращался к ней, немного сгибал голову, как бы желая пасть перед ней, и во взгляде его было одно выражение покорности и страха» [3. С. 90].

В упомянутой монографии К.И. Шарафадиной можно видеть иллюстрации (картинки в стиле бидермейер из альбомов XIX в.), одна из них – символический букет «анютины глазки, вербена и лютик», который означал «вспоминаю и восхищаюсь вашими ослепительными прелестями» [8].

«Язык цветов» с годами претерпевал изменения, в разных культурных (и географических) топосах он имел различные оттенки, так, во французской традиции те же анютины глазки могли означать «память о любви, настойчивое напоминание, намеренная простота», в немецкой «куртуазной» флористике эти скромные цветы могли говорить о другом: «почему вас радуют мучения моего сердца?» или: «жестокий / жестокая, как долго ты заставляешь меня страдать!»

Как видно, «исходные концепты», «основная интрига тайнописи» цветов, весь «ботанический лексикон» [8. С. 145] вращались вокруг «науки страсти нежной», что вполне соответствовало жизненному и читательскому опыту человека XIX столетия.

Контрастна простым анютиным глазкам в естественно уложенных волосах Анны роза с двумя листочками в высокой искусственной прическе Кити. Роза дешифровалась, как известно, сложно и многовариантно: бутон розы означал «сердце молодой девушки, не знающей любви» или «надежду на благосклонность» [8. С. 18], два листочка, едва отделенные от стебля, могли указывать на молодость. Роза без шипов дешифровалась иначе, чем роза с шипами («надежда, смешанная с опасением» [8. С. 20]). Роза в античной культуре сопутствовала изображению Венеры (эти цветы знаменовали «жертвоприношение страсти нежной»), данный цветок мог выступать как «символ сердца, осененного благодатью» [8. С. 186], как цветок *радости*, *совершенный* цветок и пр. Особое значение имел цвет розы – это кардинально меняло семантику.

Как уже отмечалось, туалет Кити венчает черная «бархатка» с медальоном (на котором мог быть изображен чей-либо портрет, выгравирован или нарисован растительный узор), а образ Карениной маркирован жемчугом: «На точеной крепкой шее была нитка жемчугу» [3. С. 87]. Для жемчуга также показателен широкий диапазон дешифровок: от народных поверий, что жемчуг – к слезам («жемчугом не дарят!») до семантики благородства и достоинства – жемчуг в начале XIX в. был «символом высокого общественного положения» [8. С. 225].

Анализируя «символику камней» (и вообще украшений) поэмы Е.А. Баратынского «Бал», исследователь отмечает, что в Древнем Риме жемчуг был «посвящен Венере и являлся обязательным украшением ее статуй» – богиню

любви называли «хозяйкой жемчуга». Отмечено также, что жемчуг был «земным воплощением Луны» [8. С. 226], что в нашем случае соответствует таинственной семантике бала, его ночному *хроносу*. При всех разночтениях показательно, что «бархатка» подчеркивает нежность шеи Кити (хрупкость и незащищенность юной героини на балу), а жемчуг акцентирует «точеную», «крепкую» шею Анны, ее зрелость, силу, уверенность и даже некоторый демонизм, недаром Кити, всматриваясь в лицо Карениной, видит в нем что-то страшное и потустороннее («бесовское»), «ужасное и жестокое» [3. С. 91]. Однако сами эти разночтения, многочисленные варианты дешифровок разворачивают «бальный» фрагмент в бесконечность бытия, указывают на свободу, изменчивость, стремительную поступательную энергию самой жизни, что так органично центробежной природе романного жанра. Многочисленные разнонаправленные векторы энергии различных персонажей, соединяясь и подчиняясь уже какой-то высшей, надличностной логике, устремляют судьбы людей по каким-то, может быть, неожиданным и непредвиденным путям. Эта важная для Толстого мысль, развивающаяся во многих его произведениях, в рассматриваемом романе приобретает особые дополнения и трактовку.

Итак, перед нами бал – строго организованное действо, где продумано все – от крупных частей его общей композиции до мельчайших деталей туалета. Действительно, Толстой описывает даже три пуговицы на перчатке Кити! При этом не будем забывать, что бал – это и «грандиозная бытийная метафора» [8. С. 224], где все взаимосвязано и взаимозависимо, сама кажущаяся его легкость и праздничность имеют свою жесткую логику. Герои уехали с бала совершенно иными людьми: счастливая, полная надежд на будущее с Вронским Кити – с разбитым сердцем, Вронский – обнадуженным, Анна – с «неудержимым дрожащим блеском глаз и улыбки» – возбужденной и встревоженной. Бал-бытие действительно соединил множество смыслов, жестов, поступков, воплотил в себе романную незавершенность, обуславливающую развитие судеб героев не по воле автора, а по жизненной логике. Толстой «выпускает на волю» огромное количество деталей, *внешних* и *внутренних* жестов, слов, чувств, оттенков чувств, которые далее живут своей, отдельной, независимой жизнью. Неслучайна сердитая реплика автора романа, написавшего 23 апреля 1875 г. в письме Н.Н. Срахову следующее: «И если близорукие критики думают, что я хотел описывать только то, что мне нравится, как обедает Облонский и какие плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собой для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл...» [6. С. 454].

Толстой настаивал на том, что для него важнее всего *внутренняя* связь (а не «фабула» и «отношения (знакомство) лиц» [6. С. 488]), чему во многом в данном романе способствует сложный «язык бала», вливающийся в общую «музыку жизни». Это было замечено А.А. Фетом, который 26 марта 1876 г. писал Толстому следующее: «В некоторых операх есть трио без музыки: все три голоса (в «Роберте») поют свое, а вместе выходит, что душа улетает на небо. Такое трио поют у постели больной Каренина, муж и Вронский. Какое содержание и какая сила!» [6. С. 454]. Своеобразное трио *поют* (и танцуют) на бале с музыкой и «без музыки» Кити, Вронский и Анна.

В «бальном» фрагменте (как и во всем романе) огромный поток звуковых (оркестр, голоса людей), цветовых (и «цветочных»), предметных деталей направлен на то, чтобы представить сложную симфонию бытия, где одновременно звучат ноты радости и несчастья, обвиняющие и прощающие, гуманные и жестокие, одним словом — звучит нескончаемая «музыка жизни».

Литература

1. Шкловский В.Б. Заметки о прозе русских классиков. М., 1953.
2. Свительский В.А. Личность в мире ценностей: (Аксиология русской психологической прозы 1860–1870-х годов). Воронеж, 2005.
3. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 14 т. М., 1952. Т. 8.
4. Корман Б.О. Методика вузовского преподавания литературы. Ижевск, 2009.
5. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий: пособие для учителя. Л., 1980.
6. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890. М., 1958.
7. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб., 2000.
8. Шарафадина К.И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи (источники, семантика, формы). СПб., 2003.

"THE LANGUAGE OF THE BALL" AND "MUSIC OF LIFE" IN L.N. TOLSTOY'S *ANNA KARENINA*.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 142–150. DOI 10.17223/19986645/28/12
 Shpilevaya Galina A., Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation).
 E-mail: 19alex04@mail.ru

Keywords: the text of the ball, detail, culture of the nobility, floral code, the Biedermeier, ecphrasis, mazur, the author's evaluation.

In the article the "ball" chapters (XXII–XXIII, Part 1) in L.N. Tolstoy's *Anna Karenina* are analysed, i.e. the role of sounds, colours and material objects essential for deep understanding of the passage, of the plot and composition function of the novel.

Depicting the intricately interwoven harmony of details as well as the characters' feelings, Tolstoy manages to reveal the powerful suprapersonal circumstances that determine a person's life in the novel, which is viewed as an "epos of a private life" according to V.G. Belinsky.

The ball is known to have been an important form of public life, each element of which had a special meaning (see Yu.M. Lotman's commentary to A.S. Pushkin's *Eugene Onegin*). The ball is described by an objective narrator in the novel; the author bases his judgments upon the characters' individual consciousness, thus the *psychological point of view* is expressed. The ground for various psychological points is the "*psychology basis*", in which numerous "facts" are clustered (see A.B. Uspensky's *A Poetics of Composition*). Alternating the plane of expression and the plane of representation Tolstoy accumulates empirical data, gives emotional evaluation and makes psychological conclusions. "The psychology plane" in the "ball" chapters is rich in details that reveal the meaning of the elements in the characters' portraits: the description of the eyes, smiles, dresses (which are also "the language of the ball"). Kitty's elaborate rose dress, synthetic hair in her coiffure, a velvet ribbon on her neck, a rose with two petals indicate the youth, fragility, vulnerability and a kind of inharmonicity of young Kitty at the ball. Karenina's dress details (a black velvet dress, a string of pearls, a bouquet of "simple" forget-me-nots in Anna's hair and in the belt of her dress) may have a different interpretation: Anna is confident of herself and her image is above praise (which is also shown with the help of ekphrasis).

The hidden meaning of the dress details, "the flower play" allowed Tolstoy to depict the inner ties of the "characters" and "circumstances". The complicated "language of the ball" as part of the "music of life" contributes to this depiction.

The multidirectional vectors of the characters' energy crossing each other and following a superior suprapersonal logic lead human destinies along unexpected and unforeseen routes. In the "ball" passage (like in the whole novel) a massive flow of sound (the orchestra, human voices) and colour (and flower) details as well as material objects play a complicated symphony of life with music of joy

and unhappiness, reproach and forgiveness, humanity and cruelty, which make up the everlasting "music of life".

References

1. Shklovskiy V.B. *Zametki o proze russkikh klassikov* [Notes about the Prose of Russian classics]. Moscow, 1953. 460 p.
2. Svitel'skiy V.A. *Lichnost' v mire tsennostey (Aksiologiya russkoy psikhologicheskoy prozy 1860 – 1870-kh godov)* [Personality in the world of values (Axiology of the Russian psychological prose of 1860 – 1870s)]. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2005. 232 p.
3. Tolstoy L.N. *Sobranie sochineniy: v 14 t.* [Collected works: in 14 vols.]. Vol. 8. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1952.
4. Korman B.O. *Metodika vuzovskogo prepodavaniya literatury* [Methods of teaching literature in higher school]. Izhevsk, Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta Publ., 2009. 716 p.
5. Lotman Yu.M. *Roman A.S. Pushkina "Evgeniy Onegin". Kommentariy* [Eugene Onegin by A.S. Pushkin. A commentary]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1980. 416 p.
6. Gusev N.N. *Letopis' zhizni i tvorchestva L'va Nikolaevicha Tolstogo. 1828 – 1890* [The life and works of Leo Tolstoy. 1828 – 1890]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1958. 840 p.
7. Uspenskiy B.A. *Poetika kompozitsii* [A poetics of composition]. Saint-Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 348 p.
8. Sharafadina K.I. *"Alfavit Flory" v obraznom yazyke literatury pushkinskoy epokhi (istochniki, semantika, formy)* [The Alphabet of Flora in the figurative language of Pushkin era literature (sources, semantics, forms)]. Saint-Petersburg, Peterburgskiy institut pechati Publ., 2003. 309 p.

УДК 82'04; 82-141
DOI 10.17223/19986645/28/13

А.В. Шунков

**«ЧИН ПОГРЕБЕНИЯ МИРСКИХ ЧЕЛОВЕК» (XVI В.)
И ЕГО ТРАДИЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ
Г.Р. ДЕРЖАВИНА**

Статья посвящена проблеме взаимодействия документальной и литературной традиций в отечественной словесности. В контексте церковно-обрядовой традиции Древней Руси рассматривается ода Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского». В ходе проведенного анализа выявлен комплекс художественных мотивов, звучащих в оде, привнесенных из обрядового текста XVI в. «Чин погребения мирских человек». Доказано, что мотивный комплекс оды сформирован благодаря заимствованию из литургических источников основных мотивов: сна (усновения), скоротечности времени.

Ключевые слова: церемониальные жанры Древней Руси, литературная традиция, духовная ода.

Обрядово-церемониальные тексты («чины») Древней Руси – особая жанровая форма, имевшая свое определенное практическое предназначение: представить подробное описание процесса конструирования в церемониальной практике идеального универсума, призванного заменить один мир (несовершенный) другим, приведенным к гармонии. Это определенный пласт в древнерусской книжности, в котором запечатлены представления человека о мире, месте человека в нем. Можно сказать, что «чины» формировали картину гармоничного мира, основой которого являлся принцип иерархии. Этот мир, созданный «чином», мыслился как существующий вечно, и человек должен был войти в это время, подчинить сегодняшнее вечному. В связи с этим другая задача, которая решалась «чинами», – это оформление повседневности в торжественные вечные формы. «Чин» должен был дать человеку возможность ощутить свою сопричастность с вечным временем, освященным Богом.

Ранее [1] мы уже рассматривали одну из разновидностей «чинов», условно называемых светскими (придворными), и на примере книжно-документального текста «Книга глаголемая Урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути» (1656 г.) показали их роль в формировании новой культурной семиотической парадигмы в России середины XVII в. «Урядник сокольничья пути» дал возможность увидеть начало процесса перехода обряда в театральное зрелище, механизм проведения которого разрабатывался и записывался при непосредственном участии самого царя как редактора. Таким образом, отечественная традиция светских (придворных) церемониалов XVII в. заложила основы русской драматургии, отражавшей изменившиеся культурные ориентиры повседневной жизни в первую очередь

царя Алексея Михайловича [2. С. 71]¹. Как известно, при Фёдоре Алексеевиче, при отсутствии с его стороны интереса к потехе, театральные постановки были прекращены [2. С. 16]² до начала XVIII в.

Церковные «чины» также оказали влияние на русскую литературу Нового времени. Один из наиболее известных вариантов трансформации текста церковной службы, ее пародирование, представлен сатирической повестью XVII в. «Служба кабаку» («Праздник кабацких ярыжек») [3. С. 73–90; 4. С. 367–368; 5. С. 189–195], традиционно рассматриваемой как образец русской смеховой культуры. Повесть исследована предельно полно в контексте проблемы секуляризации русской культуры и литературы, развития демократической литературы и сатиры, присутствия в ней пародийного начала, поэтому нет смысла останавливаться на ней еще раз подробно. Приведем только один интересный исторический факт, на который в свое время обратила внимание Е.К. Ромодановская, исследуя проблему зарождения пародии в древнерусской литературе [6. С. 185–187]³. «Служба кабаку» настолько приобрела популярность и породила такое неоднозначное к ней отношение со стороны духовенства (как низшего, так и высшего) в XVIII столетии, что это привело к принятию необходимых мер: проведению консисторских судов над «Службой кабаку». Как доказательства сохранились следственные дела этих судов, одно из них датировано 1727–1729 гг., другое – 1756 г.

Нас интересует в контексте рассматриваемой проблемы другой ее аспект: как литература Нового времени могла осмыслить традицию церковно-обрядовых текстов, причем не отдельных каких-либо фрагментов, звучащих на уровне мотива (например, псалмопевческая традиция в русской поэзии [7]), а именно целый ритуальный канонический текст всей службы, ее определенной чина.

Одним из ярких таких примеров обращения к обрядово-церемониальному тексту и создания на его основе лирического произведения является ода Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского», которая удивительным образом коррелирует с церковным «Чинном погребения мирских человек» (XVI в.)⁴, утвержденным патриархом Никоном и в течение всего последую-

¹ «Только Алексей Михайлович, сидя в кресле перед сценой, чувствовал себя совершенно свободно: он занимал то положение в зрительном зале, которое было нормальным, если оценивать его в свете театральных представлений Нового времени. Но в условиях своего времени царь был не только единственным зрителем театра, он был его полновластным владельцем. Он учредил театр, санкционировал расходы на его устройство, предписал театру сюжет пьесы, устанавливал место и время спектаклей, мог награждать или наказывать исполнителей. Этот зритель получил желанную возможность, ни в чем не поступаясь своим достоинством, уже почти "божественным", взирать критическим оком на простиравшуюся перед ним сцену, на которой с равным рвением исполняли свои обязанности и бояре реальные, и "бояре" театральные» [2].

² Известна точная дата (15 декабря 1676г., спустя почти год после смерти Алексея Михайловича, скончавшегося 30 января 1676 г.), когда царь Фёдор Алексеевич приказал весь театральный реквизит (музыкальные инструменты, декорации и пр.) вывезти за ненадобностью из палат Аптекарского приказа, где при Алексее Михайловиче шли театральные постановки. Подробнее см.: [2].

³ В своей книге автор, ссылаясь на известную работу В.П. Адриановой-Перетц «У истоков русской сатиры», также приводит другой пример пародирования церковной службы, но имеющей уже отношение к XIX столетию, – использование Н.Ф. Щербиной в своем поэтическом творчестве формы сатирического акафиста [6. С. 172].

⁴ Современный церковный обряд погребения умершего человека утвердился еще в XVI в. и на протяжении уже долгого времени не менялся. Не подвергалась трансформации и композиция чина.

шего времени и до сегодняшнего дня не менявшимся. Мы не будем излагать в деталях историю составления данного чина, поскольку она подробно рассмотрена в православной богословской литературе. Отметим только то, что чин имеет свою строго продуманную композицию, состоящую из трех основных частей. Однако задача «чиновника» (церемониального текста) заключается не только в изложении и описании обряда, но и в закреплении за определенным этапом совершаемого ритуального действия слова, сопровождающего обряд. И в этом случае документальный по своей природе текст становится интересным с позиции ораторского искусства, актуализируя уже его литературную составляющую.

Литературная компонента проявляется через комплекс художественных мотивов, звучащих на протяжении всего обряда. Такими мотивами являются: мотив времени (скоротечности земной жизни), мотив утраты, мотив сна/успения (вечного сна) и др. Мотивный комплекс чина сформирован благодаря библейским и литургическим, богословским источникам, на основе которых и составлено само действо: псалмы (90, 118, 50), 8 стихир преп. Иоанна Дамаскина, тропари, молитвы.

Наиболее сильным по эмоциональному воздействию является вторая часть чина, в которую входят 8 стихир преп. Иоанна Дамаскина, образующих непрерывную проповедь о суете жизни, ее скоротечности, тленности земного мира и бессмысленности человеческих усилий найти счастье в материальных ценностях. «Глас 4. – Гдѣ есть мирское пристрастіе; гдѣ есть маловременныхъ мечтаніе; гдѣ есть злато и сребро; гдѣ есть рабъ множество и плещи. Вся попель, вся персть, вся сѣнь. Приидѣте възопіемъ бесмертному царю. ...Прииде смерть яко хищникъ, приступи тлитель и разруши мя». (Л. 134 об.) [8] «Глас 8. – Плачася и рыдаа, егда помышляю смерть. И видѣхъ въ гробѣхъ лежащую по образу божию созданную нашу красоту, безобразну и безславу, неимущую видѣнія. О чюдеси что еже о мнѣ се бысть таинство, како предахомся тлѣнію» (Л. 138).

В рассматриваемом чине нельзя не увидеть определенного композиционного приема, на котором строится весь текст, – это антитезность, показывающая себя в смене тем и интонаций каждой из частей. Это становится заметно при провозглашении заповедей евангельских блаженств, которые привносят в чин тему примирения, прощения и спасения души, тем самым сглаживая трагическое мироощущение, характерное для 8 стихир с их основной темой временного и тленного. Таким образом, церковный чин, на первый взгляд внешне кажущийся регламентированным и консервативным, внутренне обладает огромным лирическим потенциалом, позволяющим на протяжении всего времени совершения обряда почувствовать различные оттенки эмоций и чувств души (страдания, страх, ужас, смирение, покой, умиротворение).

Насколько сильны в художественном плане церковные чины, свидетельствует тот факт, что некоторые из них уже в более позднее время стали основой для поэтических текстов. В конкретном рассматриваемом нами случае 8 стихир преп. Иоанна Дамаскина, являющиеся одним из ключевых фрагмен-

тов «Чина погребения мирских человек», послужили источником для оды Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского».

Напомним, что сегодня наиболее обсуждаемыми в изучении оды «На смерть князя Мещерского» являются проблемы жанра [9. С. 187–188], своеобразие поэтического языка [10. С. 39–40; 11. С. 284–286]. Лакуной, существующей в изучении державинского стихотворения, остается вопрос о реминисценциях, отсылающих читателя к обрядово-церемониальной христианской книжности.

Традиционно «На смерть князя Мещерского» относят к философской поэзии, где представлено осмысление темы жизни и смерти человека, суетности и тленности земного мира, скоротечности времени. С этим нельзя не согласиться. Приводимые в многочисленных исследованиях выводы звучат более чем убедительно. «Своеобразие философских од состоит в том, что человек рассматривается в них не в общественной, гражданской деятельности, а в глубинных связях с вечными законами природы. Один из самых могущественных среди них, по мысли поэта, – закон уничтожения – смерть» [9. С. 187]. Почти всегда рассмотрение стихотворения Г.Р. Державина исследователями сводится к характеристике самого образа смерти, созданного на основе использования приемов афористической контрастности: «Едва увидел я сей свет, // Уже зубами смерть скрежещет»; «Монарх и узник – снесь червей»; «Приходит смерть к нему, как тать»; «Где стол был яств, там гроб стоит»; «Сегодня Бог, а завтра прах» – эти и другие стихотворные строки хорошо известны любому читателю.

Но при этом стоит обратить внимание на тот факт, что контрастность, проявляющая себя в оде через тему, выразительные средства, используемые автором, особая интонация [11. С. 285] восходят к христианской традиции. Осмысливая и разрабатывая в своем творчестве тему «жизнь – смерть», Г.Р. Державин не мог не обратиться к сочинениям духовно-религиозного содержания. И такими источниками могли быть обрядовые церковные произведения, созданные в эпоху Древней Руси, сочинения поэтов-силлабиков XVII в., псалмы. Одним из источников оды, отдаленных от эпохи Г.Р. Державина двумя столетиями, но тематически связанным с сочинением поэта на интертекстуальном уровне, могут быть названы псалмы, входящие в «Чин погребения мирских человек». При сравнении державинского стихотворения с текстом «чина» становится очевидным обращение автора к книжным образцам, приведшее к проникновению в оду Державина ряда стихотворных строк из псалмов «Чина...».

В первой стихотворной строке державинской оды с помощью приемов аллитерации изображается бой часов¹, напоминающий о скоротечности жизни и неизбежном приближении смерти: «Глагол времен! Металла звон!». Однако тема времени, так реалистично звучащая в самом начале стихотворения, – это основная тема обряда погребения усопшего человека. Несмотря на свой печальный характер, православная погребальная процессия отличается высокой торжественностью. Торжественность задается ударами колокола, звук которого сопровождает перенесение тела усопшего в храм. Колокол воз-

¹ Сами звуки должны вызвать у читателя (слушателя) впечатление боя часов [10. С. 39].

вещает живым, что у них стало одним братом меньше, и одновременно служит прообразом трубного звука архангела, который раздастся в последний день мира, его Судного дня [12. С. 77–85] и будет услышан во всех концах земли.

Дальнейшее развитие лирического сюжета оды Г.Р. Державина подтверждает следование стихотворения традиции церковного текста. На внелитературном уровне это видно в описании русского обычая ставить на стол гроб с телом покойника: «Где стол был яств, там гроб стоит». На интертекстуальном уровне связь эта просматривается через интерпретацию цитат 8 стихир Иоанна Дамаскина, читаемых после заупокойного канона второй части обряда погребения. Общая тема, звучащая в каждой стихире, – это скоротечность жизни, беспомощность и бессилие человека противостоять смерти. Однако в каждой стихире мотив утраты и страха перед смертью сопряжен с верой в Христа, который дарует вечную жизнь. Таким образом, прием антитезы, используемый Державиным, воспринят от древней псалмопевческой традиции, закрепленной в «Чине погребения мирских человек».

«Глас 1. "Какая сладость в жизни пребудет не причастною печали? Чья слава устоит на земле непреложной? Все здесь – ничтожнее тени; все обманчивее сна; одно мгновение – и все это похищает смерть; но упокой, Христе, Человеколюбче, во свете Лица Твоего и в наслаждении Твоею красотой сего (усопшего), которого Ты избрал"...

Глас 3. "Для людей суета все то, что не остается (с ними) по смерти: не остается богатство; слава не идет (с ними во гроб). Ибо как только пришла смерть, все это исчезло. Потому возопием Христу бессмертному: упокой преставившегося от нас там, где всех веселящихся жилище".

Глас 4. "Куда девалось пристрастие к миру? Где мечты о временном? Где золото и серебро? Где множество рабов и слава? Все это – персть, все – пепел, все – тень. Придите же возопием бессмертному Царю: Господи! сподоби вечных благ Твоих преставившегося к Тебе от нас и упокой его в нестареющем Твоем блаженстве"» и т.д.

В стихирах излагается торжественная и трогательная проповедь о скоротечности земной жизни и таинственности смерти, которая делает тщетными все человеческие усилия, если они направлены к достижению богатства и славы. Душа, разлучившись с телом, может уповать только на милость Христа. «Плачу и рыдаю, когда размышляю о смерти и вижу во гробах лежащую по образу Божию созданную нашу красоту безобразною, бесславною, не имеющею вида. О чудо! Что это за таинство совершилось над нами? Как предадимся тлению? Как сочетались мы со смертью? Подлинно, по повелению Бога написано, – Подающего преставльшемуся упокоение» – такими возвышенными словами заканчивается последняя, восьмая, стихира из тех, которые поются после заупокойного канона.

Следование державинской оды псалмопевческой традиции становится еще более очевидным при сопоставлении стихотворных строк произведений:

«На смерть князя Мещерского»
Где стол был яств, там гроб стоит;
 Где пиршеств раздавались лики,
 Надгробные там воют клики,
 И бледна смерть на всех глядит.

Смерть, трепет естества и страх!
 Мы гордость, с бедностью совместна;
 Сегодня бог, а завтра прах;
 Сегодня льстит надежда лестна,
 А завтра – где ты, человек?
 Едва часы протечь успели,
 Хаоса в бездну улетели,
 И весь, как сон, прошел твой век.
 Не мнит лишь смертный умирать
 И быть себя он вечным чает;
Приходит смерть к нему, как тать,
 И жизнь внезапно похищает.

Ничто от роковых когтей,
 Никая тварь не убегает:
Монарх и узник – снедь червей...

Сегодня бог, а завтра прах

«Чин погребения мирских человек»
Глас 2. ...вчера быв с нами, ныне лежит мертв. Приидете разумею, како... зловонии лежат смердящее, како иже... златом красяще, без красоты лежат и без лепоты.

Глас 3. все суетие человеческое, елико не пребудет по смерти, не пребывает богатство и не снидет слава нашедши бо смерти вся сия погубит. Тем же Христу бессмертному возопием: преставльшагося от нас покой, идее же всем есть веселящимся жилище у тебе Человеце, что всеу мятемся. **Дым е житие се.**

Глас 4. Где есть мирское пристрастие, где есть маловременных мечтание, где есть злато и серебро, где есть раб множество и плещи. Вся попел, вся персть, вся сень.

Прииде смерть яко хищник...

Глас 5. Помянух пророка вопиюща: аз есмь земля и попел, и *накы рассматрих во гробех и видех кости обнажены. И рех: убо кто е царь или нищ, или праведник или грешник.*

Особого комментария требует строка из державинского стихотворения «Монарх и узник – снедь червей». Строка, как и многие другие, ставшая афористической. Но державинская строка есть не что иное, как перифраз стиха псалма, звучащего в «Чине погребения мирских человек».

«Составы и сосуды плоти наша, яко прах и смрад, снедь червем быша. Преже составы плоти наша любезны, ныне же гнусный и смердящий, яко сухи кости наша, не имуще дыхания». Как дословная цитата, взятая из «Чина...», впервые в литературе эта строка зафиксирована в «Письмах юродивого», литературном памятнике смеховой культуры XVII в. [13. С. 205–214], введенном в научный оборот Н.В. Понырко. Стоит сказать, что русская литература XVII в. в силу ряда историко-культурных обстоятельств проявила активный интерес к теме «жизнь – смерть», «жизнь как сон». Изображение жизни – смерти человека на основе образной контрастности, как известно, нашло воплощение в творчестве поэтов и писателей эпохи барокко: князя Бориса Репнина-Оболенского [15. С. 114–116; 16. С. 464–466, 757–758]¹, в творчестве монарха Алексея Михайловича [17. С. 45–61]², Кариона Истомина и др.

¹ См. также «Устав» Нила Сорского, где отдельная (7) глава посвящена «памяти смертной и Страшному Суду». В ней Нил Сорский говорит, что «невозможно есть алчущему не поминати хлеба; тако же и хотящему спастися не поминати смерти». Для достижения особенного молитвенного состояния старец рекомендовал помнить о том, что человеческая жизнь коротка: «Путь сей краток есть; дым есть – житие сия, пара и перст, пепел; в мале является и вскоре погибает», и иноку необходимо «сбырть» «ум в та, яже рекоша святии в писаниих о различных страшных смертех... Полезне же мноу и сие, еже въспоминати нам различныя смерти веденныа и слышанныа, яже и в днех наших бывше».

² Мы имеем в виду «Повесть о преставлении патриарха Иосифа» (Статейный список 1652 г.) царя Алексея Михайловича.

Человече! Зрев, чие лице красно,
разумей: в смерти будет то ужасно,
Понеже тогда лепотна есть рожа,
егда в здравости гладка на ней кожа.
Аще ли кожа с онаго сдерется,
страха и плача каждый наберется [14. С. 203].

Таким образом, державинская ода вбирает в себя духовный опыт, накопленный и представленный до него в литературе более ранних периодов. Она продолжает традицию Святого Писания осмысления жизни человека, понимаемую как восхождение к Благодати, обретение покоя, даруемого свыше. И финал оды отражает христианское мировоззрение: последняя интонационная антитеза утверждает торжество жизни над смертью, а не наоборот.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
*Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.*
(курсив наш. – А.Ш.)

Часто можно встретить такую трактовку последней строфы: автор, завершая оду, выражает точку зрения, свойственную эпикурейскому мировосприятию. Смерть неизбежна, но человеку дарована жизнь, следовательно, необходимо жить, получая наслаждение от жизни. Интерпретация, как нам, кажется, несколько упрощает понимание стихотворения поэта. Отметим, что подобный подход был бы применим, например, к произведениям эпохи Ренессанса или барокко. Последние четыре строки финальной строфы в эмоциональном отношении наиболее сильны. В их основе находятся художественные образы (дар небес, покой, душа, благословение, судьба), призванные не заземлять представление человека о жизни, сводимой только к получению благ и удовольствий, а, наоборот, с позиции христианина заставить читателя задуматься о смысле жизни. Именно поэтому композиционно последнюю строфу автор выстраивает, следуя традиции канонических псалмов, исполняемых во время обряда погребения усопшего, где финальные строки провозглашают силу веры в бессмертие души.

Таким образом, проделанный анализ выявил присутствие в тексте Г.Р. Державина «чужого» слова, которое позволило автору обновить литературную традицию изображения темы «жизни – смерти», зыбкости границ между ними. Реминисценция в рассматриваемом произведении предстает носителем культурной памяти, служит проявлением общей установки автора на цитацию и сохранение литературных традиций. Смеем высказать суждение, что как для самого Г.Р. Державина, так и для его читателя слово оды рождало вполне реальные литературные ассоциации, оно было живым и узнаваемым.

Рассмотрение в предложенном ключе оды Державина, с которой начинается «новый путь» поэта, позволяет видеть в ней предтечу действительно иной поэзии, для которой свойственно ощущение единения человека с Богом,

поэта – с Творцом. В этом случае мы вновь видим, как традиция церковных церемониальных текстов уже в новой исторической ситуации выполняла изначально характерную для чинов функцию – показать пути достижения человеком гармонии с миром, обретения сопричастности с вечным.

Литература

1. Шунков А.В. «Урядник сокольничья пути» как памятник русской художественной культуры середины XVII века. Кемерово: Арф, 2007.
2. Первые пьесы русского театра. М.: Наука, 1972.
3. Лихачев Д.С. Древнерусский смех // Проблемы поэтики и истории литературы: сб. ст. в честь 75-летия М.М. Бахтина. Саранск, 1973.
4. Панченко А.М. Литература "переходного" века // История русской литературы Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980.
5. Ромодановская Е.К. «Служба кабаку» перед церковным судом XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература эпохи феодализма. Новосибирск, 1990.
6. Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени. Новосибирск, 1994.
7. Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
8. Чин погребения мирских человек. № 233 Требник неполный, полууст. четкий XVI века, в четверть, 318 листов Л. 129–148 // <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=233&pagefile=233-0135> (дата посещения: 15.09.13).
9. Орлов П.А. История русской литературы XVIII века. М., 1991.
10. Баяевский В.С. История русской поэзии 1730–1980. М., 1996.
11. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М.: Высш. шк., 2000.
12. Шунков А.В. «Страшный Суд» как сюжетобразующий мотив литературы и культуры Древней Руси // Сиб. филол. журн. 2013. № 2.
13. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в древней Руси. Л.: Наука, 1984.
14. Истомин Карийон. Стихи увещательны от греховного лыщения // Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973.
15. «Казание о человеческой жизни двоестрочно, велми душеполезно» // Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / сост., подгот текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былиннина, А.А. Илюшина. М., 1989.
16. Повесть и сказание о прении живота со смертию и о храбрости его и о смерти его (памятник переводной литературы XV–XVI вв.) // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / подгот. текста «Повести...» и примеч. Р.П. Дмитриевой. М., 1969. С. 464–466, 757–758. (Библиотека всемирной литературы).
17. Шунков А.В. Жанр послания в русской литературе XVII века (на примере эпистолярного наследия царя Алексея Михайловича). Кемерово: КемГУКИ, 2006.

"BURIAL CEREMONY OF MUNDANE PEOPLE" (XVI CENTURY) AND ITS TRADITION IN THE POETRY OF G.R. DERZHAVIN.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 151–159. DOI 10.17223/19986645/28/13
 Shunkov Alexandr V., Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

Keywords: *ceremonial genres of ancient Russia, intertextuality, literary tradition, spiritual ode.*

Ritual and ceremonial texts ("ceremonials") of Ancient Russia is a special genre form, which had a definite practical purpose: to provide a detailed description of designing process in the practice of ceremonial for ideal universe, to replace the one world (imperfect) others given to harmony. It is a specific layer in the ancient book-learning, which were sealed presentation about the world and man's place in it.

It can be said that the "ceremonials" created the picture of a harmonious world, the foundation of which was the principle of the hierarchy. This world created by the "ceremonials", was thought as existing forever, and people had to enter at this time, to subdue the eternal today. In connection with this, another problem that has been solved by the "ceremonials" was designing everyday life in the solemn eternal forms. The "ceremonial" was to give people an opportunity to feel a sense of ownership with the eternal time, sanctified by God.

The article deals with the interaction of the documentary and literary traditions in the national literature. On the example of intertextual interaction of ode by G.R. Derzhavin "On the Death of Prince Meshcherskij" and church ritual text "Burial ceremony of mundane people" (XVI c.), the process of creative processing ritual text in the era of modern times was shown. The complex of artistic motifs was named, sounding in G.R. Derzhavin's ode brought in from the ritual text of the XVI century. The idea of the ode motivic complex formed through borrowing from liturgical sources of the main motifs: sleep (lulling to sleep), the transience of time was provided.

Considering G.R. Derzhavin's ode with which he began a "new way" of the poet, in the proposed manner allows seeing really anticipated poetry. The poetry, which will tend to feel person unity with God, the poet with the Creator. In this case, we again see how the tradition of church ceremonial texts in a new historical situation performed initial function of the "ceremonials" - to show the ways for achieving harmony with the human world by the person, gaining ownership of the eternal.

References

1. Shunkov A.V. "Uryadnik sokol'nich'ya puti" kak pamyatnik russkoy khudozhestvennoy kul'tury sere diny XVII veka [The sergeant of Falconer Road as a monument of Russian artistic culture in the middle of the 17th century]. Kemerovo, Izd-vo Arf Publ., 2007. 66 p.
2. Pervye p'esy russkogo teatra [First plays of the Russian theatre]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 511 p.
3. Likhachev D.S. Drevnerusskiy smekh [Laughter in Old Rus]. In: *Problemy poetiki i istorii literatury* [Problems of poetics and history of literature]. Saransk, Mordovskiy universitet Publ., 1973, pp. 73 – 90.
4. Panchenko A.M. Literatura "perekhodnogo" veka [Literature of the "transitional" century]. In: *Istoriya russkoy literatury. T. 1. Drevnerusskaya literatura. Literatura XVIII veka* [History of Russian Literature. Vol. 1. Old Russian literature. Literature of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 291 – 407.
5. Romodanovskaya E.K. "Sluzhba kabaku" pered tserkovnym sudom XVIII v. [The Tavern Service before the church court]. In: *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost', literatura epokhi feodalizma* [Public consciousness, book learning, literature of feudalism]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, pp. 189 – 194.
6. Romodanovskaya E.K. Russkaya literatura na poroge novogo vremeni [Russian literature at the turn of time]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994. 232 p.
7. Lutsevich L.F. Psaltyr' v russkoy poezii [The Psalms in Russian poetry]. Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2002. 608 p.
8. Chin pogrebeniya mirskikh chelovek. № 233 [The Funeral Service of the secular. No. 233]. In: *Trebnik* [The Breviary], pp. 129–148. Available at: <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=233&pagefile=233-0135> [accessed September 15, 2013].
9. Orlov P.A. Istoriya russkoy literatury XVIII veka [History of Russian literature of the 18th century]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 320 p.
10. Baevsky V.S. Istoriya russkoy poezii 1730–1980 [History of Russian poetry]. Moscow, Novaya shkola Publ., 1996. 320 p.
11. Lebedeva O.B. Istoriya russkoy literatury XVIII veka [History of Russian literature of the 18th century]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2000. 415 p.
12. Shunkov A.V. Strashnyy sud kak syuzhetoobrazuyushchiy motiv literatury I kul'tury Drevney Rusi [Last Judgement as a plot motive of literature and culture in Old Rus]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2013, no. 2, pp. 77–84.
13. Likhachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. Smekh v drevney Rusi [The world of laughter in Old Rus]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 295 p.
14. Karion Istomin. Stikhi uveshchatel'ny ot grekhovnogo l'shcheniya [Poetry admonishing sinful thinkers]. In: Panchenko A.M. *Russkaya stikhotvornaya kul'tura XVII veka* [The Russian poetic culture of the 17th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1973.
15. Kazanie o chelovecheskoy zhizni dvoestrochno, velmi dushepolezno [A very useful tale of human life]. In: *Virshavaya poeziya (pervaya polovina XVII veka)* [The verse poetry (the first half of the 17th century)]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1989.
16. Povest' i skazanie o preni zhivota so smertiyu i o khrabrosti ego i o smerti ego [A tale and legend of the dispute of life and death, of its courage and death]. In: *Izbornik* [Anthology]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1969, pp. 464 – 466, 757 – 758.
17. Shunkov A.V. Zhanr poslaniya v russkoy literature XVII veka (na primere epistolyarnogo naslediya tsarya Aleksey Mikhaylovicha) [The genre of message in Russian literature of the 17th century (by example of the epistolary heritage of Tsar Alexei Mikhailovich)]. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2006.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070:93/94 (571.1)
DOI 10.17223/19986645/28/14

Н.В. Жиликова

«И СМЕХ, И ГОРЕ»: НЕИЗВЕСТНЫЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ТОМСКА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье впервые рассматриваются история и содержательные особенности одного из сатирических журналов периода Первой русской революции: «И смех, и горе», изданного в 1905 г. в Томске журналистом В.П. Булыгиным. Выявлены причины утраты сведений об этом журнале, проанализирована структура номера, методы создания сатирического эффекта. Сделан вывод о месте и значении издания среди томских изданий: «И смех, и горе» был первым сатирическим журналом Томска, в котором отразились рост общественного самосознания и процесс осмысления событий, происходивших в России после объявления Манифеста 17 октября 1905 г.

Ключевые слова: сатирическая журналистика, Томск, журнал «И смех, и горе».

Сатирическая журналистика периода Первой русской революции 1905–1907 гг. является достаточно хорошо изученным явлением, однако до сих пор исследователи обнаруживают отдельные дореволюционные издания, не попадавшие ранее в круг научной рефлексии. Настоящая статья посвящена анализу томского сатирического журнала «И смех, и горе», который был выявлен профессором Национального исследовательского Томского государственного университета Е.Н. Косых и главным библиотекарем ТОУНБ им. А.С. Пушкина А.В. Яковенко [1. С. 89]. В сводном каталоге периодических и продолжающихся изданий «Повременная печать Сибири», составленном Е.Н. Косых и А.В. Яковенко и изданном в 2011 г., этому журналу посвящена следующая запись:

«И смех, и горе.

Эпизодический листок общественной жизни с ее тревожностями. Имеет наибольшую склонность к юмористике и сатире – первый в Сибири.

Эпиграф: «В хмурый день не грешно улыбнуться».

1905, № 1. Томск (вышел 1 номер): объем – 24 стр.

Редактировал Рефлектор (псевд. В.П. Булыгина).

Цена – 5 коп.; «подписка не принимается» (см. стр. 1 издания).

Паровая типография Н.И. Орловой» [1. С. 89].

Указано и место хранения журнала – Научная библиотека Национального исследовательского Томского государственного университета.

Необходимо отметить, что в каталогах периодических изданий Научной библиотеки ТГУ – дореволюционном «блочном», традиционном карточном, современном электронном, а также в указателе «Сатирические журналы 1905–1907 гг. в фондах Научной библиотеки Томского университета» [2], сведений об этом журнале нет. Карточка с данными о журнале в итоге была обнаружена в книжном каталоге Научной библиотеки ТГУ: это объясняет тот

факт, что исследователи никогда не включали журнал «И смех, и горе» в список томских сатирических изданий периода Первой русской революции 1905–1907 гг., начиная с дореволюционных работ. Так, автор статьи «Периодическая печать в Томске» Вс. Крутовский [3], который был современником описываемых событий, публицистом, сотрудником многих томских изданий, в обзоре сатирических и литературных журналов Томска ни словом не упоминал журнал «И смех, и горе». Начиная свой обзор с сатирического журнала «Осы», затем давал краткую характеристику журналов «Ерш», «Бич», «Рабочий юморист», «Негативы» и заканчивал перечисление «Силуэтами г. Томска», впоследствии переименованными в «Силуэты Сибири». Он также назвал юмористический журнал «Бубенцы» – приложение к журналу А.В. Долгорукова «Сибирские отголоски». Все это позволяет сделать вывод о том, что, по-видимому, Вс. Крутовский не знал о выходе журнала «И смех, и горе». Добавим, что он не писал и о выходе единственного номера томского сатирического журнала «Красный смех» (его тираж был арестован и уничтожен, в Томске издания нет, экземпляры журнала сохранились только в архиве Российской национальной библиотеки, г. Санкт-Петербург).

Известный сибирский журналист А.В. Адрианов в работе 1919 г. «Периодическая печать в Сибири» также перечисляет журналы «Осы», «Ерш», «Бич», «Рабочий юморист», «Бубенцы», «Силуэты Томска», «Негативы», умалчивая о «И смех, и горе» и «Красном смехе» [4]. Этот же список полностью повторен в статье «Журналы и временники», опубликованной в «Сибирской советской энциклопедии» в 1929 г. [5], его же придерживаются современные исследователи [6. С. 309].

Журнал «Красный смех» был включен в списки сатирических изданий Томска в советский период, когда был обнаружен в столичных архивах (см.: [7, 8, 9, 10]). Однако «И смех, и горе» пребывал в забвении до начала XXI в.

Исследование содержания журнала «И смех, и горе» обнаружило еще одну причину его «исчезновения». Дело в том, что данные о многих дореволюционных изданиях, в том числе о несостоявшихся замыслах изданий, содержатся в полицейских, цензурных, губернских и других архивах, содержащих документы официального делопроизводства. Таким образом, если бы издатель журнала «И смех, и горе» подавал прошение об издании, сохранилась бы достаточно обширная переписка, сопровождавшая эту процедуру: заявление предполагаемого издателя, программа будущего издания, секретная характеристика благонадежности издателя и имеющиеся о нем сведения у полицмейстера, разрешение либо отказ на издание и т.д. В журнале же «И смех, и горе» сообщалось: «Видите ли, мы разрешения на газету не испрашивали. Скучная это история: туда напиши, тут подожди, там подложи, здесь доложи, – тьфу! А мы себе издаем, да посмеиваемся. «Да ну их, говорим!»...» [11. С. 1]. По-видимому, статус издания можно определить советским словом «самиздат», означающим неофициальное бесцензурное распространение произведения, издаваемого без ведома и разрешения официальных органов.

На первой странице издания есть также дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Григорию Николаевичу Потанину от автора». Это позволяет предположить, что тираж издания предназначался не столько для продажи,

сколько для распространения среди друзей и единомышленников, и он был невелик.

Журнал «И смех, и горе» представляет собой издание «карманного формата» (немногом меньше современного А5), без иллюстраций. Сохранившиеся выходные данные также достаточно скудные: год издания в журнале не напечатан, хотя анализ содержания четко указывает именно на 1905 г.; число и месяц выхода номера также отсутствуют. Однако на первой полосе опубликована программа издания, которая была четко исполнена в изданном первом номере журнала:

«1) Статьи духовно-нравственного содержания, в стряпке которых лица духовного звания участия не принимают;

2) Статьи сокрушительные;

3) Статьи утешительные;

4) Статьи иного свойства;

5) Корреспонденции (бывают даже с того света);

6) Местная хроника;

7) Фельетон по силе возможности;

8) Русская жизнь;

9) Заграничная смерть;

10) Объявления бесплатно (пользуйтесь случаем и помещайте)» [11. С. 1].

Несмотря на явную пародийность этой программы, ясно видны желание издателя структурировать материал по жанрам и темам и сосредоточенность на общественно-политических проблемах (нет литературных рубрик, научных, экономических и т.д.).

Типологический статус издания «И смех, и горе» представляет собой определенную проблему, которая нередко возникает в отношении сатирических изданий периода Первой русской революции 1905–1907 гг. В истории журналистики закрепилось общее определение изданий этого типа именно как журналов – иллюстрированных еженедельников (см. например: [6, 12]). Однако сами издания не придерживались строгих определений, называя себя то газетой, то журналом, то «листочком» и т.д. «И смех, и горе» был назван издателем «сатирическим листком», в текстах упоминается «брат-газетчик», и часть рубрик этого издания относится к традиционно «газетным» (особенно «Местная хроника»). Однако «листочками» называли себя и томские журналы «Осы», «Ерш» и некоторые другие. Поэтому, следуя традиции, мы будем называть «И смех, и горе» сатирическим журналом, имея в виду, что это издание совмещало в себе признаки и газеты, и журнала.

Из-за того, что в журнале «И смех, и горе» не была указана дата выхода, возникает вопрос о первенстве этого издания на рынке сатирических журналов Томска и Сибири. До сих пор в качестве первого сатирического журнала Томска всегда указывался сатирический журнал «Осы»: разрешение на его издание было получено 22 декабря 1905 г., а 31 декабря 1905 г. вышел первый номер «литературно-сатирического листка» «Осы», издаваемого В. Федоровым [13]. Судя по этой дате, «И смех, и горе» никак не мог выйти позже «Ос», если учесть, что в журнале в основном освещаются события октября и ноября 1905 г. Содержание журнала дает основание утверждать, что «И смех,

и горе» был отпечатан в течение декабря 1905 г., и значит это действительно был первый в Сибири сатирический журнал, хотя и неофициальный.

Как и другие сатирические журналы, «И смех, и горе» был построен по пародийной модели обыкновенного периодического издания. Он начинался со статьи «От редакции», в которой по традиции излагались основные цели и задачи нового журнала. Эта статья была построена как речь неуверенного в себе чиновника, который постоянно бормочет себе под нос «г-м! г-м!»: «Приступая к настоящему изданию... г-м! г-м!.. и имея в виду... г-м! г-м!.. обещанную нам свободу слова... г-м! г-м! г-м! от слова не сбудется...» и т.д. [11. С. 2]. Автор статьи подчеркивал, что воображаемый чиновник не просто сочиняет текст – он диктует его своему секретарю, о чем свидетельствуют ремарки: «Секретарь, дайте мне носовой платок»: «Секретарь, зачеркните эти три слова». «Случайная описка» показывает, к кому в действительности обращена программа – к «вашему благородию», поэтому читателю становятся понятны попытки «чиновника» придать журналу вид «благонадежного». В результате рождаются обещания «никогда не переходить на сторону хулиганов», сообщается от имени редакции, что «мы твердо верим, что наша отчизна находится на пути прогресса и под усиленную охраной», и выражается уверенность, что «мы божею милостию будем всегда живы и здоровы». Сатирический эффект возникает от создания образа растерянного чиновника, который, с одной стороны, демонстрирует покорность, с другой – витиевато намекает, что «околоточные надзиратели, приставы, полицмейстеры и ротмистры и прочие ревнители охранения основ» не рвутся спасать «женский и детский пол из огня и пламени» во время митингов, а также сомневается в том, что «вместе с свободой все будут свободны» [11. С. 2].

В заключение автор говорил: «Итак, вы знаете, что мы шутить не будем. Читайте!» – подчеркивая и серьезность намерений, и ситуацию каламбура, когда сатирический журнал уверяет в том, что он не собирается шутить [11. С. 3].

Следующий привычный для русской периодики раздел «Телеграммы» состоял из трех предложений: «Телеграммы Российского телеграфного агентства в самом непродолжительном времени будут переданы в Томск по беспроволочному телеграфу, который уже нам выслала Доброжелательная Америка через северный полюс – наложенным платежом. Вот будут деньги и телеграммы будут... а теперь – облизись» [11. С. 3]. Несмотря на то, что речь идет о действительно существовавшей организации – Российском телеграфном агентстве, которое передавало телеграммы в Томск, здесь описана фантастическая история о посланном через северный полюс американском беспроволочном телеграфе, который якобы сможет поправить положение с доставкой телеграмм. Таким образом в сатирическом аспекте была отражена ситуация с ухудшившимся телеграфным сообщением в России во время Первой русской революции, когда отдаленные российские центры оставались практически без связи в самые нестабильные и опасные периоды, требующие оперативных решений и знания общей ситуации в стране.

Далее, в соответствии с намеченным планом, следовали одна за другой статьи «душеспасательная», «сокрушительная», «утешительная» и «иного свойства». Все они обыгрывали положение в городе, сложившееся после

провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. и томского черносотенного погрома, произошедшего 20–22 октября 1905 г.

Статья «душеспасательная» состояла из обращений к гражданам, гражданам и «гражданиям» и содержала советы подчеркнуто бытового свойства: «пейте лучше малину или липовый цвет», «кушайте, но не обкушайтесь и потейте», «не курите табак» и т.д. [11. С. 3]. Однако часть их была составлена таким образом, что намекала читателям об окружающей их беспокойной городской обстановке. Так, гражданам советовали «не упиваться вином, когда заперты винные лавки» (торговые точки нередко закрывались хозяевами из-за угрозы грабежа); гражданам рекомендовалось «свободно гулять с кавалерами, ибо у каждого из них есть оружие» (находиться на улицах безоружным было опасно во время черносотенного погрома) [11. С. 4]. Обращаясь к «гражданиям», сатирик писал: «Ходите в школу и ничего не бойтесь, так как в каждой школе стоят городовые, и ежели что-то уж – сделай милость – тащи и не пушай», тем самым одновременно рисуя картину военного положения в Томске и намекая на несостоятельность власти, которая действует прежними неэффективными методами даже в изменившейся обстановке. Причем весь этот перечень «советов» начинался с утверждения «Аз есмь червь, а не человек (Наверное, этого цензура не выбросит)»: автор намеренно максимально «снижал» образ городского обывателя, своего потенциального читателя, до уровня «червя», в притворной заботе о цензуре, в то же время показывая, что для части населения было более безопасным метафорически «забиться в угол», при этом ощущая, что как к низшему классу к ней относятся и власть, озабоченная революционными событиями [11. С. 3–5].

Статья «сокрушительная» была посвящена цензурным условиям существования периодики в России. Автор обращал внимание читателей на многоточия в текстах газет и журналов, заменяющие то, что редакторы вынуждены вычеркивать на основании 140-й статьи цензурного устава. Эти многоточия он называет «каплями лебединой крови», «с чистого светлого неба упавшими звездочками»: «Это человеческие мысли, чисты как слезы детей, ясные как солнце, правдивые, выстраданные мысли...». Несмотря на провозглашенную свободу слова и «отстранение от должности» 140-й статьи, автор был полон скептицизма и заканчивал статью, боясь вновь «увидеть те звездочки, ту кровь лебединую, о которой я говорил выше» [11. С. 4–6].

Основной сюжет статьи «утешительной» заключался в противопоставлении прошлого времени, когда материала для «утешения» было достаточно, и настоящего, в котором из безопасных тем осталась только погода:

«Хо-орошая у нас погода, господа. Шубы хоть и совсем не надо.

Тепло, снежок, влага...

А впереди-то, впереди...

Свобод-то этих самых – сколько вам угодно...

И на счет слова, и на счет собраний, и на счет союзов...

Хо-орошая у нас погода; жаль только, что на снегу нет цветов и трав душистых, нет веселых летних мотыльков.

О-ох!..

Сидишь это, сидишь теперь и такая-то тебя одурь возьмет от радости, но и на улицу выйти не решаешься.

Городовой подумает, что ты пьян, ну – а тогда пиши пропало...

Хо-орошая у нас погода, господа...» [11. С. 7–8].

Приведенный отрывок дает представление о методе автора: описывая погоду (по-видимому, поздней осени или начала зимы), он вставляет в текст свои иронические размышления о приобретенных благодаря Манифесту 17 октября 1905 г. «свободах». Они представляются автору столь же недостижимыми, как цветы зимой, и особенно в свете обстановки на улице, когда безопаснее сидеть дома, чем попадаться на глаза тому, кто призван обеспечивать провозглашенные «свободы».

Тему смирения, которое оказывается особенно желательно власти и цензуре, раскрывает «статья иного свойства»: в ней автор доказывает, что «мы должны быть почтительны и терпеливы», «должны знать, что о нас заботятся и что нам дадут все то, что нам полагается». В качестве идеала «терпения и смирения» приводится образ собаки Пестри, которая могла в ожидании кусочка хлеба часами сидеть неподвижно; однако автор предупреждает читателей: «Вы, пожалуйста, чего-нибудь не подумайте, да еще не скажите господину цензору, а то ей Богу беда будет...». «Сидите себе у моря и ждите погоды», – советует сатирик, потому что уже скоро, по его мнению, будет введено военное положение [11. С. 8–9].

Пародийные «корреспонденции» в журнале «присланы» из Красноярска, Нарыма, Захолустья и Тартара; сюжеты их соответствуют наиболее часто встречающимся в обычных корреспонденциях ситуациям. Это назначение «злодея» на ответственное место («директором черной сотни» становится господин Смирнов, отчего все Смирновы отказываются от своей фамилии); представители туземного населения требуют «полной отмены сдирания с них шкур мироедами»; есть даже зарисовка «культурного досуга» в Захолустье («собрались лупить интеллигенцию») и сообщение о прибытии в Тартар конституции [11. С. 9–11].

Одной из самых информативных рубрик журнала оказалась «Местная хроника» [11. С. 11–13]. Здесь встречается единственная во всем журнале хронологическая привязка: после первой новости, в которой читателям было сообщено о том, что «по всем улицам города лежит снег», приводится информация о том, что «с 1 декабря ночная охрана находится в новых руках», а именно под управлением городской управы. Таким образом, можно утверждать, что журнал «И смех, и горе» вышел в течение декабря 1905 г., опередив первый «официальный» журнал «Осы», изданный 31 декабря 1905 г.

Другие новости «Местной хроники» носили пародийный характер, но во многом были основаны на существующих реалиях – они повествовали о нехватке дров в Томске (однако автор объяснял это тем, что крестьяне заняты на предвыборной агитации), о слухах о появлении «антихриста» (причем ловить его предписывалось становому приставу), о выдаче низшим чинам в связи с похолоданием нового обмундирования (но не теплой одежды, а «летних фуражек», а «дырявые сапоги в начале следующего столетия будут неукоснительно заменены новыми») и т.д.

Самым объемным материалом номера является «Фельетон», он занимает 5 страниц [11. С. 13–18] и состоит из нескольких зарисовок, объединенных общей темой – состояние общества после 17 октября 1905 г. Герой первой из

них – дядя одного из журналистов, который пытается объяснить полиции, что они поступают незаконно, приговаривая: «Позвольте, 17 октября...», «Но ведь 17 октября...» – а вместо этого все больше ухудшает положение, в конце концов, его убивают полицейские. Увольняют и самого журналиста, который «самых простых вещей не понимает», продолжая настаивать на соблюдении обещанных свобод. Автор критикует действия губернатора, обвиняет его в попустительстве своему окружению, состоявшему из «взяточников, лицемеров и подлецов», описывает «пришествие конституции» на томские улицы, а завершает фельетон размышлениями о том, что необходимо верить в лучшее. «Она пришла, эта заря, и мы не должны дать ей потухнуть» [11. С. 18].

Рубрика «Русская жизнь» в журнале была составлена из вымышленных сообщений из Симферополя, Варшавы, Дребедени, Гражданослава, Чухломы, Петербурга и Москвы [11. С. 18–19]. В большинстве из этих городов «все обстоит благополучно», уверял автор, и даже «многолюдные митинги» в Гражданославе «прошли совершенно спокойно»: «Убитых 192, раненых 838» [11. С. 19]. В Петербурге «все тихо», поскольку «изоляция от всего мира полнейшая», а в Чухломе главным злом оказались курительные трубки, которые и были отобраны у населения по распоряжению исправника [11. С. 19].

Если предыдущие рубрики в целом повторяли структуру обычных периодических изданий, то раздел «Заграничная смерть» [11. С. 19–22] в журнале был выстроен по другому принципу. Автор объяснял свое понимание «заграницы», сатирически сравнивая заграничные и российские порядки: «Там есть короли и президенты, есть парламент и рейхстаги. Ну это отчасти напоминает наши губернские правления. Та лишь разница между парламентом и управлением, что в первом всегда все делается посредством языка и слова, а во втором ничего не делается посредством чернил и бумаги» [11. С. 20]. В итоге он делает вывод о том, что за границу ездить не нужно – «там все скверно, гадко, мерзко и мертво»: «То ли дело у нас? Разлюли-малина!» [11. С. 22].

В содержание журнала включены также «Объявления», которые все носят сатирический характер: ищется кухарка, «умеющая кормить без провизии», предлагаются услуги «опытного хулигана», разыскиваются посетители для гостиницы и т.д. Завершается журнал выходными данными: «Редактировал Рефлектор. Томск. Паровая типография Н.И. Орловой» [11. С. 24].

По сравнению с другими сатирическими изданиями этого периода в журнале «И смех, горе» практически нет упоминаний реальных людей. Один раз автор называет томского губернатора Азанчеева-Азанчевского [11. С. 16], в «местной хронике» появляется бывший директор колонии для малолетних преступников Никольский [11. С. 11], наконец, в «Русской жизни» возникает фамилия Витте [11. С. 19]. Остальные персонажи – это «один российский сановник», «дядя», «остяки» и т.д. Эта «разреженность» журнального пространства, описательность и акцентированная иносказательность были обусловлены не только сатирическим характером издания, но и личностью издателя – журналиста и социал-демократа В.П. Булыгина. Он прошел настоящую «школу» подцензурной журналистики в провинциальных изданиях, поскольку был сотрудником ведущих газет Томска «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь», а также журнала «Сибирский наблюдатель». В них Булыгин овладел многочисленными приемами эзоповского языка, позволяю-

щими обходить цензурные «рогатки», и даже в собственном, свободном от надзора издании не мог сразу решиться на прямое выражение своих мыслей. Поскольку в журнале не подписан ни один материал, можно сделать вывод о том, что единственным автором издания был собственно «Рефлектор», т.е. В.П. Булыгин.

Таким образом, журнал «И смех, и горе» самым достойным образом открыл череду сатирических журналов Томска периода Первой русской революции: на своих страницах он отразил рост общественного самосознания, процесс осмысления происходивших после объявления Манифеста 17 октября 1905 г. событий, дал яркие зарисовки городской жизни Томска в конце первого революционного года, хотя и в сатирическом преломлении. Несмотря на то, что журнал не получил широкого распространения и широкой известности, он является важным фактом развития местной журналистики, а знание о нем дополняет общую картину становления системы провинциальной периодической печати в начале XX в.

Литература

1. Косых Е.Н., Яковенко А.В. Повременная печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.): Сводный указатель периодических и продолжающихся изданий. Томск: Ветер, 2011. 376 с. (Историко-краеведческий архив: вып. 4).
2. Сатирические журналы 1905–1907 гг. в фондах Научной библиотеки Томского университета: каталог / научн. ред. В.А. Зибарев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 42 с.
3. Крутовский Вс. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск: Сибирское товарищество печатного дела, 1912. С. 279–309.
4. Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. Томск, 1919. С. 13–14.
5. Дурылин С., Казаринов П., Куржнец З. и др. Журналы и временники // Сиб. сов. энцикл.: в 4 т. Т. 1. Новосибирск, 1929. Стб. 972.
6. Лепилкина О.И. Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.). М.: Илекса, 2010. С. 304–324.
7. Русская сатирическая периодика 1905–1907 гг.: сводный каталог / сост. З.А. Покровская. М.: Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, 1980. 136 с.
8. Русские сатирические журналы 1905–1907 гг.: каталог коллекции / сост. З.В. Федотова, Н.Ф. Чернышева. М.: Гос. публ. ист. б-ка, 1973. 57 с.
9. Сатирические журналы 1905–1907 гг. в фондах Научной библиотеки Томского университета: каталог / науч. ред. В.А. Зибарев. Томск: Изд. Том. ун-та, 1988. 42 с.
10. Сатирические журналы первой русской революции 1905–1907 гг.: каталог / сост. П.Т. Рудзинский. Новосибирск: ГГНТБ СО АН СССР, 1990. 125 с.
11. И смех, и горе. Томск. 1905. № 1.
12. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М.: Флинта: Наука, 2002. С. 190–192.
13. Сибирская жизнь. 1905. № 264.

ISMEKH, I GORE: AN UNKNOWN SATIRICAL TOMSK MAGAZINE DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 160–168. DOI 10.17223/19986645/28/14
Zhiliakova Natalya V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@yandex.ru

Keywords: satirical journalism, Tomsk, *I smekh, i gore* magazine.

The article investigates the history and substantial features of a satirical magazine of the First Russian Revolution, *I smekh, i gore* [Laughter and Sorrow], published in 1905 in Tomsk. This magazine was discovered only last decade thanks to researchers E.N. Kosykh and A.V. Yakovenko. *I smekh, i gore* was not intended for mass distribution, it was released unofficially and had its only issue

presumably in December 1905. In Tomsk, it was stored as a part of the archives of a famous explorer and journalist, ideologist of Siberian regionalism G.N. Potanin. The author reveals the reasons for no research of the magazine, features of its typological status, and its place among other satirical publications of Tomsk in 1905-1907.

Like other satirical magazine, *I smekh, i gore* parodied the model of an ordinary periodical. It started with an article "From the Editor", which traditionally set out the mission of the new periodical. It also had the following columns: "Telegrams", "Local Chronicle", "Russian Life", and "Death Abroad". It contained "soul-winning", "crushing", "comforting" and "other" articles. The magazine used satirical methods to describe the situation in the Russian society after the adoption of the Manifesto of October 17, 1905. In Tomsk the situation was complicated by the fact that on October 20-22 there was an Anti-Jewish pogrom with human losses. The magazine reflected the confusion of the urban society, the helplessness of the Russian authorities, the people's disbelief in the granted "freedoms" by the skillful use of the tools of the Aesopian language, irony, and satire. This is the evidence of the journalistic excellence of the publisher and the only author of the magazine V.P. Bulygin who used the pseudonym "Reflector".

The study proves that *I smekh, i gore* properly opened the series of satirical magazines in Tomsk during the First Russian Revolution. On its pages, it described the growth of public self-consciousness, the process of understanding events after the Manifesto, and gave vivid sketches of urban life in Tomsk at the end of the revolutionary year, though in a satirical manner. Despite the fact that the magazine is not known, it is an important fact in the development of local journalism and information about it contributes to the overall picture of the formation of provincial periodicals in the early 20th century.

References

1. Kosykh E.N., Yakovenko A.V. *Povremennaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 g.): Svodnyy ukazatel' periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy* [Periodical press in Siberia (the second half of the 19th century – February 1917): Joint index of periodicals and serials]. Tomsk, Izd-vo Veter Publ., 2011. 376 p.
2. *Satiricheskie zhurnaly 1905–1907 gg. v fondakh Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta. Katalog* [Satirical magazines of 1905–1907 in the funds of the Research Library of Tomsk University. Catalog]. Tomsk, Izd. Tom. Un-ta Publ., 1988. 42 p.
3. Krutovskiy Vs. *Gorod Tomsk* [The town of Tomsk]. Tomsk, Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela Publ., 1912, pp. 279–309.
4. Adrianov A.V. *Periodicheskaya pechat' v Sibiri* [Periodical press in Siberia]. Tomsk, Tipolitografiya Tomskoy zheleznoy dorogi Publ., 1919, pp. 13–14.
5. Durylin S., Kazarinov P., Kirzhnets Z. et al. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya v 4-kh t.* [Siberian Soviet Encyclopaedia in 4 vols.]. Novosibirsk, Sibirskoe kraevoe izd-vo Publ., 1929. Vol. 1, column 972.
6. Lepilkina O.I. *Sistema russkoy provintsial'noy periodicheskoy pechaty (XVIII – nachalo XX v.)* [The system of provincial Russian periodicals (the 18th – early 20th century)]. Moscow, Ilekxa Publ., 2010, pp. 304–324.
7. *Russkaya satiricheskaya periodika 1905-1907 gg.: svodnyy katalog* [Russian satirical periodicals of 1905-1907: Joint catalog]. Moscow, Gos. b-ka SSSR im. V.I. Lenina Publ., 1980. 136 p.
8. *Russkie satiricheskie zhurnaly 1905-1907 gg. Katalog kollektsii* [Russian satirical magazines of 1905-1907. The catalogue of the collection]. Moscow, Gos. publ. ist. b-ka Publ., 1973. 57 p.
9. *Satiricheskie zhurnaly 1905-1907 gg. v fondakh Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta. Katalog* [Satirical magazines of 1905-1907 in the funds of the Research Library of Tomsk University. Catalog]. Tomsk, Izd. Tomskogo un-ta Publ., 1988. 42 p.
10. *Satiricheskie zhurnaly pervoy russkoy revolyutsii 1905-1907 gg.: Katalog* [Satirical magazines of the first Russian revolution of 1905-1907: Catalogue]. Novosibirsk, GGNTB SO AN SSSR Publ., 1990. 125 p.
11. *I smekh, i gore* [Laughter and sorrow]. Tomsk, 1905, no. 1.
12. Makhonina S.Ya. *Istoriya russkoy zhurnalistiki nachala XX veka* [History of Russian journalism in early 20th century]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2002, pp. 190–192.
13. *Sibirskaya zhizn'*, 1905, no. 264.

УДК 070:93/94

DOI 10.17223/19986645/28/15

В.В. Пугачев

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье исследуются причины и обстоятельства возникновения массового читателя в России в XIX в. В их числе называются крупнейшие события века: отмена крепостного права и реформа образования, способствовавшие росту городов и зарождению городского мещанского сословия, наиболее талантливые представители которого были рекрутированы в управление, экономику, искусство, литературу и журналистику страны. Описывается, как появление крупных издательских империй способствовало формированию читателя – покупателя их книг, газет и журналов, а в стране родилась массовая журналистика, со временем оформившаяся в систему печати империи.

Ключевые слова: освобождение крестьян, рост городов, рождение мещанства, издания для мещан, формирование читательских вкусов и ожиданий.

История возникновения и развития газетного и журнального дела в Российской империи представляет любопытный феномен. Существует мнение, в основе которого лежат довольно упрощенные коммунистические идеологемы, что та, дореволюционная, имперская система печати отражала и обслуживала интересы преимущественно дворянского, привилегированного класса, а рабочие и крестьяне нещадно угнетались и были сплошь неграмотными. Предметное изучение сохранившихся в библиотечных и музейных фондах экземпляров журналов и газет для самых различных групп читателей помогает нам документально если и не опровергнуть, то критически оценить такой подход. Особенно интересна провинциальная печать, выходившая в губернских и уездных центрах. Она отражала все непростые трансформации русского общества.

Мы видим, как постепенно формируется сложная, многоуровневая система печатной периодики на большинстве языков народов империи, в которой есть не только официозные издания, но и множество газет и журналов, обслуживающих социокультурные интересы и читательские ожидания самых различных слоев той России.

Создается постоянно развивающаяся система периодики не только для дворянского, привилегированного сословия, начинают выпускаться журналы, обучающие всю многонациональную аудиторию систематическому чтению. Они помогали искушенным и неискушенным читателям ориентироваться в мире новых книг и были обращены преимущественно к жителям российской провинции.

Государство было только регулятором в журналистике и издательской деятельности, на бюджетные деньги выходили преимущественно ведомственные столичные и губернские издания – губернские ведомости. Все остальное выпускалось петербургскими и московскими, а также местными издателями только на рыночных условиях. Книгоиздатели для провинции выпускали свои специальные журналы, которые решали не только задачу

рекламы и стимуляции продажи выпущенных ими книг, в масштабах страны эти журналы становились ориентиром в мире новой литературы, помогали выбрать свою книгу для чтения, вырабатывали привычку к покупке книг и, как следствие, к чтению. Они были составной частью зарождавшегося отечественного демократического просвещения, которое в эту пору уже становится влиятельным институтом. По своей природе просвещение не избирательно, оно демократично по определению и не может быть никаким другим. Просвещение становится фундаментом и основой социализации как предтечи рождающегося общественного мнения.

Вторая половина XIX в. была золотым веком для русской журналистики. Мы должны помнить о том, в каких условиях она в это время функционировала – в очень сложной внутривосточной обстановке. Вопреки всем объективным обстоятельствам система печатной периодики многонациональной Российской империи постепенно растет, как в столицах, так и в провинции. Причина этого явления для нас очевидна и понятна: в эти годы в стране выросло предпринимательское, купеческое, ремесленное сословие, стало влиятельным городское мещанство. Появился отечественный читатель со своими ожиданиями и новыми покупательскими возможностями. Поэтому к «Губернским ведомостям», казенному типу изданий, постепенно прибавляются негосударственные газеты и журналы, отвечающие ожиданиям новой читательской аудитории.

Выросли многочисленные города, многие из которых были весьма богатыми и привлекали к себе на постоянное проживание активные деревенские и провинциальные умы. В городах были работа и деньги, российские издатели и редакторы газет и журналов активизируют в них свои новые газетные и журнальные проекты. Примером может служить крупный издатель Елпидифор Трофимович Парамонов, живший в Ростове-на-Дону, в роскошном и удобном особняке которого сегодня располагается университетская научная библиотека. Он издавал и распространял книги, журналы и газеты по всему югу России. Разброс цен на продукцию его издательства был очень большим. Он знал ожидания и возможности своего читателя. Стараниями его семьи в донском краю строятся многочисленные учебные заведения, учреждаются стипендии для малоимущих.

Издателей этого времени можно оценивать как с социокультурной, так и с экономической точки зрения. Они были не только книжниками, журналистами, но и предпринимателями, это был бизнес, четко продуманный, а потому удачливый и доходный. Для нового городского сословия А.Ф. Маркс начинает издавать один из самых интересных и популярных журналов, «Ниву», в лучшие годы тираж которой достигает 500 тысяч экземпляров. В этом журнале вслед за «Библиотекой для чтения» И. Сенковского читателям в различных жанрах предлагается широчайший спектр самых разных публикаций, от жизни глубинки России до рассказов и фоторепортажей из красивейших стран и городов мира. В отличие от актуальной, но сложной для понимания публицистики передовых демократических российских журналов здесь все проблемы излагаются простым и понятным языком. Черно-белые фотографии и сегодня смотрятся не хуже современных глянцевых. Для кого-то этот журнал был окном в неизведанный мир и царство знаний, а кто-то учился

практичной городской и деревенской, усадебной жизни и пониманию современной политики. Одновременно в это же время издается для тонкого культурного слоя интеллектуалов столичный журнал «Мир искусства».

Роман Л.Н. Толстого «Воскресение» был впервые опубликован в нескольких номерах с продолжением в журнале «Нива» издателя А.Ф. Маркса. По политическим нравам того времени и рискам начала XX в. это был смелый гражданский поступок. Страноведческая проблематика журнала была его привлекательным силуэтом для большинства читателей, а творчество великого писателя на страницах журнала для всех стало социальным катализатором его читателей и понятным гражданским символом.

Л.Н. Толстой, как лидер величайшей литературы, вслед за А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем и И.С. Тургеневым, не только обучает читателей счастью жизни и любви. Под этим видимым слоем задач литературы в обществе мы видим еще одну, не менее важную: литература социализирует своих читателей, помогает им увидеть свое место в этом мире.

Не в пользу «Библиотеки для чтения» будет жанровое сравнение ее с «Отечественными записками», с их высоким гражданским настроением и пафосом любви к демократическому Отечеству. При ближайшем же рассмотрении мы увидим, что «Библиотека» в своих статьях была не так глубока и не на многое претендовала по сравнению с «Отечественными записками», но широта спектра ее статей по проблематике и доходчивости аргументации говорит о том, что она давала читателям не меньше знаний об Отечестве. «В «Библиотеке для чтения» участвовали одни ветераны-литераторы, в противоположном лагере, состоявшем из двух органов «Отечественных записок» и «Современника», приютилась вся молодая партия» [1. С. 308]. При этом статистика свидетельствует, что редакция доставляла подписчикам 7000 книжек «Библиотеки». По тем временам это был астрономический тираж, какого не было ни у кого. В этом издании были отделы русской и иностранной словесности, наук, промышленности, критики. Поиски отдела промышленности в демократических журналах закончатся ничем, потому что их там не было. А здесь своих читателей начали обучать азам анализа экономики.

«Библиотека для чтения» и «Нива» были адресованы практически одной городской аудитории – мещанскому предместью и передовому усадебному и хуторскому крестьянству, которое уже было в России. Здесь вырастало будущее России. Здесь пестовались и будущие гении и герои Отечества и его негодяи и предатели. И в руках авторов этих журналов было оружие, слово, чтобы эта пропорция была всегда в пользу первых. Поэтому тиражи этих журналов могут говорить об эффективной социализации авторами статей журналов городского сословия недворянского происхождения. Оно росло в понимании мира вместе с авторами. И главные читатели империи жили уже не только в Москве и Санкт-Петербурге, как это было при А.С. Пушкине и Н.А. Некрасове, а в губернских и маленьких городах всей России.

Одной из главных причин рождения нового читателя и появившихся вслед за ним новых жанров во всех типах изданий были реформа 1861 г., давшая волю крепостным крестьянам, и реформа просвещения. Читателями стали вчерашние крестьяне, горожане-мещане в первом поколении. Краеведческая и страноведческая статьи стали главными жанрами в популярных

журналах и губернских газетах. Журналы создавали и доставляли статьи о странах и народах своими силами, на свои деньги, а губернским газетам в этом помогало Императорское вольное экономическое общество, которое рассылало готовые материалы. Это делало российскую печать не только интереснее, но и более социально направленной. Секрет такого стремительного роста системы печати открывался следующими цифрами: «По переписи населения 1897 г. процент грамотных людей составлял в среднем по стране 22,9 %. В городах грамотность была выше 45,3 %, в европейской части России – 48,9 %, в Петербурге – 62,6 %, в Москве – 56,3 %.

Грамотных мужчин в европейской части было 32,6, грамотных женщин – 13,7 %. В Петербурге – 71,8 %, в Москве – 66,9 и 42,3 %» [2. С. 148]. Лед тронулся, Россия проснулась и была уже на пути к развитому промышленному государству. Печать взяла на себя роль социального просветителя, катализатора.

Традиционно считается, что первая половина XIX в. в России была временем журналов, число газет долгое время было небольшим и общественным мнением правили литературно-художественные журналы. С этим можно поспорить, но в то же время мы знаем, что почти все эти журналы были столичными, и абсолютное большинство из них выходило в двух городах, за очень редким исключением, поэтому они не отражали всего спектра общественного мнения, у них был довольно небольшой совокупный для такой страны тираж. Чтение этих журналов, да и чтение вообще, пока еще было делом дворян, горожан, преимущественно проживающих в столицах, крупных городах или в дворянских усадьбах. Однако постепенно число читателей в России увеличивается и все больше печатной периодики распространяется не только в двух русских столицах, крупных губернских и уездных городах, но и экспедируется по всей империи. Грамотное население уездов постепенно становится читателями большого количества изданий губернской и российской периодики.

История отечественной журналистики XIX в. изучена достаточно подробно. Обозначены основные закономерности и причины появления и исчезновения изданий различного типа. На наш взгляд, эта история стала бы еще более полной и рельефной, если бы можно было так же подробно изучить и реконструировать историю губернской газетной и журнальной периодики и русского провинциального читателя. Читатели двух столиц привлекали внимание исследователей, а вот провинциальная периодика и провинциальные читатели пока изучены недостаточно.

Системы печатной периодики складываются в провинциях России очень неравномерно, потому что в империи были сложившиеся крупные научные, экономические и культурные центры и экономически отсталые губернии. В развитых регионах начинает учреждаться и постепенно развиваться печать самого различного типа для большинства читательских групп. Мы в данном случае говорим не о ведомостных, а о новостных изданиях. Это не самый исчерпывающий список изданий, но он дает представление о культурных центрах России первой половины XIX в. В начале 1840-х гг. усилиями министра внутренних дел Д.Н. Блудова начнут издаваться в основных губернских городах «Губернские ведомости».

До этого мы видели журналистику, создававшуюся дворянами, позже демократами, разночинцами. Теперь во все сферы письменной и художественной культуры активно рекрутируются выходцы из мещан, часто вчерашние крестьяне. Реформа образования 1870-х гг. усилила позиции мещан в поступательном движении по социальным ступеням. Растет их конкурентоспособность на рынке труда. Они трудолюбивы, неприхотливы, довольно амбициозны, им часто отдают предпочтение при отборе на работу.

В Казани уже открыт в 1804 г. Императорский университет, там же работала православная духовная академия, Казань была центром мусульманской религии, культуры и просвещения. Поэтому мы видим такое разнообразие изданий в этом городе. Таким же крупным экономическим и культурным центром был и Харьков, также ставший крупным издательским центром юга империи.

Не следует демонизировать мещанское сословие, как это было в идеологемах недавнего времени. Они просто составляли городское большинство, и из этой среды вышло много интересных и талантливых людей, украсивших отечественные культуру, науку, просвещение. Из нижегородских мещан вышел писатель М. Горький (А. Пешков), в Казани начинал певец Ф. Шаляпин, из таганрогских – писатель А. Чехов и актриса Ф. Раневская (Ф. Фельдман), из воронежской глубинки Бобровского уезда – знаменитый журналист и издатель А.С. Суворин. Этот список знаменитостей можно было бы продолжать бесконечно.

Вот какой была структура населения губернского города Уфы в 1862 г. после отмены крепостного права. «В народонаселении Уфы большое число обывателей состоит из сословия мещанского, которого в 1862 г. было 3924 души обоего пола... Второе место по численности народонаселения принадлежит живущим здесь сельским сословиям, состоящим из крестьян государственных, удельных и временно-обязанных, в 1862 г. их жило здесь 2476 душ об. п., бессрочно-отпускных и отставных нижних чинов с детьми и женами здесь 1720 душ; регулярного войска – 1350 душ мужеского, при которых жило в 1862 г. 270 душ женского пола; личных дворян в Уфе 1601 душ об. п.; потомственных дворян 724 д. об. п. ...Итого всего народонаселения, как выше мы уже заметили, 12 498 душ обоего пола» [3. С. 41]. Читательский ресурс и будущее Уфы мы видим в мещанской части населения и его крестьянской части, среди них растут будущие читатели как губернской, так и российской прессы, покупатели книг.

Вот они и становятся не только читателями, но и слушателями различных профессиональных и образовательных курсов, которых было множество в крупных городах. Их дети получают все виды доступного образования, которое после известных реформ стало в стране намного демократичнее. Вчерашние крестьяне стараются помочь своим детям дать такую жизнь, которая для них в старой деревне была невозможна. Мещанские дети после учебы в школах всех степеней постепенно становятся читателями уже со сложившимися навыками чтения, учителя словесности в школе помогли им понять и полюбить прелесть родной литературы. Пока это хрестоматийный А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Кольцов и Н.А. Некрасов, но именно для них А.С. Суворин и И.Д. Сытин издают обширный репертуар популярных книг известных отече-

ственных писателей. Они станут читателями «Библиотеки для чтения» и «Нивы». Для пассажиров поездов железных дорог издатель А. Суворин открывает на станциях так называемые «лари», прообразы современных газетных и книжных киосков. Так газета и книга отправятся за своими покупателями и читателями. Империя сделала рывок в деле просвещения народа, что вело к общему подъему культуры, наук и, как следствие, внедрению новых технологий.

Вот так читалась российская периодика во второй половине XIX в. Это статистика, отражающая распространение российских изданий по империи. В 1862 г. из 8 000 экз. «Санкт-Петербургских ведомостей» в столице остается три тысячи, пять тысяч читают в губерниях империи. Все 5000 экземпляров «Земледельческой газеты» отправляются к сельским читателям. Из 5300 экз. болгаринской «Северной пчелы», первой крупной частной газеты, 3300 читают в российской провинции. И даже из 3200 экз. «Биржевых ведомостей» 2150 найдут своего читателя далеко от столиц. Всего год назад империя рассталась с крепостным правом, и вот неожиданный результат, эту газету читали не только столичные хранители финансов, а в основном губернские практикующие банкиры и финансисты.

Две трети тиража «Московских ведомостей» также расходуется по России. Наиболее удивительным в этом списке периодики для всех был журнал «Чтение для солдат», 5591 экз. которого распространялся в регулярной российской армии. В войсках в мирное время под ружьем стояло 775 000 солдат (данные 1873 г.). Мы не можем утверждать, что все низшие чины были приобщены к регулярному чтению, но эта цифра несколько колеблет традиционное представление о дореволюционной русской армии как о сборище насильственно собранных для службы сплошь темных людей.

Постепенно в империи начинает складываться система печатной периодики, и надо признать, что губернские газеты в качестве содержания и структуре новостей значительно отставали от столичных. Читатели были не в восторге от казенных ведомостей. «Губернские ведомости – издание казенное. В этом уже первый и главный их недостаток. Хороши ли они, дурны ли они – они во всяком случае будут издаваться. Тут не важен вопрос: будут ли они читаться. От числа читателей судьба их не зависит, как зависела бы она, будь ведомости – собственность частного лица, заинтересованного выходом в успехе своего листка. Хозяин ведомостей, их редактор совершенно безучастен к своему детищу: триста рублей в год для него тоже верны при тысяче абонентов, как и при пятидесяти. Он – чиновник, состоящий не у дел, но кормимый своим чиновничеством. А согласитесь сами, кто обязан рваться из кожи ради чужого дела?» [4. С. 91].

Точнее сказать трудно. Главная проблема в организации нового дела состояла в том, что в громадной империи практически отсутствовало типографское дело, особенно в губернских и уездных городах. Но лед тронулся и было положено начало ведомостной губернской периодической печати, внутри которой со временем появится новостная журналистика.

Первая уфимская типография откроется в 1801 г. «Оренбургские губернские ведомости» выйдут в Уфе 1 января 1838 г. Газета заполнена многочисленными государственными документами, имперскими и местными, которые

теперь для нужд управления глубинной, отдаленной от столиц губернии не надо были привозить из столицы. Газета одновременно печатала и тиражировала их, газета еще не апеллирует к общественному мнению, не создает его, она просто тиражирует приказы власти. Несколько сотен человек, представителей самых разных социальных сословий, с 1 января 1838 г. станут систематическими читателями «Ведомостей», чтение газеты станет теперь их новой обязанностью, позже, возможно, привычкой. Для вице-губернатора это привычное занятие, а волостной писарь где-нибудь в Белебеевском уезде впервые в жизни сделает это и прочитает газету. Общественное мнение – принадлежность и способ мышления свободных людей, граждан не по подданству, а по состоянию духа. Тираж первых выпусков «Оренбургских губернских ведомостей» составил всего 150 экземпляров. В 1865 г. губерния разделится на две, Уфимскую, с центром в Уфе и Оренбургскую, с центром в Оренбурге. И в каждом губернском центре теперь будут выходить свои «Ведомости», в Уфе – Уфимские, в Оренбурге – Оренбургские. В Уфе в 1906 г. «Уфимские губернские ведомости» разделятся на две газеты, из «неофициального» отдела появится новая новостная газета «Уфимский край» и одновременно будут продолжать выходить «Уфимские губернские ведомости».

Но это сегодняшний взгляд на историю ведомостной, не новостной печати. Для своего времени они были не самым совершенным, но практически единственным и монопольным источником сведений для многих людей российских губерний, уездов и волостей. Подписка и получение периодики на дом из столиц пока были скорее исключением, да и доступна подписка была для очень немногих.

Интересно то, что в эти годы интенсивно начинают выходить новые издания не только ведомостного типа, но и новостные, в городах провинциальной России. «...Мы видим, что инициативу в данном случае берет на себя главным образом наше Поволжье и юг. ...Главное же представительство областной прессы... переходит к Казани, Астрахани, Одессе и Харькову, где в течение первых двух десятилетий текущего столетия возникает ряд изданий преимущественно литературного и научного направления: «Казанские известия» (1810–1820 гг.), «Харьковский еженедельник» (1812 г.), «Восточные известия» (1813–1815 гг.) – в Астрахани, «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности» (1815 г.), «Азиатский музыкальный журнал» (1816–1819 гг.), «Российский ежегодник в Риге» (1816 г.), «Украинский вестник» (1816–1820 гг.), в Харькове, «Харьковский демократ» (1816 г.) тоже в Харькове, «Труды общества наук» – в Харькове, «Украинский домовод» (там же), «Отечественный памятник» (1818–1826 гг.) – в Орле-Могилеве, «Казанский вестник» (1821–1833 гг.), «Прибавление к «Казанскому вестнику» (1821–1824 гг., 1828–1834 гг.), «Украинский журнал» (1824–1825 гг.), «Одесский вестник» (1827–1893 гг.), «Тифлиссские ведомости» (1828–1832 гг.), «Заволжский муравей» (1831–1833 гг.) – в Казани, «Листки, издаваемые обществом сельских хозяев южной России» (1831–1840 гг.) – в Одессе, «Литовский вестник» (1834–1840 гг.) – в Вильне, «Ученые записки Казанского университета» (1834–1861 гг.), «Киевские объявления» (1835–1838 гг., 1850–1857 гг.), «Начальственные распоряжения» (1835–1837 гг., 1840–1864 гг.) – в Казани, «Воскресное чтение» (1837–1897 гг.) – в Киеве, «Закав-

казский вестник» (1836–1856 гг.) – в Тифлисе, официальная газета в царстве Польском» [5. С. 291–293].

Вот этот громадный социокультурный диапазон новых нестоличных изданий красноречиво показывает, что российская провинция развивалась неравномерно, была непохожей, но она динамично двигалась вперед. Нам важно помнить то, что, несмотря на все свои несовершенства, эти газеты и журналы развивали своего читателя, учили думать о цене хлеба насущного, о своем месте в этом мире. Это и есть главная задача работы журналистики. Провинциальная печать не догоняла качеством столичную, она просто росла и развивалась вместе со своими губерниями и читателями.

Начинают выходить уже не единичные, а становятся явлением губернской, провинциальной, национальной культуры литературно-художественные, музыкальные, краеведческие альманахи и журналы для чтения. Комитеты и отделы статистики выпускают «Ежегодные справочные книги» губерний. Они объединяли вокруг себя талантливых местных энтузиастов, краеведов. Постепенно продолжается расширение границ читательского поля, сюда рекрутировались не только просвещенные провинциальные дворяне, но и простые чиновники, мещане, купечество, военные. Газета продолжает свою исторически детерминированную победоносную работу печатного слова, созидательную по отношению к личности и разрушительную по отношению к власти. Даже стандартный набор губернских новостей учил читателя не только понимать и воспринимать описанные события, но и сопоставлять, анализировать. И очень важно, что в этой работе они не одиноки, в информационной работе им помогают Санкт-Петербургские и московские газеты и журналы. Число читателей постепенно растет.

Важно, что аккумуляторами и двигателями провинциальной издательской инициативы становятся торговые и крупные города, привлекательные для жизни мещан и вчерашних крестьян. Одновременно рождался новый деловой человек, предприниматель. Так постепенно новая Россия все дальше и дальше уходит от крепостной России, где на протяжении не одного столетия люди рождались и умирали в одном месте.

В 1888 г. уфимцы получали 2245 экз. газет и журналов, жители Уфимского уезда – 555; в Стерлитамаке – 776, уезде – 188; Белебее – 373, уезде – 27; Мензелинске – 359, уезде – 183; Бирске – 676, уезде – 164; Златоусте – 302, уезде – 370. Всего губерния получала 6218 газет и журналов. По названиям это составляло более 200 изданий, не только из Санкт-Петербурга, Москвы, но и других крупных культурных и экономических центров. Как губернский центр Уфа была связана тысячами невидимых экономических и торговых нитей с соседними губерниями. Вот названия изданий Волго-Уральского региона России, которые читали здесь: «Волжский вестник», «Самарский вестник», «Оренбургский листок», «Екатеринбургская неделя», «Нижегородский листок», «Смоленский вестник», «Киевское слово», «Киевский курьер», «Киевская старина», «Харьковский листок», «Волго-Донской листок», «Варшавская газета», «Варшавский курьер», «Еврейский народный листок», «Рижский вестник», «Латышская газета», «Латышские новости», «Польская газета», «Край» (польск.), «Мшак» (армянск.), «Петербургская немецкая газета», «СПб герольд» (нем.). Названия этих газет иллюстрируют уровень связей

Уфимской губернии с соседними и очень дальними регионами России. Даже если эти издания поступали по одному экземпляру в Уфу, мы знаем, что все равно их читали несколько человек.

В 1889 г. уфимцы получали журналы: «Горный журнал» (21 экз.), «Практическая медицина» (11), «Медицинская библиотека» (5), «Врач» (25), «Медицинская хроника» (9), «Медицинский вестник» (24), «Новости терапии» (18), «Журнал химического общества» (2), «Экономический журнал» (5), «Труды Киевской Академии» (5), «Счетоводство» (9), «Русский филологический вестник» (6). Первое высшее учебное заведение губернии, Институт народного образования, здесь откроется через двадцать лет. Но это будет скорее формальным актом официального начала воспроизводства знаний, по названиям получаемых изданий мы видим, что количество профессионально образованных людей, узких специалистов академического профиля, переходит в новое качество и начинает менять в лучшую сторону уровень провинциальной жизни заштатного российского губернского города.

Научная периодика говорит о высоком уровне получаемого уфимцами медицинского обслуживания, которое не было провинциальным, судя по уважаемым источникам новых лечебных достижений. В Уфе отделом Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом издается «Листок белого цвета», такое же издание, «Лига», выходит в уездном городе Белебее. Неподалеку от него, на нескольких станциях новой железной дороги, между Самарой и Уфой, скоро будут выстроены знаменитые на всю Россию противотуберкулезные санатории. И скоро названия этих мест будут связаны с приезжавшими сюда на лечение писателями Л.Н. Толстым и А.П. Чеховым.

Всего чуть больше ста семидесяти пяти лет назад мы отметили выход первого номера «Губернских ведомостей», которые стали одним из доступных и понятных источников местного чтения всеми сословиями. А уже количество получаемых газет и журналов говорит о количестве высококвалифицированных читателей. Сначала мы речь вели о привитии навыков уверенного чтения среди всех сословий (дворян, духовенство и купцов мы не имеем в виду) деревенского и городского населения губернии. Теперь речь шла о внедрении новых знаний, технологий и стандартов, ведущих к повышению качества жизни.

Это была новая городская жизнь. Деревня жила по-старому. Вот интересные наблюдения об уровне культуры предвоенной деревни в дореволюционной России. «В то время как на книжном рынке беспрестанно появляется масса хороших и полезных книг, наша деревня и поныне все еще продолжает оставаться в потемках невежества.

Всего было подвергнуто обследованию 73 двора (всего около 90 домов); только в 57 домах оказались кое-какие книги, 16 же домов никаких книг не имеют. Всех книг зарегистрировано 320... По отделам они разбиваются следующим образом:

I. Книги духовно-нравственного содержания имеются 108 экзempl., а именно: 19 евангелий, 32 молитвенника, 29 житий святых, 1 библия, 6 псалтырей, 14 книг богословского и поучительного содержания, 5 книг описаний чудес, 21 книжка содержит описания святых мест.

II. В литературном отделе насчитывается 152 книги. Чуть ли не половину

этого количества составляют разные сказки. Их 72 штуки. Первое место среди сказок занимает «Бова-королевич» (7 экз.). С ним пытаются конкурировать «Удивительные и забавные похождения Пошехонца» (6 экз.) Несколько сказок Пушкина и Льва Толстого совершенно тонут в массе лубочных произведений. Такую же дребедень представляют и остальные книжки этого отдела, хотя здесь произведений классических писателей больше.

Эти книги можно рассортировать так:

Романов, повестей и рассказов имеется 46 экз., произведений образцовых писателей 14, переделок 3, походов разбойников 9, сыщиков 5, юмористического содержания 3.

Самый распространенный рассказ в деревне «Как солдат спас жизнь Петра Великого» (6 экз.). Из классиков более других распространен Л. Толстой (8 экз.), благодаря тому, что он еще при жизни отказался от авторской собственности на свои рассказы; редкий из лубочников не издает его произведений. Встречаются еще Гоголь (3 кн.), Пушкин (2), Гаршин (Сигнал).

III. Книг историко-биографического содержания имеется 7 экземпляров, почти все лубочного производства. Вот их заглавия: «Гибель города Коростеня», «Ермак Тимофеевич», «Жизнь за царя костромского крестьянина Ивана Сусанина», «Рассказы о Петре Великом», «О жизни и литературной деятельности И.А. Крылова» «Загадочный старец Федор Козьмич» и «Белый генерал Скобелев».

IV. По географии. Книжки «Турки» Пуцковича, «У немцев» Григория Петрова.

V. По естествознанию такие книжки «Обезьяны» Слепцовой и «Рассказы о небесных светилах» Вагнера.

VI. Разного содержания имеется 46 книжек, а именно: 18 песенников, 7 букварей и учебных книг, 2 сонника, 1 оракул, 2 книги по политическим вопросам («Что такое еврей?») и 16 NN разных журналов.

Местная власть и земство не оставляют сельское население без забот о просвещении и изменении жизненного уклада. После реформы 1870 г. во многих деревнях открываются церковно-приходские школы и в уездах школы более высокого уровня, новые знания дадут новых читателей и откроют путь через печатную периодику новым технологиям. В Уфимской губернии земством начинают выпускаться уездные газеты, преимущественно просветительского сельскохозяйственного профиля для индивидуальных производителей сельхозпродуктов и огородников, как это произошло в г. Белебее, позже такая же газета выходит в уездном городе Бирске.

Открывается множество ремесленных школ городских и деревенских профессий. На территории губернии работают 20 технических ремесленных школ, в их числе Златоустовское механико-техническое училище и ремесленное училище, они готовили квалифицированные рабочие кадры для местных оружейных заводов.

Аскинская низшая ремесленная школа, женское ремесленное училище в г. Уфе. Это семь училищ сельскохозяйственного профиля: знаменитая Ляховская-Дашковская школа садоводства, огородничества и полеводства с отделением пчеловодства недалеко от Уфы, она пережила много времен и событий и станет со временем сельским профтехучилищем, такая же школа была в

селе Яркоево Бирского уезда, Мензелинская низшая сельскохозяйственная школа. Практически все учащиеся, выпускники этих школ, вернувшись, в родные места, выберут несколько иной образ жизни, он останется деревенским, но они теперь читатели и путь им будут указывать не только традиции, но и книга, газета, журнал.

Литература

1. Старчевский В.А. Воспоминания литератора // Исторический вестник. 1891. Т. 45.
2. Косулина Л.Г., Ляшенко Л.М. История России. Ч. 2. М., 1994.
3. Памятная книжка Оренбургской губернии в 1865 г. Уфа.
4. ЛК. Заметки о губернских ведомостях // Книжный вестник. 1862. № 28.
5. Глинский Б.Б. Печать в провинции // Исторический вестник. 1898. Т. 71.

THE PROVINCIAL READER IN THE RUSSIAN EMPIRE.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 169–179. DOI 10.17223/19986645/28/15
 Pugachev Valery V., Bashkir State University (Ufa, Russian Federation). E-mail: walp1@yandex.ru

Keywords: liberation of peasants, urban growth, birth of petty bourgeoisie, publication for townspeople, formation of readers' tastes and expectations.

The paper analyzes the causes and circumstances of the mass reader formation processes in Russia in the 19th century. Among them are the major events of the century that changed the historical fate of the Empire: the abolition of serfdom and the reform of public education that contributed to the growth of cities and the rise of the urban petty bourgeoisie social class. The most enterprising and ambitious people leave their homes after the liberation, and move first to county towns, then – to provincial cities, and the capital. Here they gradually realize themselves in the crafts, trade, and eventually become the backbone of the urban petty bourgeoisie. Their children receive education, which has now become more democratic and more accessible. Education for the new urban class is as driving, as religious life was for their parents in the village.

All this creates a new urban, not aristocratic, culture. There appears the urban romance. The guitar is a sign of devotion to music. Composers write so-called "cruel romances" for the new audience. Literature also responds to the expectations of the townspeople. In his plays Ostrovsky tells about the difficult and interesting life of this class of townspeople. Later Chekhov and Gorky continue this topic. The time will come and the most educated and talented representatives of the petty bourgeoisie will be engaged in the management, economy, art, literature and journalism of the country. The best representatives of this class will create new large publishing empires that will contribute to the formation of the reader – the buyer of their books, newspapers, and magazines. Mass journalism appears in the country; it will eventually form the Russian press.

Publishers address their new mass magazines to this audience, for instance, *Niva* by A.F. Marx. The magazine was popular in the new Russia, some years its circulation was 500 thousand copies. The petty bourgeoisie begins to buy loads of books. Numerous bookshops open in cities. They sell books, newspapers, and magazines not only in Russian, but also in foreign languages: the monopoly of the nobles in foreign languages also comes to an end. It generates new knowledge, technologies and industries. The Russian reader was born.

References

1. Starchevskiy V.A. Vospominaniya literatora [Memoirs of a writer]. *Istoricheskiy vestnik*. St. Petersburg, 1891, XLV.
2. Kosulina L.G., Lyashenko L.M. *Istoriya Rossii* [The history of Russia]. Part 2. Moscow, 1994.
3. *Pamyatnaya knizhka Orenburgskoy gubernii v 1865 g* [The agendum of Orenburg Province in 1865]. Ufa, Gubernskaya tipogr. Publ.
4. Signed as LK. Zаметки о губернских ведомостях [Notes on Provincial Gazette]. *Knizhnyy vestnik*, 1862, no. 28.
5. Glinskiy B.B. Pechat' v provintsii [Printing in the province]. *Istoricheskiy vestnik*. St. Petersburg, 1898, LXXI.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

С.А. Дубровская

«ОБМАНЧИВАЯ ЯСНОСТЬ» СМЫСЛОВ А.С. ПУШКИНА

DOI 10.17223/19986645/28/16

Рецензия на книгу: Гуревич А.М. Сокровенные смыслы: Статьи о Пушкине (1984–2011). – М.: Совпадение, 2011. – 208 с.

В книге рассматриваются произведения Пушкина 1825–1834 гг. – из числа наиболее важных, значительных, а в то же время чрезвычайно сложных для истолкования и понимания; не случайно за многими из них утвердилось репутация загадочных. Вниманию читателей предлагаются наблюдения над текстами «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Полтавы», «Медного всадника», «Пиковой дамы», «Сказки о золотом петушке». В результате тщательного анализа выявляются потаенные, скрытые смыслы этих произведений, придающие им острозлободневный, «взрывчатый» характер, подтексты, ускользающие обычно от внимания читателей, исследователей, критиков.

Адресованная специалистам, книга в то же время будет интересна преподавателям вузов, студентам, школьным учителям, широкому кругу любителей и ценителей русской литературы.

Творческое наследие А.С. Пушкина на протяжении десятилетий остается в центре внимания отечественного литературоведения. Классика пушкинистики насчитывает сотни работ, и может показаться, что сказать нечто новое о величайшем русском поэте практически невозможно. Рецензируемая книга известного российского литературоведа-пушкиниста А.М. Гуревича – убедительное свидетельство того, что потенциал несказанного и неисследованного в творчестве Пушкина еще достаточно велик.

Собрав свои статьи о Пушкине, публиковавшиеся с 1984 по 2011 г., А.М. Гуревич предложил стройную, логически выверенную концепцию понимания «сокровенных смыслов» пушкинского творчества. Несомненное достоинство книги видится нам в том, что опубликованные в разное время статьи автора, оказавшись под одной обложкой, превратились в единое целое. Благодаря этому сам исследователь выходит на принципиально новый уровень понимания и интерпретации поставленных проблем. Нельзя не согласиться с автором в том, что трудности постижения творчества Пушкина связаны не только с уникальностью гения, но во многом и с тем, что «читатели, критики, даже исследователи,

вольно или невольно игнорируют глубоко запрятанные подтексты, скрытые, потаенные смыслы пушкинских творений» (с. 7)

Свою задачу Гуревич видит в том, чтобы показать ценность и важность неявного, трудно уловимого как для «понимания отдельных произведений поэта, так и его творчества в целом» (с. 7). Исследовательский сюжет книги охватывает несколько проблемных полей (мифология пушкинистики, политические, историософские взгляды Пушкина и их отражение в произведениях 1825–1834 гг., современные отечественные исследования о Пушкине). Сам выбор произведений для анализа и определенный ракурс прочтения формируют научный сюжет. Сфера интересов автора – сфера идей. Гуревич генерирует материал в духе актуальных для Пушкина жизненных проблем. Философия человека рассмотрена в социальном и политическом контекстах эпохи.

Основная особенность пушкинских текстов заключается, по убеждению исследователя, в двойственности, балансировании на границах реального и вымышленного, реального и фантастического, исторического и злободневного, текста и подтекста. Совмещение столь различных планов пушкинского творчества становится возможным только при погружении образов в исторические реалии эпохи, литературные контексты, соотнесении конкретных художественных идей с общими творческими стратегиями автора и во многом благодаря проекциям на личную судьбу поэта.

Углубляет перспективу образов примечательная особенность исследовательской манеры Гуревича – проблемные вопросы, которыми задается литературовед, призывая попытаться ответить на них и своего читателя: «Кто же истинный герой «Бориса Годунова»?», «Зачем же все-таки понадобилось Пушкину столь странное, парадоксальное соединение в облике Евгения нищеты и знатности?» и т.п. Кроме того, звучат в книге и вопросы неожиданные, особенно актуализирующие потаенные смыслы пушкинского текста (например, «Почему главным антагонистом царя в пушкинской сказке оказывается скопец?»).

В программной для авторского замысла первой главе книги обозначена проблема «драмы непонимания» поэта, причины которой – в «мифологизме» истолкований. А миф, по очень точному наблюдению Гуревича, «основан на принципе синекдохи (часть вместо целого), он абсолютизирует одну грань, одну сторону явления (в нашем случае – творчества писателя) за счет других» (с. 20–21). В этой же главе звучит принципиальное утверждение ученого: Пушкина «привлекала государственность допетровской Руси, в судьбах которой важнейшую роль играло старинное дворянство. К потомкам этих древних родов Пушкин относил самого себя и своих друзей-декабристов. Именно ситуация вольного дружественного союза монарха и древней аристократии отвечала политическим идеалам Пушкина. Именно по этому пути надеялся он направить и развитие современной ему России (с. 23). Тезис аргументируется последующим исследованием конкретных художественных произведений поэта.

А.М. Гуревич мастерски владеет искусством медленного чтения, позволяющим ему выявлять взаимопроникновение смыслов, считывать сокровенное, проясняя пушкинскую позицию. Так, политическое мировоззрение главного героя проявится, если обратить внимание на чтение Онегиным Ада-

ма Смита, популярного «в кругу русских вольнодумцев», на проведенную параллель Онегин – Чаадаев, на маршрут путешествия Онегина (как отмечает Гуревич, по «горячим точкам» русской истории, по ее героическим страницам» (с. 34). Все это, по мнению литературоведа, «ясно свидетельствует о том, что главный герой – словно бы наперекор усилиям автора – предстает в романе как личность незаурядная и крупномасштабная, как человек декабристского круга, а сам роман – как произведение острозлободневное, политически окрашенное» (с. 34). Называя определяющей чертой романа «Евгений Онегин» «поэтику подраزمеваний», Гуревич прослеживает искусную и сложную игру, которую ведет с читателем автор. С этим связана и другая важнейшая проблема – проблема понимающего читателя, открытого сотворчеству и соучастию. Эта проблема будет постоянно актуализироваться исследователем, подчеркивающим неслучайность «случайных деталей». Так, например, в тексте «Полтавы» А.М. Гуревич выделяет «сигналы, настраивающие читателя на восприятие ее внутреннего, скрытого плана» (сюжет «Войнаровского», полемика с Рылеевым, посвящение, вызвавшее ассоциации с личностью Марии Волконской, расстановка акцентов в изображении Мазепы).

В произведениях на тему русской истории («Борис Годунов», «Полтава») исследователь на первый план выдвигает проблему власти, что выводит его к обозначению «злободневного политического подтекста» творений (с. 48). Острейший политический смысл историко-художественной концепции «Бориса Годунова» литературовед связывает с пушкинским осмыслением своей судьбы в контексте исторических судеб виднейших представителей русской потомственной аристократии, а также с воплощением «социально-психологического комплекса «нового дворянства» в характере Бориса и Басманова, людей, «снедаемых непомерным честолюбием, любой ценой и любыми средствами стремящихся к возвышению, власти» (с. 67).

Очевиден для исследователя «животрепещуще-злободневный» смысл и другого исторического произведения 1820-х гг. – поэмы «Полтава». «Вглядываясь в текст «Полтавы», – пишет Гуревич, – нельзя не заметить, что конфликт Мазепы и Кочубея, пусть неявно, но все же вполне определенно спроецирован на современность, что с ним связана важнейшая внутренняя тема поэмы, ее сокровенная суть, определившая злободневно-публицистический смысл этого исторического произведения» (с. 83). Необычность «Полтавы» ученый видит в том, что в поэме «представлено сразу два бунта: бунт Мазепы против Петра и как бы вмонтированный в него бунт Кочубея против Мазепы». При этом, как подчеркивает литературовед, «если первый из них автором безусловно осужден, то второй – в полном соответствии с политическими взглядами Пушкина – изображен весьма сочувственно» (с. 85).

Созданные в одно время, «Медный всадник» и «Пиковая дама», по наблюдениям Гуревича, дают «новое измерение» теме противостояния родового дворянства и дворянства нового. В «Поэме без героев» (как называет Гуревич главу о «Медном всаднике») Пушкин рисует символическое представление дальнейшей судьбы родовитого русского дворянства, чему способствует, по мнению Гуревича, «полная обезличенность Евгения»: «Это действительно не лицо, не характер, не индивидуальность, но своего рода знак –

символ того незавидного будущего, которое ожидает независимых потомков древних боярских родов, если курс на их отстранение от власти, на замену их дворянством новым, т.е. не наследственным, а выслуженным и потому полностью зависимым от правительства и царя, будет продолжен». «Именно поэтому, – подчеркивает литературовед, – Пушкин и наделяет Евгения чертами не индивидуальными, а типологическими, родовыми, свойственными, как он полагал, потомкам дряхлеющих родов вообще» (с. 107).

Германн же в «Пиковой даме» – олицетворение родовых свойств новой знати, «все больше набиравшей силу и оттеснявшей на второй план старинную русскую аристократию» (с. 152). Продолжая мысль А.М. Гуревича о рождении новой знати, можно предположить и неслучайность «немецкой крови» нового дворянина.

«Кульминационной точкой в затянувшемся противостоянии поэта и царя» (с. 176) исследователь называет «Сказку о золотом петушке»: «Нам же важно подчеркнуть, что осклопленность мудреца-звездоточета имеет в «Сказке» не сексуально-эротический, а скрытый политический смысл» (с. 169). Размышляя над парадоксальной ситуацией (главный антагонист царя – скопец), Гуревич не только выделяет литературно-полемические мотивы выбора мудреца-скопца (поэма-сказка Катенина «Старая быль»), но, актуализируя историко-политический контекст, подчеркивает: «...царю противостоит здесь опальный изгнанник, пострадавший за свои убеждения и действия и потому заведомо враждебный власти. А значит, и его возмездие своему антагонисту есть деяние намеренное и целенаправленное» (с. 171).

Композиция книги (главы расположены в порядке хронологии создания произведений – от «Евгения Онегина» к «Сказке о золотом петушке») обозначает логику внутреннего сюжета, основанного на убеждении ученого в том, что «вечное и общечеловеческое неотделимо у Пушкина от сиюминутного и злободневного» (с. 192).

Главным объектом критики автора становится сомнительная традиция современной пушкинистики – мифологизация Пушкина, основанная на подборе «удобных» фактов, иногда на недопонимании, поверхностном прочтении. А.М. Гуревич приводит достаточно наглядных примеров внутренне противоречивых изложений пушкинистов, предвзятости позиции, а порой искажения или ложных оснований. Вынесенный в приложение обзор «Особенности отечественной пушкинистики в юбилейный период (Полемические заметки)» становится своего рода итогом размышлений ученого над обозначенными в книге проблемами. Говоря о возрождении мифа (Пушкин – «смирный христианин и верноподданный, всей душой преданный царю» (с. 181), А.М. Гуревич, не затрагивая вопросы национально-религиозные, анализирует юбилейную (к 200-летию со дня рождения) пушкинистику в свете исторических и политических воззрений поэта. Специального внимания заслуживают размышления исследователя над историческими фактами последней дуэли Пушкина.

Книга вышла в серии изданий, приуроченных к 175-летию со дня гибели А.С. Пушкина. Нельзя не обратить внимание на оформление книги. В дизайне обложки использованы пушкинские автоиллюстрации. Первая страница – имитация приоткрывающегося фрагмента титульного листа «Сказки о золо-

том петушке» – подводит читателя к основной задаче автора книги: выявлению ускользающих подтекстов. Последняя страница – «Медный всадник» без Петра – символически обозначает одну из основных идей, развитых А.М. Гуревичем: отражение политических идеалов Пушкина в произведениях 1825–1834 гг.

Нет никаких сомнений в том, что рецензируемая книга приблизит исследователей к дальнейшему проникновению в сокровенные смыслы творчества А.С. Пушкина.

"DECEPTIVE CLARITY" OF MEANINGS BY A.S. PUSHKIN. A BOOK REVIEW: GUREVICH A.M. *SOKROVENNYE SMYSLY. STAT'I O PUSHKINE (1984-2011)* [HIDDEN MEANINGS. ARTICLES ON PUSHKIN (1984–2011)].

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 180–184. DOI 10.17223/19986645/28/16
Dubrovskaya Svetlana A., Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: S.Dubrovskaya@bk.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУЛЛИНА Гульфира Рифовна – д-р филол. наук, профессор кафедры башкирского языка Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.
E-mail: abguri@yandex.ru

ВАЛОВА Ольга Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров).
E-mail: olymihalna@yandex.ru

ДАРВИШ Рихаб Эль-Хусейни – канд. филол. наук, преподаватель кафедры славянских языков Айн-Шамского университета (г. Каир, Египет).
E-mail: dr.relhossieny@gmail.com

ДРОНОВА Любовь Петровна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.
E-mail: lpdronova@mail.ru

ДУБРОВСКАЯ Светлана Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (г. Саранск).
E-mail: S.Dubrovskaya@bk.ru

ЖИЛЯКОВА Наталия Вениаминовна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории и практики журналистики Томского государственного университета.
E-mail: retama@yandex.ru

ЖИЛЯКОВА Эмма Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.
E-mail: emmaluk@yandex.ru

ИБРАГИМ Ваиль Фахим – канд. филол. наук, преподаватель кафедры славянских языков Айн-Шамского университета (г. Каир, Египет).
E-mail: wfi1980@yahoo.com

ЛАППО Марина Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: lapro2000@mail.ru

МЕХЕДА Марина Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Иркутского государственного лингвистического университета.
E-mail: mmekheda@mail.ru

НАГЕЛЬ Ольга Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии, докторант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.
E-mail: olga.nagel2012@yandex.ru

ПЛЕХАНОВА Ирина Иннокентьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры новейшей русской литературы Иркутского государственного университета.
E-mail: oembox@yandex.ru

ПУГАЧЕВ Валерий Вениаминович – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы и издательского дела Башкирского государственного университета (г. Уфа).
E-mail: walpl@yandex.ru

ПУШКАРЕВА Ирина Алексеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии (г. Новокузнецк).
E-mail: pia11@yandex.ru

СУХАНОВА Софья Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.
E-mail: suhanova_sofya@mail.ru

ЦЫПИЛЁВА Полина Анатольевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.
E-mail: anilopa87@mail.ru

ШПИЛЕВАЯ Галина Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета.
E-mail: 19alex04@mail.ru

ШУНКОВ Александр Викторович – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и русского языка Кемеровского государственного университета культуры и искусств; соискатель кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.
E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2014. № 2(28)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Капустур*

Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 30.04.2014 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.
Печ. л. 11,75; усл. печ. л. 15,27; уч.-изд. л. 15,47.
Тираж 500 экз. Заказ № 323.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru